

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Н. В. Сухов

**ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В МАРОККО В XX В.**

Москва
2019

ББК 63.3(2Рос)6(6Мар)
С914

К 200-летию Института востоковедения РАН

Ответственный редактор
А. В. Сарабьев

Сухов Н.В.

С914 История русской эмиграции в Марокко в XX в. / отв. ред. А.В. Сарабьев; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2019. – 276 с., ил.

ISBN 978-5-89282-822-2

Автор, много лет проработавший в Марокко на дипломатической должности, по документальным данным воссоздает картину жизни русской диаспоры в этой стране. События XX века породили несколько волн эмиграции русских в Марокко – страны, ставшей для многих конечным пунктом после долгих скитаний. Правдивый рассказ о русских в Марокко не обходит молчанием острые проблемы, связанные с идеологическим противостоянием внутри общины, церковными юрисдикционными коллизиями, сложными человеческими взаимоотношениями. Серьезный научный подход автора и обилие бесценных источников делают книгу полезной как для специалистов-историков, так и широкого круга читателей.

ББК 63.3(2Рос)6(6Мар)
ISBN 978-5-89282-822-2

© Сухов Н.В., 2019

© ФГБУН ИВ РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
<i>Глава 1.</i> Формирование русской общины в Марокко: «Насыпало нас сюда из разных мешков...»	33
<i>Глава 2.</i> «Северные ворота Марокко».....	69
<i>Глава 3.</i> Иностраннный легион.....	79
<i>Глава 4.</i> «Русские углы» в Марокко: характеристики русской эмигрантской общины «первой волны».....	102
<i>Глава 5.</i> Церковная община, общественные организации, поселки, быт.....	133
<i>Глава 6.</i> Гуманитарное взаимодействие с марокканцами	151
<i>Глава 7.</i> Русские эмигранты в Марокко в период Второй мировой войны	155
<i>Глава 8.</i> «Вторая волна» русской эмиграции в Марокко.....	168
<i>Глава 9.</i> Пути и способы адаптации эмигрантов «второй волны».....	188
<i>Глава 10.</i> НТС, «антисоветчики», «советчики» и раскол эмигрантской общины	198
<i>Глава 11.</i> Русские эмигранты и марокканцы: человеческое измерение.....	229
Заключение	243
Источники и литература	251
Приложения	263

*Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.*

6 июля 1816 г.

Г.Р. Державин

ПРЕДИСЛОВИЕ

Марокко, сочетая в себе одновременно черты Африки и Ближнего Востока, для нас, россиян, является уникальной в своем роде страной, поскольку на протяжении близкого нам исторического отрезка – в XX веке – там сформировалась часть того, что принято сегодня называть «Русским миром». Это сообщество русскоязычных людей, находясь в постоянном гуманитарном контакте с населением Северной Африки, оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на жизнь Марокко и, одновременно, на отношение марокканцев, от короля до пастуха, к России и к нам самим, её жителям.

Взаимоотношения России и Марокко имеют давнюю историю.¹ Их, без сомнения, следует рассматривать в глобальном контексте российско-африканских

¹ Сущность межкультурного взаимодействия в форме гуманитарных связей раскрыта В.В. Беляковым в диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук: В.В. Беляков. Роль гуманитарных связей в межкультурном взаимодействии России и Египта (конец XIX – середина XX века). М. 2007. С. 19–47.

связей. Усиление международных позиций России при Петре I, её вовлечение в мировую торговлю в результате выхода на стратегические рубежи в Балтийском и Северном морях, противостояние с Османской империей закономерно привели к появлению африканского направления в российской внешней политике. Продолжателем дела Петра I по праву считается Екатерина II. В период ее царствования российское правительство наладило первые контакты с Марокко, что было обусловлено геополитическим положением Магриба в средиземноморском регионе. Россия стремилась развивать свою торговлю в странах Средиземноморья, для чего требовалось свободное судоходство через проливы Босфор и Дарданеллы, расширение русского присутствия на Балканах. Однако, в XVIII в., до заключения Кючук-Кайнарджийского мира в 1774 г. и русско-турецкого союзного договора 1799 г., согласно которым российские торговые, а затем и военные суда получили право прохода через черноморские проливы, основным путем сообщения России и стран бассейна Средиземного моря оставался Гибралтарский пролив. В 1769 г. был назначен нештатный консул России в Гибралтаре англичанин Лидс Бут. Он направлял в Россию информацию о внутри- и внешнеполитическом положении Марокко, на основании которой публиковались заметки в газете «Санкт-Петербургские ведомости», свидетельствовавшие об интересе российского общества к этой стране.¹

В этот же период марокканский султан Мухаммед Бен Абдалла, правивший с 1757 по 1790 год, предпринял попытку вывести свою страну из экономической и политической изоляции.² Было существенно ограничено пиратство у марокканских берегов, стал развиваться

¹ Мусатова Т.Л. Россия–Марокко: далекое и близкое прошлое. М. 1990. С. 12–13.

² Bernard Lugan. Histoire du Maroc. Des origins a nos jours. Paris. 2011. P. 194–196.

новый портовый город Могадор (нынешний эс-Суэйра), активизировались экспортно-импортные операции через все марокканские порты, где стали селиться иностранные торговцы и складываться европейские общины. Были заключены торговые соглашения между Марокко и ключевыми морскими державами того времени. Все консульства европейских государств сосредоточились в Танжере, кроме представительства Франции, которое располагалось в Рабате. Посланники марокканского султана также постоянно находились в столицах и важнейших торговых центрах европейских стран.¹ С одним из них в тосканском Ливорно вступил в контакт капитан эскадры российского флота Тимофей Козлянинов, что положило начало официальным отношениям между марокканскими султанами и российскими императорами. Для настоящего исследования важно то, что одновременно было документально зафиксировано начало гуманитарных связей между марокканцами и россиянами. Два фрегата русской эскадры более двух месяцев находились на рейде Танжера в ожидании письма султана Екатерине II. Судя по детальному описанию города, населения страны, его нравов и обычаев в судовых журналах, хранящихся в Центральном государственном архиве ВМФ, русские моряки имели возможность близко познакомиться с Марокко.

«Что ж касается для описания города Танжера, то онный из числа первейших его (Марокко) приморский город. Он лежит на берегу Жибралтерского пролива на двух небольших горах, укреплен – каменною нерегулярною фортификацією, а с морской стороны довольно крепок, а с матерой земли стена насилу стоит и, конечно, от ядра удару не вытерпит, обведен был широким и глубоким рвом, но ныне сие запущено... Строение в городе каменное, весьма малое и дурное, улицы узкие и нечистые... На горе замок, в коем превеликий Импе-

¹ Michel Abitbol. Histoire du Maroc. Perrin., 2009. P. 273–278.

раторский дом, в нем премного покоев и все почти без окошек, а освещаются дверьми... Что касается до обывательских домов, весьма дурно построены и очень низки и тесны, с нуждой в покое могут жить как 2 человека, тож без окошек, вымазаны снаружи и изнутри глиной, а сверху известью... Земля... изобильна хлебом, скотом, разной (дичью), рыбой и фруктами, также много львов, тигров, обезьян и вепров. Имеют фабрики шерстяные, кожные, на коих делают подошвенные сафьяны, разных ... цветов и ... кожи и славные лошадиные и мулзаводы, собирают довольно деревянного масла, воску, желтой камеди, говяжьего сала, медных руд... что надлежит до их народов, то подлой (простой) народ весьма бедный, весьма подбострастный и не склонный оказывать никаких грубостей, но их начальники совсем им люди противные.¹

Исследователи вопроса полагают, что в течение XVIII в. российская внешняя политика в Африке приобрела три основных направления: эфиопское, марокканское и южноафриканское.² Целенаправленный интерес российского правительства к африканскому континенту был вызван объективным стремлением империи к расширению своего геополитического влияния и проявлялся, прежде всего, в организации научно-исследовательских экспедиций. Перед российскими географическими экспедициями стояли широкие задачи: сбор подробной информации о ландшафте, минеральных и других ресурсах континента и его отдельных регионов, изучение культуры народов Африки, их государственного устройства. Руководящую роль в подобных исследованиях играли офицеры российской армии (что по-

¹ Мусатова Т.Л. Россия–Марокко: далекое и близкое прошлое. М., 1990. С. 20–22.

² Яковлева Е.В. Колониальный раздел Африки и позиция России (вторая половина XIX в. – 1914 г.) / Автореф. дисс. ... к.и.н. Иркутск. 2004. URL: <http://cheloveknauka.com/kolonialnyy-razdel-afriki-i-pozitsiya-rossii>

зволяет провести аналогию с деятельностью других государств, например, экспедициями англичанина Стенли¹, немца Шнитцера² и т. п. В 20–80-е гг. XIX в. экспедиции А.С. Норова³, Е.П. Ковалевского⁴, П.А. Чихачева⁵, В.В. Юнкера⁶, А.В. Елисеева⁷ и других российских

¹ Генри Мортон Стэнли GCB (Henry Morton Stanley), настоящее имя – Джон Роуллендс (1841–1904) – журналист, знаменитый путешественник, исследователь Африки. Рыцарь Большого Креста ордена Бани. См.: Карпов Г.В. Генри Стэнли. М.: Географгиз, 1958.

² Эдуард Шнитцер (Eduard Schnitzer), принял ислам и имя Мухаммед аль-Эмин, известен как Эмин-Паша (1840–1892) – немецкий колониальный деятель, путешественник и исследователь Африки. URL: <http://www.jewish.ru>

³ Норов А.С. (1795–1869) одним из первых россиян совершил путешествие по Египту и Нубии, на парусном судне он проплыл весь Нил и исследовал Северный Судан. Учёный собрал ценный материал по географии, экономике и культуре населяющих эти страны народов. Является зачинателем русской библейской археологии. См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897, т. 21 (43).

⁴ Ковалевский Е.П. (1809–1868). В 1847–48 гг. совершил путешествие в Египет и Судан. Собрал географические и геологические сведения о Северо-Восточной Африке. Одним из первых определил географическое положение истоков Белого Нила. См.: Вальская Б.А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М., 1965. С. 96–98.

⁵ Чихачев П.А. (1808–1890) – является основоположником полевых исследований русских ученых по геологии и ботанике Северной Африки. Он впервые дал описание Северной Африки в популярной форме, показав одновременно человека и природу в их самых разнообразных проявлениях. См.: Цыбульский В.В. П.А. Чихачев – исследователь, путешественник. М., 1961. С. 160.

⁶ Юнкер В.В. (1840–1892). С 1875 по 1879 г. занимался археологией в Тунисе, собирал древности. В дальнейшем выбрал для своих путешествий Восточную и Экваториальную Африку. Изучая водораздел Нила и Конго, он совершил целый ряд географических открытий, впервые составил карту огромной части Центральной Африки, первым наладил регулярные метеонаблюдения на двух станциях. Юнкер составил словари десяти негритянских племен, собрал большую этнографическую коллекцию, ценнейшие коллекции растений и животных Африки. См.: Забродская М.П. Русские путешественники по Африке. М., 1955.

⁷ Елисеев А.В. (1858–1895) в 1881–82 гг. посетил Египет, в 1884–87 гг. путешествовал по Ливии, Алжиру, Тунису, Малой Азии, в 1893 г. – по Ливий-

исследователей, действовавших в различных регионах Африки). Они занимались сбором сведений о береговом рельефе, о климате, о природных ресурсах, о торговле, о населении африканских государств. Эти сведения представляли интерес для российского правительства и, возможно, готовили почву для проникновения в Африку. Вклад русских исследователей в изучение африканского континента невозможно переоценить. При этом очевидно, что в центре их задач находились стратегические интересы, связанные с укреплением позиций России в различных регионах мира в условиях менявшихся международных отношений.

В этом же контексте можно рассматривать и поездки в Марокко, предпринятые русскими путешественниками в XIX в. Материалы российских архивов, опубликованные в 90-х гг. прошлого века, позволяют проследить маршруты экспедиций, пролежавших по территории шерифской империи.¹ Наибольший интерес для данного исследования представляют личностные контакты с обитателями страны, возникавшие в ходе путешествий В.П. Боткина (в 1845 г.)² и А.Н. Демидова (в 1847 г.), а также К. Скальского (1886 г.) в Танжер, К.А. Вяземского (29 января 1881 г. – 6 января 1882 г.) из Танжера в Марракеш и обратно.

ской пустыне и в 1895 г. – по Эфиопии. Собрал многочисленную антропологические и этнографические сведения. См.: Забродская М.П. Русские путешественники по Африке; Мощанская В.Н. Путешествия А.В. Елисеева по белу свету. М., 1956.

¹ Мусатова Т.Л. Россия–Марокко: далекое и близкое прошлое. М., 1990; Россия–Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777–1916). М., 1999.

² Боткин В.П. (1812–1869) – философ, литературный критик, переводчик, очеркист, брат выдающегося русского врача. Во время путешествия по Испании в августе–октябре 1845 г. Боткин прибыл в Танжер, где остановился на четыре дня. В опубликованные им впоследствии путевые очерки под названием «Письма об Испании» был включен и очерк о Танжере. Мусатова Т.Л. Россия–Марокко... С. 56.

Все они составили путевые записки, ставшие достоянием широкой публики в России, и представляющие собой важнейший канал опосредованного культурного взаимодействия между русским и марокканским народами. Важно отметить, что К.А. Вяземский был членом Русского географического общества и единственным в тот период времени русским, побывавшим не только на побережье, но и во внутренних районах страны.

Из анализа дневников русских путешественников становится очевидно, что, посещая Марокко, они иногда углублялись далеко во внутренние районы страны, вовсе не из любопытства, как утверждал, например, В.П. Боткин в приведенном ниже эпизоде.

« – Из какого ты народа? – спросил меня старый мавр.

– Я русский, – отвечал я.

– Об этом народе я никогда не слышал. А зачем едешь в Танжер?

– Из любопытства, посмотреть вашу землю.

*Мавр подумал несколько и потом медленно проговорил, с тем величавым, спокойным достоинством, которое принадлежит одному Востоку: Аллах велик! Никто не может знать, какой дорогой он ведет его. Но сохрани Аллах, чтоб я мог оставить свою землю из любопытства видеть другие земли. Мы, мусульмане, ездим только по делам или по предписанию пророка в Мекку, где ключ всех законов».*¹

Практически все авторы подробно описывали марокканское побережье и порты, указывали расстояния между населенными пунктами. При этом самого пристального внимания русских удостаивались армия султана, её вооружение, природные ресурсы страны, её торговые связи и финансовая система, особенности структуры марокканского общества. Эта полезная для заинтересованных государственных ведомств информация сопровождалась этно-

¹ Там же, с. 134.

графическими зарисовками, лирическими описаниями экзотических пейзажей, быта и нравов населявших Марокко людей, вызывавшими самый живой интерес российских читателей.

Заметный вклад в распространение знаний о Марокко в России, а затем и в послереволюционной эмиграции внес Василий Иванович Немирович-Данченко (1848/49–1936), талантливый русский писатель и журналист, который дважды побывал в Марокко в последней четверти XIX в. Его очерки о достопримечательностях Танжера, Рабата, Мазагана, Тафилальта, Феса, Мекнеса, Уаззана, Лараша, Тетуана вошли в книгу с поэтическим названием «Край золотого заката».¹ Без сомнения, переизданная в 1923 году в Берлине,² она послужила в какой-то степени путеводителем для русских эмигрантов первой волны, обладавших минимумом знаний об истории и жизни этой страны. Например, о султанском дворе, о жестоких методах местного правосудия, о султанской почте, фесской аристократии, городских базарах и, наконец, о доброжелательном отношении и интересе марокканцев к России и русским людям.³ Последнее обстоятельство, возможно, играло положительную роль в принятии ими решения о переезде в Марокко из охваченной экономическим кризисом Европы в 30-х гг. XX в.

Следует отметить, что в рассматриваемый период российско-марокканские межкультурные контакты инициировались преимущественно россиянами. Информация о России в Марокко почти не поступала, и представления марокканцев о нашей стране ограничивалась тем, что зафиксировал В.И. Немирович-Данченко в одном из своих очерков: *«Моссакки, Москоу – так марокканцы назы-*

¹ Некоторые очерки опубликованы в книге: Мусатова Т.Л. Россия–Марокко... С. 142–149.

² Немирович-Данченко В.И. Край золотого заката: очерки таинственного Магриба. В 3-х частях. Берлин: Ольга Дьякова и Ко., 1923.

³ Мусатова Т.Л. Россия–Марокко... С. 145.

*вали россиян, Россию. Эта страна холодная и великая, «где вода тверда, как железо, а огонь холоден, как вода», от Магриба ее отделяют много стран и народов».*¹

В то же время интерес россиян к далекой экзотической стране подтверждается фактом издания и переиздания путевых записок не только русских, но и иностранных путешественников, побывавших в Марокко в XIX в. Одним из материальных свидетельств этому являются «Очерки Марокко» Эдмондо де Амичиса², выпущенные в самом массовом издательстве России той эпохи – «Товариществе И.Д. Сытина», и приобретенные для меня марокканским другом в рабатском букинистическом магазине в 2011 г.³ Вероятно, эта и подобные книги попадали в Марокко в багаже эмигрантов из России, помогая им, особенно на первых порах, составить представление об окружающем их совершенно чуждом мире.

В XIX в. географическое расположение Марокко, которое позволяло контролировать Гибралтарский пролив, по мере развития морского сообщения между европейской частью России и Дальним Востоком, приобрело для неё, равно как и для других держав, большое значение. Россия была заинтересована в обеспечении своим торговым и военным судам свободного выхода в Средиземное море и Атлантический океан. Российские дипломаты (Х.А. Ливен⁴, А.М. Горчаков⁵, К.В. Нессельроде,

¹ Там же. С. 148.

² Эдмондо де Амичис (Edmondo De Amicis) (1846–1908) – итальянский писатель, поэт и журналист.

³ Очерки Марокко. Путешествие Эдмондо де Амичиса. М. 1884.

⁴ Ливен Христофор Андреевич (1774–1838) – князь, русский дипломат, посол в Лондоне. См.: Федорченко В.И. Двор российских императоров. М., 2004.

⁵ Горчаков Александр Михайлович, (1798–1883) – князь, видный российский дипломат и государственный деятель, канцлер Российской империи, кавалер ордена Святого апостола Андрея Первозванного. См.: Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М., 2005.

Э. Кнебель, А.И. Нелидов¹, М.А. Горчаков и др.) на протяжении всего XIX в. указывали на необходимость установления дипломатических отношений с Марокко.² Марокканский вопрос рассматривался ими как составная часть проекта в борьбе за влияние в Средиземноморье. В этом российские интересы, так или иначе, вступали в конфликт с аналогичными устремлениями колониальных держав: Франции, Англии, Германии, Испании. Межгосударственная напряженность в Европе, Восточный вопрос³, колониальный раздел Африки – все эти проблемы сошлись в определенный момент на «марокканском вопросе».

В конце XIX в. предкризисная ситуация в североафриканском регионе настоятельно потребовала от российского правительства определить свою позицию, результатом чего стало установление дипломатических отношений между Россией и Марокко. В 1897 г. в Марокко было учреждено российское генеральное консульство. Секретная инструкция, составленная для российских дипломатов в министерстве иностранных дел, содержала анализ уже известной информации, определила стратегию и тактику его профессиональной деятельности. В известной мере, документ являлся компромиссом между позициями военного и морского министерств (создание опорных баз для российского флота на северо-западе Африки), с одной стороны, и консервативным подходом министерства ино-

¹ Нелидов Александр Иванович (1835–1910) – русский дипломат, неоднократно выполнявший особые и секретные поручения. Действительный тайный советник. См.: Громыко А.А., Ковалев А.Г., Севостьянов П.П. Дипломатический словарь. В 3 томах. Наука. 1984–1986.

² Например, см. донесение А.М. Горчакова в МИД России. См.: Мусатова Т.Л. Россия–Марокко... С. 36–49.

³ Восточный вопрос – принятое в дипломатии и исторической литературе обозначение международных противоречий в XVIII – начале XIX вв., связанных с наметившимся распадом Османской империи, ширившимся освободительным движением населявших империю народов и борьбой европейских великих держав за раздел её владений.

странных дел, основанным на приоритете европейских проблем, прежде всего, отношений с Францией, Англией и Германией.¹ Российские политики и военные считали необходимым постоянно контролировать расстановку сил в марокканском вопросе и с этой целью обозначить свое дипломатическое присутствие в этой стране. При этом политика России в марокканском вопросе определялась союзническими отношениями с Францией. Острота англо-русских противоречий в тот момент, с одной стороны, и финансовая зависимость от Франции, с другой, вынуждали Россию способствовать осуществлению колониального захвата Марокко союзницей, одновременно сдерживая рост британского влияния в регионе.

В то же время значение событий в Марокко не исчерпывалось использованием дополнительных и, вне сомнения, перспективных возможностей для российской дипломатии. Анализ торговли, изучение экономических ресурсов региона привели российское правительство к выводу о перспективности местных источников сырья и рынков сбыта для российской промышленности. Министерство иностранных дел России полагало возможным поставлять в Марокко керосин, пеньку, деготь, смолу, канаты, сахар, металлургическую и текстильную продукцию. Высоко оценивалось и сырьевое значение Марокко. Поэтому национально-государственным интересам России, как и в случае с Эфиопией, отвечало сохранение суверенитета и территориальной целостности Марокко, равенство прав иностранных государств в этой стране. Однако, вне сомнения, стратегическая важность Марокко, расположенного на берегу Гибралтарского пролива, на стыке Европы и Африки, превалировала над торгово-экономическим значением этой страны для России.²

¹ Мусатова Т.Л. Россия–Марокко... С. 99–100.

² Яковлева Е.В. Колониальный раздел Африки...

Первым русским представителем в Марокко¹ стал Василий Романович Бахерахт, назначенный министром-резидентом и генеральным консулом России в Марокко 4 декабря 1897 г.² В этом качестве В.Р. Бахерахт³ в 1906 году представлял Россию на Альхесирасской конференции, призванной разрешить международные противоречия по поводу влияния на Марокко европейских держав.

Как и в случае с дневниками российских путешественников XIX в., нас интересует неформальная сторона этой «экзотической» для потомка выходцев из Голландии на русской службе миссии. В 1901 году супруга В.Р. Бахерахта Александра⁴ выпустила под инициалами «Mme A. de B.» свои путевые заметки, озаглавленные «Une mission a la Cour chérifienne» («Миссия при Шерифском дворе»). Госпожа Бахерахт не писала о политике; она даже не упоминала, какую державу представлял при Шерифском (т.е. Марокканском) дворе ее супруг. Это – очерки быта марокканцев, с многочисленными деталями, весьма любопытный документ своего времени.⁵

¹ В то время Марокко было независимым государством и лишь позже попало под протекторат Франции и Испании.

² Приступил к обязанностям в марте 1898 г. См.: Мусатова Т.Л. Россия–Марокко... С. 99–102.

³ Бахерахт Василий Романович (Вильгельм Александр Карл Роберт) (1851–1916) – российский дипломат. В 1897 году Бахерахт стал первым российским дипломатическим представителем в Марокко, в ранге министра-резидента. В 1906 г. он представлял Россию на Альхесирасской конференции по Марокко, созванной для разрешения международных противоречий по вопросам сфер влияния в этой стране. За успешное исполнение своих обязанностей на конференции Бахерахт был удостоен Высочайшей благодарности. См.: Грезин И. Василий Бахерахт: Последний Императорский Посланник. Наша газета. Швейцарские новости каждый день. URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/11275>

⁴ Бахерахт Александра Адамовна (? – 1941), урожденная графиня Гуттен-Цапска, по первому мужу Колемина, жена В.Р. Бахерахта, русского посланника в Берне.

⁵ Грезин И. Василий Бахерахт...

Эта книга представляет собой пример промежуточного по классификации В.В. Белякова уровня гуманитарных связей, возникших в результате неформальных контактов официальных лиц с местным населением.¹

Примечательно, что преемником В.Р. Бахерахта стал Петр Сергеевич Боткин, сын знаменитого врача Сергея Петровича и племянник упомянутого выше Василия Петровича Боткина, литературного критика и философа, посетившего Танжер за 60 лет до него. Деятельность П.С. Боткина в должности российского министра-резидента в Марокко в 1907–1912 гг. была направлена на дальнейшее развитие русско-марокканских отношений. При этом он проводил в жизнь политику царского правительства, стремившегося играть роль «третейского судьи» в нараставших противоречиях между западными державами. Сохранение суверенитета Марокко объективно отвечало интересам России, так как давало возможность в перспективе укрепить российские геополитические позиции в Средиземноморье.² Возможно, поэтому в мае 1910 г. российское генеральное консульство в Марокко было преобразовано в дипломатическую миссию. Второй марокканский кризис (1911 г.) поставил мир на грань мировой войны.³ В том, что ее

¹ Беляков В.В. Роль гуманитарных связей... С. 29.

² См. Обзорную записку В.Р. Бахерахта от 8 июля 1899 г. См.: Мусатова Т.Л. Россия–Марокко... С. 117.

³ Французские войска, воспользовавшись восстанием племён в районе столицы Марокко Феса, заняли её в апреле 1911 г. В июне Франция предложила Германии часть своих колониальных владений в Конго в обмен за отказ от притязаний Германии на Марокко. Стремясь получить большую компенсацию, германское правительство направило (1 июля 1911) в атлантический порт Марокко Агадир канонерскую лодку «Пантера» (так называемый «прыжок „Пантеры“»). Возник острый международный конфликт – так называемый Агадирский кризис. Великобритания в целях укрепления Антанты поддержала Францию. Было подписано франко-германского соглашения, признававшего преимущественные права Франции на Марокко в обмен за передачу Германии половины французской колонии Конго. 30 марта 1912 года Марокко было объявлено французским протекторатом. См.: СЭС. М., 1979. С. 773.

удалось отодвинуть на три года, был вклад и российских дипломатов. Посредническая роль России сыграла важную роль в окончательном оформлении европейской коалиции, которая спустя три года вступила в противоборство с Германией.¹

Здесь следует отметить, что сотрудники дипломатической миссии Российской империи в Марокко собирали подробную информацию об операциях испанских и французских войск на территории страны, ложившуюся в основу сводок российского военного ведомства. В частности, это касалось столкновений с горскими племенами Рифа в испанской зоне влияния, бомбардировки Касабланки и оккупации центральной части Марокко французами.² В этот период (1908–1909 гг.) в Марокко на театре военных действий между местными повстанцами и испанскими и французским войсками в качестве представителя русского «Красного Креста» находился выдающийся русский разведчик и путешественник польского происхождения Бронислав Людвигович Громбчевский.³

Позиция России в марокканском вопросе способствовала формированию положительного образа страны, как при дворе султана, так и в различных слоях населения, представители которых, так или иначе, контактировали с россиянами.⁴ Заклучалась же российская политика в том, чтобы «пещись о целостности и неприкосновенности Мароккской империи», «препятствовать всякому нарушению существующего равновесия поли-

¹ Яковлева Е.В. Колониальный раздел Африки...

² ЦГВИА СССР. Ф. 2000. оп. I, д. 7094, л. 103–110; Мусатова Т.Л. Россия–Марокко: далекое и близкое прошлое. М. 1990. С. 166–167.

³ Рудницкий А.Ю. Этот грозный Громбчевский... Столетие. Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. URL: www.stoletie.ru/territoriya_istorii/etot_groznyj_grombchevskij_525.htm

⁴ Примеры этого приведены в книге: Мусатова Т.Л. Россия–Марокко... С. 106–116.

тических сил в Средиземноморском бассейне» вообще и в Марокко в частности.¹

Возможно, надеясь опереться на Россию в своем стремлении сохранить независимость страны, султан Мулай Абд аль-Азиз направил летом 1901 г. посольство к императору Николаю II. Со своей стороны, российская дипломатия постаралась использовать этот визит для противодействия росту британского влияния в Марокко. Впервые марокканцы посетили «далекую Московию» и смогли получить собственные впечатления от посещения страны и контактов с россиянами на самых различных уровнях. Российские газеты подробно и полно описывали экзотическую делегацию, одежду и обычаи её членов, особенности их меню и прочее. Со своей стороны, марокканцы по возвращении на родину не скрывали восхищения от увиденного в России и оказанного им приема.² Без сомнения, поездка марокканского посольства в Петербург и Москву внесла вклад не только в развитие российско-марокканских дипломатических отношений, но и стала ярким эпизодом межкультурного взаимодействия двух народов.

Межкультурные, гуманитарные связи между Марокко и Россией стали расширяться с начала XX века одновременно с активизацией политических и торговых отношений между двумя странами. Последние выражались, судя по архивным документам, в поставках в Марокко товаров традиционного российского экспорта: строевого леса, железа сортового и в изделиях, сахара, спирта и муки.³ Товары российского происхождения зачастую попадали в Марокко через третьи страны, в первую очередь, через Францию, не фиксируясь в статистических отчетах российско-марокканского товарооборота. Так, например, произошло с 500 тульскими самовара-

¹ Там же. С. 100.

² Там же. С. 135–141.

³ Там же. С. 131.

ми, ввезенными в страну в 1905–1906 гг., которые до сих пор украшают интерьер старинных домов Феса, Мекнеса и Марракеша, оставаясь для марокканцев символом России.¹

Определенный вклад в создание позитивного образа России и россиян вносили визиты в порт Танжера российских военных кораблей. Во время стоянки броненосца «Петропавловск» в ноябре 1899 г. его посетили триста марокканцев, оставшихся очень довольными приемом, оказанном им русскими.² Незапланированный заход в порт Танжера кораблей Тихоокеанской эскадры в 1904 г. дал повод временному поверенному в делах России С.А. Каншину сделать важное для нашего исследования наблюдение. *«Местное население, весьма чуткое к присутствию иностранных судов в территориальных водах его, вполне сознавало, что это не манифестация против независимости Магриба, оно ... относилась к нам весьма дружелюбно ... Прошедшая неделя была поистине русской неделей, и она надолго останется в памяти местных жителей»*.³

Следует отдать должное профессионализму и политическому чутью российских дипломатов. В схожей ситуации, когда русская эскадра направилась в порт Танжера в декабре 1906 г., сменивший к тому времени С.А. Каншина на должности секретаря генерального консульства России Е.В. Саблин не рекомендовал заходить на рейд города, где уже стояли для устрашения марокканцев эскадры Франции и Испании. Появление русских кораблей в такой момент могло бросить тень на Россию, что шло в разрез с её политическими целями.⁴

Практически все дипломаты, служившие в российской миссии в Танжере в разные годы, после революции 1917 г. ста-

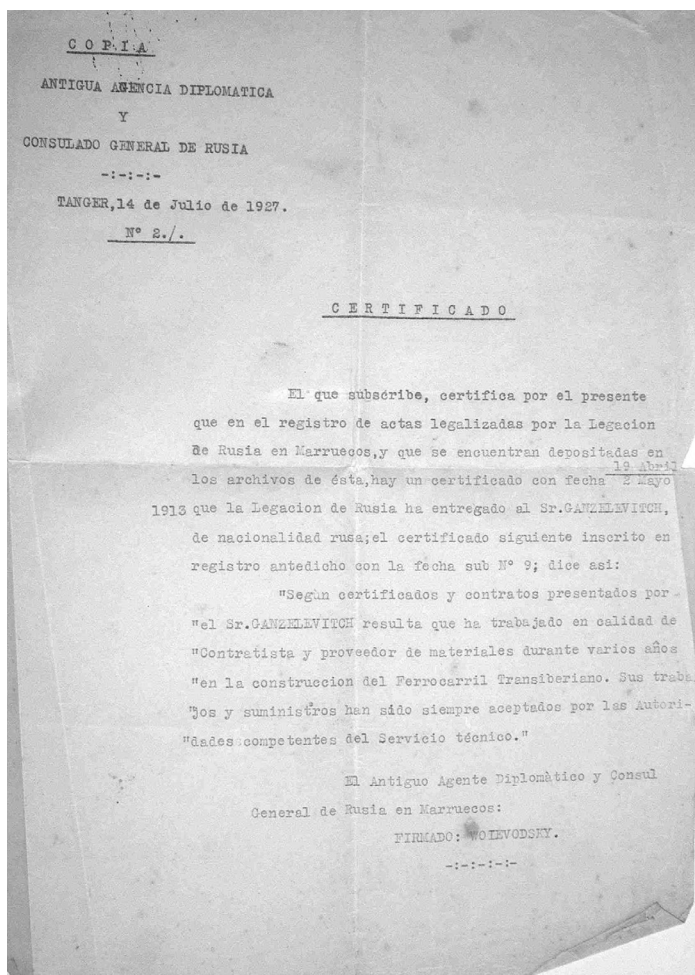
¹ Там же. С. 177.

² Pauline de Mazières. Histoire de Russes au Maroc. Fragment I. Tanger, 2010. С. 29.

³ Мусатова Т.Л. Россия–Марокко... С. 132.

⁴ Там же. С. 133.

ли эмигрантами. Двое из них, С.А. Лихачев и А. Воеводский, остались в Марокко и похоронены в Танжере, первый – на кладбище Бубана (в 1953 г.), второй – на кладбище при англиканской церкви Св. Андрея (в 1934 г.).¹

Справка от 1927 г. выдана Я.П. Ганцелевичу,
постоянно проживавшему в Танжере

¹ Pauline de Mazières. Histoire de Russes au Maroc. Fr. I. P. 30.

В распоряжении автора имеется копия справки на испанском языке, составленной Алексеем Воеводским в качестве «бывшего дипломатического агента и генерального консула России в Марокко» 14 июля 1927 г.¹ Справка выдана Якову Петровичу Ганцелевичу, бывшему подданному Российской империи, предпринимателю, постоянно проживавшему в Танжере с 1912 г.

* * *

Мой интерес к эмиграции из России в Марокко обусловлен тем обстоятельством, что в течение всего XX в. она была весьма многочисленной и состояла из нескольких групп, представлявших срезы российского общества. К первой относятся беженцы, покинувшие пределы России в период после 1917 года. Истории жизни этих людей, их победы и поражения на чужбине, то, как они совмещали в своем персональном и общественном сознании ценности своей и чужой культур, получившие преломление в судьбах их детей и внуков, просто должны были стать предметом исследования, заполнив одну из непростительных пустот в знании о наших соотечественниках на Африканском континенте.

Не меньший интерес представляют исторические и гражданские судьбы другой группы русских, попавших в страны Африки и Ближнего Востока в XX веке. Это так называемые «африканские русские» – советские военнопленные, которые в ходе Второй мировой войны оказывались в странах Северной Африки и на Ближнем Востоке, где они частично оседали, несмотря на карательные экспедиции советской разведки, а также действия союзников, зачастую способствовавших репрессиям пленных со стороны властей СССР.

Марокко после Второй мировой войны стало прибежищем ещё одной численно заметной группы выход-

¹ Из архива П.П. Шереметевой, фонд не описан.

цев из императорской России и СССР, состоявшей из военных, сражавшихся против Красной армии в составе РОА, Русского корпуса и других соединений,¹ а также гражданских лиц, как угнанных фашистами с территории СССР,² так и добровольно покинувших её вместе с отступающими частями вермахта.

История российской общины в Марокко – значимой, важной части массовой русской эмиграции в XX веке, соединившей в себе многочисленные потоки и «ручейки» из Туниса, Франции, Германии, балканских стран и сделавшей в то же время заметный человеческий вклад в формирование русской общины в США – сама по себе заслуживает всестороннего изучения.

Любопытно соотнести общепринятую периодизацию эмиграции из России с хронологией прибытия «русских» в Марокко на протяжении XX века. По мнению специалистов, эмиграция из России/СССР распадается

¹ *Русский охранный корпус*, с 12 сентября 1941 г. – Отдельный русский корпус, со 2 октября 1941 г. – Русский охранный корпус, с 18 ноября 1941 г. – Русская охранная группа, с 30 ноября 1942 г. – Русский охранный корпус в составе Вермахта, с 10 октября 1944 г. – Русский корпус в Сербии, с 31 декабря 1944 г. – Русский корпус (официально использовалось написание в русской дореформенной орфографии: *Русский Корпусъ*) – это воинское соединение, сформированное из русских эмигрантов, воевавший против коммунистических партизан Тито в Югославии во время Второй мировой войны. Всего через службу в корпусе прошло 17090 человек, из которых около 11,5 тысячи составляли эмигранты, а остальные были советскими гражданами // Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключённого. М., 2010. С. 446–480; Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооружённых сил 1941–1945 гг. М., 2004. С. 97.

² «Остарбайтеры» по окончании Второй мировой войны получили статус «перемещенных лиц». Перемещенные лица – лица, насильственно вывезенные в ходе войны гитлеровцами и их пособниками с оккупированных ими территорий для использования в различного рода работах. После окончания войны СССР заключил с рядом государств соглашения о репатриации перемещенных лиц из числа советских граждан // Большой юридический словарь. М., 2006.

на три главных потока, называемых обычно «первой», «второй» и «третьей» эмиграцией. Все три потока были обусловлены преимущественно политическими причинами. Первый и второй потоки – это в основном вынужденная эмиграция периодов Первой мировой, Гражданской и Второй мировой войн, третий – добровольная, преимущественно «этническая», эмиграция времен холодной войны.¹ Конечно, такое деление условно – потоки эмиграции, то ослабевая, то усиливаясь, не иссякали почти никогда.² Применительно к Марокко первые две волны эмиграции примерно соответствуют приведенной классификации, несколько запаздывая по времени (на 3–5 лет), а третья волна – существенно отличается, являясь не этнической и не политической, а гендерной.³

Большое познавательное значение для нас, несомненно, имеют процессы формирования русской общины в Марокко в исторической динамике, её основные составляющие, проблемы адаптации и интеграции эмигрантов из России/СССР, возникновение и деятельность их организационных структур, их роль в развитии гуманитарных связей России и Марокко.⁴ В этой книге мы рассматриваем русскую общину в Марокко как один из основных центров российской эмиграции в Северной

¹ Сабенникова И.В. Русская эмиграция как социально-культурный феномен. Мир России. 1997. № 3. С. 158.

² Зайончковская Ж.А. Эмиграция в дальнее зарубежье. Мир России. 2003. № 2. С. 145.

³ Данный тип миграции из России в Марокко и другие страны Ближнего Востока и Африки, возникший в 1960-е гг., является предметом отдельного исследования.

⁴ Концепция и понятийный аппарат гуманитарных связей в качестве инструмента для анализа межкультурного взаимодействия разработаны д.и.н. В.В. Беляковым в диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук: В.В. Беляков Роль гуманитарных связей в межкультурном взаимодействии России и Египта (конец XIX – середина XX века). М. 2007. С. 19–47.

Африке в сравнении с Египтом и Тунисом¹; исследуем процессы социальной адаптации её членов в марокканском обществе во всем его многообразии на протяжении XX столетия; пытаемся понять роль и место эмиграции из России в Марокко в межкультурном взаимодействии двух стран и народов.

На эволюцию русской общины в Марокко последовательно влияли такие внешние факторы, как экономические кризисы, антиколониальная борьба местного населения и достижение независимости от французского протектората, установление дипломатических, а затем довольно тесных экономических отношений с СССР, распад Советского Союза, политика марокканских и российских властей по отношению к ней на современном этапе. Среди внутренних факторов эволюции общины следует выделить её исходный социальный и профессиональный состав, демографическую динамику, пути адаптации её членов в принимающем обществе, процессы институционализации, в том числе с участием Русской Православной церкви. Всем этим аспектам уделено внимание на страницах этой книги.

Об истории русской эмиграции в Марокко написано сравнительно мало. Мне посчастливилось провести на территории Марокко около семи лет (2005–2012 гг.), что позволило собрать достаточный – и по количеству, и по качеству – массив материалов для создания относительно полной картины русского бытия в этой стране. Первую группу использованных в книге источников составляют архивные материалы, добытые в Успенском храме в Касабланке и Воскресенском храме в Рабате. Документы, обнаруженные в церкви Успения Богородицы в Касабланке в 2010 г., были с благословения

¹ Центры российской эмиграции в Африку определены в работе В.И. Рябовой: Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг. (Институционализация и деятельность). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М. 2005. С. 37–41.

единственного на территории Марокко русского православного священника, протоиерея Димитрия, переданы мной после предварительной обработки в дар Дому русского зарубежья им. А. Солженицына.

Ушедшими уже в мир иной прихожанами храма были оставлены уставные документы ассоциаций, созданных эмигрантами, списки членов прихода за разные годы, переписка многолетнего старосты прихода П.Н. Коларовича с иерархами РПЦЗ в Европе и США, с французскими, марокканскими (после обретения страной независимости) властями, а также с прихожанами – как разбросанными по всему Марокко, так и покинувшими эту страну. С их помощью были установлены факты и подробности самоорганизации российских эмигрантов в разные периоды, выявлены ранее неизвестные факты истории православной общины в Марокко в период с окончания Второй мировой войны до середины 1980-х гг., выяснены вопросы взаимодействия с местными властями и международными организациями помощи беженцам. Большое значение для установления личностей и судеб эмигрантов первой и второй волн имеют их личные письма, свидетельства о рождении, крещении и смерти, квитанции о приобретении мест на христианских кладбищах Касабланки и Марракеша.

Хозяйственные документы – различного рода квитанции и расписки – свидетельствуют об участии марокканского подотдела РОВС в строительстве храма.¹ Отдельно следует выделить письма и вырезки из газет, проливающие свет на внутриобщинный конфликт, воз-

¹ РОВС – Русский Обще-Воинский Союз был основан в 1924 г. Главнокомандующим Русской Армии генерал-лейтенантом бароном П.Н. Врангелем из остатков белых армий, объединял около 30 тысяч воинов и был стержнем довоенной политической эмиграции. Первоначально Союз объединял военные организации и союзы Белой эмиграции во всех странах, в настоящее время объединяет потомков участников Белого движения и их единомышленников. См.: Иванов И.Б. Русский Обще-Воинский Союз. Краткий исторический очерк. СПб., 1994.

никший в 1946 г. в связи с переходом настоятеля марокканского прихода и части прихожан в юрисдикцию Московской Патриархии, который влиял на жизнь российской эмиграции в Марокко на протяжении десятилетий и отголоски которого ощущает до сих пор современное русскоязычное сообщество в этой стране. Именно с одним из последствий этого конфликта¹ связано появление новых документов и письменных свидетельств, полученных от эмигрантов второй волны, прошедших свое детство или юность в Марокко. Также был получен доступ к копиям документов Успенского и Воскресенского храмов, присланным в 2012 г. из архива Архиерейского Синода Русской Православной Церкви За границей (Нью-Йорк) и Западно-Европейской епархии РПЦЗ (Женева) настоятелю Воскресенского храма в Рабате иерею Максиму Массалитину, который любезно передал их мне. Массив этих материалов позволяет восстановить многогранную картину общественной жизни российской эмиграции в Марокко с 1948 по 1985 гг.

Протоколы собраний прихожан, денежные почтовые переводы, ведомости сбора членских взносов и сопровождающие их письма, относящиеся к разным периодам существования российской эмигрантской общины в Марокко, взятые из архивов православных храмов в Касабланке и Рабате, помогли установить места проживания «русских» в Марокко, получить представление об их материальном и социальном положении на при-

¹ Бывший священник РПЦЗ и гражданин Франции Николай Семенов, лишенный сана в 2001 г. в связи со служением под запрещением, осуществил в 2012 г. незаконную продажу по поддельным документам имущества Успенского прихода марокканской предпринимательнице с целью дальнейшего сноса храма и реализации на его территории строительного проекта. Николай Семенов является представителем второй волны русской эмиграции в Марокко. Подростком прислуживал в Успенском храме. Его становление как личности происходило в атмосфере противостояния сторонников Зарубежной церкви и прихода Московской патриархии.

мере нескольких сотен человек. Наиболее наглядно об этом свидетельствуют списки жертвователей на строительство Успенского храма в Касабланке.

Во время работы в Марокко мне посчастливилось познакомиться и подружиться с потомком эмигрантов первой волны, представительницей славного рода Шереметевых, Прасковьей Петровной Шереметевой–де Мазьер, и по сей день живущей в Рабате.¹ Несмотря на ревностное отношение к личным архивам, которые она планирует использовать при написании собственных мемуаров, П.П. Шереметева познакомила меня с собранными ею за последние годы фотоархивами «русских марокканцев», датированными до 1960-х гг. В 2007–2012 гг. мне удалось записать на диктофон несколько интервью с П.П. Шереметевой, в которых она осветила широкий круг вопросов, связанных с историей эмиграции первой и второй волн из России в Марокко.

Были также сделаны аудио- и видео-интервью с Ниной Алексеевной Эль-Кинани (урожд. Кулаковой), наполненные фактическими данными о представителях первой и второй волн эмиграции, похороненных на христианском кладбище Рабата, а также содержащие информацию об их контактах с первыми женами марок-

¹ Шереметева Прасковья Петровна, графиня. Родилась 3 декабря 1933 г. в Кенитре (Марокко). Гражданка Франции. Родители – Шереметевы Петр Петрович и Марина Дмитриевна, урожденная Левшина. В замужестве – де Мазьер де Шамбон. Деятель культуры, литератор. Всю жизнь живет в Марокко. В 1971 г. создала в Рабате первую в Марокко галерею работ художников из Марокко и всего арабо-исламского мира. За 20 лет существования (до 1992 г.) галерея провела 95 выставок. С 2002 г. собирает архивные материалы о жизни и деятельности русской эмиграции в Марокко. Опубликовала в Танжере на французском языке четыре рассказа из истории русских в Марокко: «Ганцелевич» (2009), «Няни» (2010), «Мадам Джебли» (2011), «Устиновка» (2012) («Histoires de Russes au Maroc». Pauline de Mazières (Prascovia Chèrèmèteff)). Tangier, Edition Khbar Bladna, 2010–2012). Предоставила информационные материалы составителям «Биографического словаря: Российское зарубежье во Франции. 1919–2000». Сестра Петра Петровича Шереметева.

канских выпускников, приехавших из СССР во второй половине 1960-х гг. Таким образом, удалось расширить базу исследования за счет свидетельств ещё живущих информантов. Подобные «устные истории» являются, по моему мнению, не просто сбором фактов, а созданием нового вида эмпирического материала, когда сведенный воедино он образует так называемый «вторичный источник».¹

Обследование захоронений эмигрантов из России на христианских кладбищах Касабланки, Рабата и Марракеша позволило уточнить имена и даты жизни некоторых россиян, которые отсутствовали или оставались неполными в архивных материалах храмов и в работах современных историков. Неоценимую помощь при этом оказал вице-консул Генерального консульства России в Касабланке Павел Снитко, который в 2003–2006 гг. прошел вдоль и поперек кладбище Бен М'Сик и собрал доступную на тот период информацию о значительном числе похороненных там соотечественников, в том числе в марокканских муниципальных архивах. Информация, записанная этим замечательным следопытом на электронном диске, была подарена мне в 2006 г. и затем использована в качестве основы для дальнейших изысканий, а также для статистической обработки персональных данных эмигрантов первой и второй волн.

Воссоздать историю людей всегда помогают их мемуары и переписка. Здесь очень пригодились воспоминания и письма россиян, проходивших службу в Иностранном легионе, которые хранятся в российских ар-

¹ Концепция нарративного интервью для исследования устной истории разработана и получила широкое применение в Германии и России. См., например: Оболенская С.В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // *Одиссей: Человек в истории*. М. 1990; Людке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // *Социальная история*. Ежегодник, 1998/99. М. 1999; Пушкарева Н.Л. История повседневности и частной жизни глазами историка // *Социальная история*. 2003.

хивах, введенные в научный оборот С. Балмасовым.¹ Не меньший интерес для реконструкции судеб белогвардейцев и русских студентов, завербованных в Иностранный легион, их отношений с марокканскими солдатами и населением, представляет переписка Зиновия Пешкова с его крестным отцом М.А. Горьким.² Полезным источником оказались брошюры карманного формата танжерского частного издательства, в которых опубликованы на французском языке воспоминания П.П. Шереметевой об отдельных эпизодах из истории русской эмигрантской общины в Марокко.³

Единственными в своем роде, а потому очень важными источниками являются разделы воспоминаний двух иерархов Русской православной церкви за границей, посвященные Марокко. Первый из них – митрополит Евлогий (Георгиевский),⁴ описавший свою поездку по местам расселения русских эмигрантов в этой стране в 1932 г., второй – епископ Митрофан (Зноско), который провел в Марокко более десяти лет (1948–1960 гг.).⁵

Очерки русского журналиста Константина Парчевского, посетившего «русские углы» в Марокко во второй половине 1930-х гг., представляют для нас несомненный интерес, так как изобилуют уникальными подробностями жизни эмигрантов из России через пятнадцать лет после прибытия их первой группы по приглашению администрации французского протектората из Туниса.⁶

¹ Балмасов С. Иностранный легион. М., 2004.

² Горький и его корреспонденты. М. 2005. С. 285–292; Африка глазами эмигрантов: Россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002. С. 53–55.

³ Pauline de Mazières. Histoire de Russes au Maroc. Fr. I-IV. Tanger, 2010, 2011.

⁴ Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994.

⁵ Митрофан (Зноско), епископ. Хроника одной жизни. К 60-летию пастьерского служения. Нью-Йорк, 1995.

⁶ Парчевский К.К. У рабатского самовара // *Вокруг Света*. Январь 1996. № 1 (2664).

В единственном экземпляре Официального Буллетеня администрации протектората Французской Республики в Марокко № 950 от 9 января 1931 г., попавшемся мне среди бумаг, найденных в церкви в Касабланке, было жирно обведено синим карандашом маленькое объявление об официальной регистрации «Союза русских в Марокко».¹

ARRETE RESIDENTIEL DU 31 DECEMBRE 1930
fixant le taux de l'indemnité d'entretien de monture allouée aux contrôleurs civils et aux adjoints des affaires indigènes pendant le 1er semestre de l'année 1931.

LE COMMISSAIRE RESIDENT GENERAL
DE LA REPUBLIQUE FRANÇAISE AU MAROC.

Vu le statut du corps du contrôle civil ;

Vu le statut du personnel du service du contrôle civil ;

Vu l'arrêté résidentiel, en date du 15 juillet 1930, fixant l'indemnité d'entretien de monture allouée aux contrôleurs civils et adjoints des affaires indigènes, pendant le 2e semestre de l'année 1930,

ARRÊTE :

ARTICLE PREMIER. — Le taux de l'indemnité pour frais d'entretien de monture des contrôleurs civils et des adjoints des affaires indigènes, est fixé ainsi qu'il suit pour le 1er semestre 1931 :

1 ^{re} zone.....	1.200 fr.
2 ^e zone.....	1.080
3 ^e zone.....	960
4 ^e zone.....	360 francs plus

150 kilos d'orge en nature par mois.

Cette indemnité s'acquiert par sixième et le versement en est opéré tous les mois.

ART. 2. — Les différents postes auxquels sont affectés les contrôleurs civils et adjoints des affaires indigènes, sont répartis comme ci-dessous, entre les quatre zones prévues à l'article premier du présent arrêté.

1re zone : Berguent, Tazouirt, Delboul, El Aïoun, région de Marrakech, Mogador ;

2e zone : Fès, Meknes, Kénitra, Rabat, Casablanca, Mazagan, Safi, Oujda, Berkane, Martimprey ;

3e zone : Tous les postes non compris dans les premières, deuxième et quatrième zone ;

4e zone : Contrôle civil des Beni Guil (Figuig et Tendara).

Rabat, le 31 décembre 1930.

LUCIEN SAINT.

ORDRE GENERAL N° 22

MORHAMED OU IDRI N'AIT EL FOUH, partisan de la zaouta de Sidi Bou El Tazout :

« Jeune partisan ardent et courageux, toujours volontaire pour les missions les plus périlleuses. Le 13 juillet 1930, s'est fait particulièrement remarquer par son sang-froid et sa bravoure, au cours d'un combat où, sans lui en paraître un ordre, n'en a pas moins continué sa mission à la fin de laquelle il a été grièvement blessé d'une balle à la poitrine ; malgré cette grave blessure, a eu le courage de rendre compte de l'exécution de sa mission. »

Les présentes citations comportent l'attribution de la croix de guerre des T.O.E. avec palmes.

3e A l'ordre du corps d'armée :

A. — Affaire du 11 juillet 1930 (Kemkemia)

Service des affaires indigènes

L'AGOMME Jean, Lieutenant :

« Brillant officier possédant au feu des qualités remarquables.

Le 12 juillet 1930, au combat de Kemkemia, a, par son sang-froid,

« contribué au succès de la journée en faisant, sous le feu meurtrier des assaillants, échouer par le tir précis de ses mitrailleuses « un mouvement tournant de l'ennemi. »

De CHAPPELLE Bernard, Lieutenant :

« Brillant officier des affaires indigènes qui a fait preuve, le 12 juillet, au combat de Kemkemia, de qualités exceptionnelles d'audace et de sang-froid.

« Sous un feu particulièrement ajusté de l'ennemi, n'a pas hésité à se porter à découvert à l'emplacement occupé par ses fusils-mitrailleurs. Par un tir précis et bien conduit de ses armes automatiques, a arrêté un mouvement tournant de l'ennemi, le forçant à se replier en désordre. »

BADIE Léon, Lieutenant :

« Brillant officier de cavalerie dont les services au Maroc ont toujours été hautement appréciés.

« Le 12 juillet 1930, au bivouac de Kemkemia, commandant l'une des faces violemment attaquées par une harka dissidente. Par son sang-froid, son beau courage, son ascendant sur sa troupe, a contribué à faire refuser l'adversaire qui tentait un mouvement tournant. A la tête de trois sections d'infanterie, s'est porté vivement à la contre-attaque, précipitant la défaite de l'ennemi, le forçant à abandonner deux fusils et cinq cadavres entre nos mains. »

2e régiment étranger

AGOSTINI Pierre, Lieutenant :

« Brillant officier dont les états de services depuis 1926, date de son arrivée au Maroc, méritent les plus beaux éloges.

« Le 12 juillet 1930, au combat de Kemkemia, a travaillé au milieu d'une unité de légion fortement attaquée par une harka dissidente ; les servants d'une mitrailleuse étant mis hors de combat par la feu ajusté et précis de l'ennemi, il a bécoté pas, sous les balles, à servir lui-même l'arme automatique. Par ce beau geste, il éclaircit sa troupe et contribue pour une bonne part à enrayer l'attaque des dissidents. »

3e régiment étranger

LABROUCHE Henri, Lieutenant :

« Officier d'une bravoure et d'une énergie exemplaires. Le

« 12 juillet 1930, à Kemkemia, commandait une des faces du bivouac attaqué par un fort parti dissident ; au moment où les servants d'une mitrailleuse venaient d'être tués ou blessés par un tir bien ajusté de l'ennemi, a mis lui-même en action, sous les balles de l'adversaire, un fusil-mitrailleur en réserve, dominant ainsi à tous ses légionnaires un bel exemple de courage, d'audace et de mépris du danger. »

ORLOF Yvan-Pawlowitch, m^{re} 6816, 3e classe :

« Jeune légionnaire d'un rare courage. Le 12 juillet 1930, au combat de Kemkemia, a été blessé près de sa place au moment où il ramenait à lui le corps d'un de ses camarades mortellement blessé.

« A continué par son dévouement à mettre sa mitrailleuse à l'abri où elle a pu être remise en état de tirer. »

3e régiment de tirailleurs sénégalais

BICHELONNE Louis, Lieutenant :

« Bel officier de troupe d'un courage et d'un sang-froid remar-

« quables. Le 12 juillet 1930, au combat de Kemkemia, s'est distingué en défendant sous le feu de l'ennemi les ordres du camp, mandant du groupement. Puis, a demandé à prendre le commandement d'un groupe de J.D. et de mitrailleurs dont l'intervention fut décisive. A sollicité dans un moment critique l'honneur de commander l'arrière-garde, mission qu'il a parfaitement remplie.

« A bien prouvé à ses belles qualités militaires et à sa grande bra-

Compagnie saharienne du Ziz

SHURAG Vitalis, adjoint-chef :

« Sous-officier saharien hors de pair. Le 12 juillet 1930, au combat de Kemkemia, a fait preuve de qualités exceptionnelles d'audace et de mépris du danger, entraînant sous un feu meurtrier son peloton à l'attaque d'un ennemi nombreux et mordant. Par sa manœuvre, a contraint les dissidents à fuir en abandonnant des cadavres sur le terrain. A tué un dissident de sa main. »

¹ Bulletin Officiel de l'administration française au Maroc. No. 950. 9 janvier 1931, P. 42.

На ветхих страницах бюллетеня взгляд выхватил русское имя: ORLOF Ywan-Pawlowitsch – им начиналось сообщение о присвоении награды русскому легионеру за мужество, проявленное в бою.¹ Эта находка стала толчком к поиску данных о других русских ассоциациях, созданных в Марокко в период французского протектората, а также о награждении легионеров российского происхождения с описанием их подвигов, а зачастую и гибели, в номерах Официального бюллетеня, выпущенных в период с 1918 по 1936 гг., благо, все они отсканированы Генеральным секретариатом правительства Марокко и размещены в Интернете.²

Обстоятельства формирования русской общины в Марокко в начале 1920-х гг. позволили выяснить меуары членов Русской эскадры, прибывшей в порт Бизерты (Тунис) в конце 1920 г.³

Ценные для наших изысканий свидетельства современников вошли в сборник, составленный К.В. Махровым,⁴ и содержатся в книге воспоминаний А.А. Ширинской, которая лично подарила мне экземпляр с дарственной надписью.⁵

Восстановить различные аспекты жизни выходцев из России в Танжере помогли документы (частная переписка, списки православной общины, квитанции о переводе взносов на содержание прихода в Рабате), кото-

¹ Орлов Иван Павлович, легионер 2-го класса 3-го полка // Официальный бюллетень администрации протектората Французской Республики в Марокко № 950 от 09.01.1931 г.

² Доступно по адресу: <http://www.sgg.gov.ma/L%C3%A9gislation/BulletinsOfficiels.aspx>

³ Подробности морского перехода из Константинополя в Бизерту и состав Русской эскадры см.: Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920–1939 гг.). М. 2000, с. 42–43; Ширинская А. Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2003. С. 340–341.

⁴ Русская колония в Тунисе. 1920–2000. Сборник. Составитель К.В. Махров. Русский путь. М., 2008.

⁵ Ширинская А. Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2003.

рые оказались в моем распоряжении во время работы в Марокко.¹ Их дополняют – на мой взгляд, удачно – воспоминания Филиппа Вейцмана, дающие представление о ситуации в международной зоне, об уже сложившейся на момент его прибытия в Танжер эмигрантской общине «первой» волны и о социально-политических процессах, сопутствующих «второй» волне.²

В процессе исследования на основании синтеза данных, полученных из разнообразных источников: учетных карточек захоронений на христианских кладбищах Касабланки и Рабата, документов из архивов Воскресенского и Успенского храмов, опубликованных и неопубликованных воспоминаний, изысканий краеведов в России, размещенных в Интернете, а также биографических словарей, составленных С.В. Волковым, и многих других,³ мне удалось проследить судьбы более 1000 человек, разными путями оказавшихся в Марокко в составе первой и второй волн эмиграции. Эту работу было бы невозможно выполнить без самоотверженной помощи моей жены, Елены Суховой, которой я приношу свою благодарность наравне с Натальей Леонидовной Крыловой, открывшей мне глаза на многослойность времени и пространства, и подтолкнувшей к изучению истории русского присутствия в Марокко.

¹ Архивы Успенского храма в Касабланке и Воскресенского храма в Рабате. Фонд не описан. Не опубликовано.

² Вейцман Ф. Без отчества. История жизни русского еврея. Тель-Авив, 1981.

³ Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. М., Русский путь. 2004; Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства. М., Русский путь. 2004; Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., Русский путь. 2002; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 гг. М., 1999.

Глава 1

ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ ОБЩИНЫ В МАРОККО:

«Насытало нас сюда из разных мешков...»

О россиянах, осевших в Марокко в начале XX в., известно очень мало. В донесении в МИД России в мае 1898 г. В.Р. Бахерахт сообщал, что *«русская колония здесь вполне отсутствует. Единственный проживающий в Танжере русский подданный – из евреев, доктор, служащий в здешней французской больнице...»*.¹ В период до объявления протектората Франции над Марокко в донесениях дипломатов встречаются отрывочные сведения о «русской колонии». Т.Л. Мусатова обнаружила в российских архивах информацию лишь о единственном русском «протезе»,² – сотруднике русской миссии в Танжере Мухаммеде Суиси и русском подданном Узденъ Магомед Гаджи Гусейн оглы Кушиеве, золотых и серебряных дел мастере, проживавшем в Фесе.³

Российские дипломаты, а вслед за ними – исследователи архивов, не могли по объективным причинам зафиксировать абсолютно частную историю пер-

¹ Мусатова Т.Л. Россия–Марокко... С. 106; очевидно, этого доктора – врача-пульмонолога звали Цейлиг Спиваков, которого упоминает П.П. Шереметева: Pauline de Mazières. Histoire de Russes au Maroc. Fr. I. Tanger, 2010. P. 13.

² Протезе – объект консульского протекционизма, распространенного в Османской империи и Марокко в XIX – первой половине XX вв. Подробнее см.: Kenbib M. Les protégés: contribution a l'histoire contemporaine du Maroc. Rabat: Faculté des lettres et des sciences humaines, 1996.

³ Там же. С. 176.

вого русско-марокканского смешанного брака, заключенного в 1903 году.¹

Благодаря личному знакомству П.П. Шереметевой с семьей, о которой пойдет речь, её интересу к столь необычным даже для нашего времени биографиям русской и марокканца, стали известны важные подробности этого непосредственного контакта между представителями двух народов, как примера «гуманитарных связей» в чистом виде.² На мой взгляд, эта история предвосхищает феномен массовых русско-марокканских смешанных браков, которые начали складываться спустя более 60 лет, в совершенно другую эпоху.

Елена Алексеевна Безрукова, дочь крупного помещика Воронежской губернии и депутата Государственной Думы, выпускница Московской консерватории по классу фортепиано, навещая брата, проходившего курс лечения в госпитале в Алжире, встретила там молодого представителя марокканской знатной семьи шерифов³ Мулай Ахмеда Эль-Айдуни Джебли Эль-Алами Идрисси.⁴ Это была любовь с первого взгляда. В том же госпитале, что и брат Елены Безруковой, Ахмед Джебли находился после ранения, полученного в стычке с кочевниками на алжирско-марокканской границе. Молодой шериф получил образование в Италии: учился в пехотной школе в Модене, а затем окончил военно-артиллерийскую академию в Турине. Он говорил на пяти европейских языках, читал на семи, а также владел арабскими и еврейскими диалектами Северной Африки.

¹ Причина этого – удаленность места событий, Рабата, от местонахождения российских дипломатов, Танжера.

² Pauline de Mazières. Histoire de Russes au Maroc. Fr. III. Madame Djebli. Tanger, 2010.

³ Шериф – потомок пророка Мухаммеда.

⁴ Семья шерифов Эль-Айдуни Джебли Эль-Алами Идрисси ведет свой род от восьмого сына султана Мулай Идрисса I, основателя Феса.

Обе семьи были шокированы решением молодых людей, принадлежавших к двум столь различным цивилизациям, соединить свои судьбы. Бабушка П.П. Шереметевой вспоминала о весьма эмоциональной реакции высшего общества Санкт-Петербурга на объявление о предстоящем браке.¹ В Марокко резонанс был еще большим – шериф женится на христианке! Ахмед Джебли был вынужден даже оставить марокканскую военную службу.

Мулай Ахмед предпринял путешествие в Россию, чтобы просить руку дочери у Алексея Николаевича Безрукова. После колебаний, согласие отца было получено на определенных условиях: Елена должна остаться христианкой и иметь возможность играть на рояле. Брак был заключен в Генуе 23 февраля 1903 года, о чем свидетельствует заверенная Генеральным консульством Российской империи в Танжере копия документа от 4 августа 1913 года.² В том же году молодожены приехали в Марокко. Елене пришлось проделать путь из Танжера в Рабат верхом, поскольку в то время в стране еще не было современных дорог. Вслед за ними в Рабат прибыл рояль, приобретенный в Германии, что само по себе стало сенсацией в будущей столице Марокко.

Дети Елены и Ахмеда стали, как и их родители, во многих отношениях первыми в Марокко. Старший сын Мухаммед-Алексей стал первым марокканским адвокатом, дочь Мерием-Елена – талантливой пианисткой, а младший сын Хади – врачом-фтизиатром.

¹ Pauline de Mazières. Histoire de Russes au Maroc. Fr. III. Madame Djebli. P. 14.

² Копия брачного свидетельства урожденной Е. Безруковой, выданной ей канцелярией Генуэзского Архиепископа 23 февраля 1903 года. Архив Воскресенского храма в Рабате. Фонд не описан.

Копія съ копін.

Ahmed Gebeli

Atte di Matrimonio.

Copia.

ed

Elena Besroukoff. L'anne del Signore 1903 il 22 del mese di Febbraio omesse le tre conciliari pubblicazioni, avendo ottenute dispensa dall impedimento di disparita di culte con rescritte del S.Ufficio in data 6 Febbraio 1903,avute le forma li promesse prescritte nel rescritte stesso,in una salla del Palazzo Arcivescovile in Genova,davanti a me sottoscritte Arcivescovo di Genova ed alla presenza dei due testi Mons.Giovanni Saperiti fu Angelo Can.Teol.della Metropolitana e Sac.Maurilio Fossati di Giacomo Segretario Arcivescovile e stato contrtto il matrimonio tra il Sig. Ahmed Gebeli figlio di Hagge Mahommed nato a Rabat (marocco) di religione Musulmano,e la Sig-a Elena Besroukoff figlia di Alessie nata a Verembge (Russia). In conferma si sono qui sottoscritti Firmati in originale Helene Besroukoff,Ahmed Gebeli,Can.S.Sapereti, Sac.Maurilio Fossati (-testi) + Edeardo Arcivescovo.

(Stampa del
Arcivescovo
di Genova)

Visconcorda coll originale
Genova 23 Febr.1903.
C.De Murici Cane.

ИМПЕРАТОРСКОЕ Россійское Генеральное Консульство въ Марокко
симъ свидѣтельствуеъ подлинность означенной копін съ Копін

Копия брачного свидетельства, лицевая сторона.

Оборотная сторона — см. на след. странице

брачного свидѣтельства урожденной Е.Безруковой, выданной
ей изъ канцеляріи Генуезскаго Архіепископа 23 Февраля(и.с.)
1903 года. Безплатно. №19.

Танжеръ, 22 Августа/ 4 Сентября 1913 года.

Повѣренный въ Дѣлахъ и Управляющій Генеральнымъ Консульст-
вомъ: *С. Милаш*

Елена Безрукова и Ахмед Джебли вместе

С 1903 по 1917 год семья Джебли часто посещала Россию, проводя каникулы в имении Безруковых под Воронежем. Первая мировая война, а затем революция 1917 года, к сожалению, отрезали их от российских родственников.

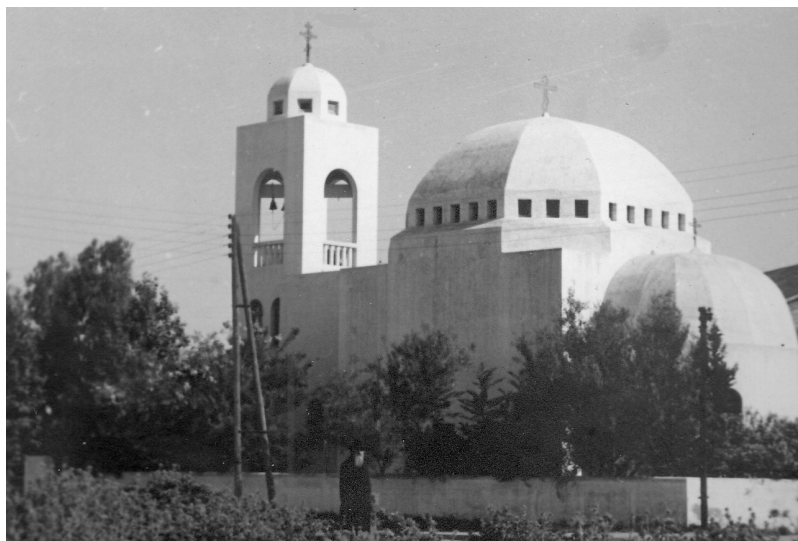
«НАСЫПАЛО НАС СЮДА ИЗ РАЗНЫХ МЕШКОВ...»

Никто из участников этой истории не мог предположить, что, спустя годы, невероятная встреча русской и марокканца окажет огромное влияние на судьбу православной общины и в целом русской эмиграции в Марокко.

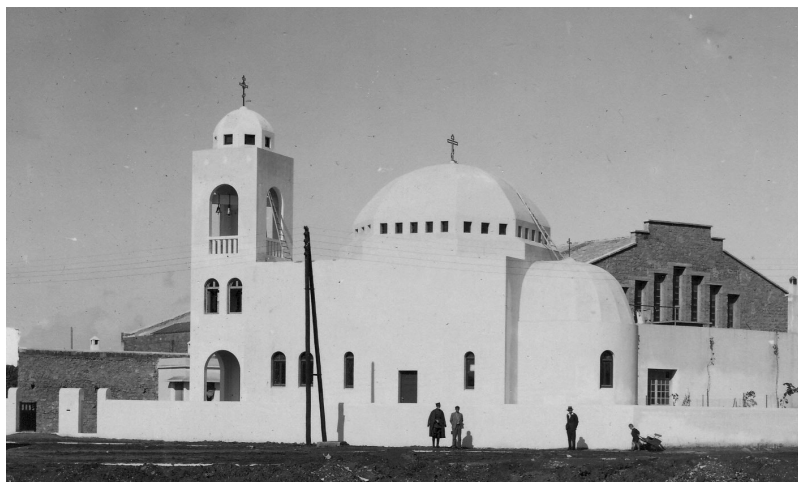
В 1929 г. Ахмед Джебли тяжело заболел. После того, как врачи прекратили попытки вылечить его, Елена Алексеевна уговорила мужа пригласить православ-

ного священника о. Варсонофия, возглавившего к тому времени православную общину эмигрантов из России. Молитвы батюшки возымели свое действие, и мусульманский шериф выздоровел. В лучших традициях восточных сказок он предложил в награду «всё, что пожелаешь». Мудрый и практичный священник попросил участок земли под строительство храма. В результате между землевладельцем и Ассоциацией «Русская православная церковь и русский очаг в Марокко» была оформлена купчая на землю, располагавшуюся в то время в пригороде Рабата. Сумма сделки составила символический один франк.¹ Так цепочка чудес привела к созданию действующего по сей день православного храма в столице Королевства Марокко.

Православная церковь в Рабате и ее первый настоятель

¹ Pauline de Mazières. Histoire de Russes au Maroc. Fr. III. Madame Djebli. P. 29-31.

Вид на русскую церковь в Рабате

Первые россияне, оставшиеся в Марокко на постоянное жительство, появились в 1910-х гг., естественно, в Танжере – «северных воротах» страны. Этому способствовал и факт присутствия в городе российской дипломатической миссии, которая продолжала функционировать после подписания Фесского договора 1912 года, фактически разделившего страну на две зоны – французский и испанский протектораты.¹ С этого момента сохранялся неопределенный административный статус Танжера, который официально был объявлен международной демилитаризованной нейтральной зоной только 18 декабря 1923 г.

В эти годы Танжер уже привлекал европейских туристов. В октябре 1912 г. сюда прибыли, чтобы провести «медовый месяц», молодожены Яков Ганцелевич и Анетт Мор.² Здесь в 1913 г. у них родился перве-

¹ Bernard Lugan. Histoire du Maroc. Des origins à nos jours. Paris, 2011. P. 245.

² Pauline de Mazières. Histoire de Russes au Maroc. Fr. I. P. 15–27.

нец – сын Владимир. В том же году, чтобы увидеть своего внука, из Томска приезжал дедушка, Петр Ганцелевич. Несмотря на продолжительное и утомительное путешествие, он запланировал следующую поездку из Сибири в Танжер на 1914 год, но началась мировая война. Ещё одна семья оказалась в Марокко отрезанной от своих российских корней.

Чтобы понять, почему эта семья не только не пропала, но и стала основанием русской общины в Танжере, необходимо знать биографию её главы. Родившись в крестьянской семье под Томском, Я.П. Ганцелевич с 14 лет работал на золотых приисках. Случайно оказавшись в нужный момент в нужном месте, он дал дельный совет инженерам из Москвы, занимавшимся прокладкой Транссибирской магистрали. Дальше всё произошло как в сказке. Он был нанят на строительство железной дороги, прошел все ступени карьерной лестницы и стал самым молодым инженером Транссиба. В дальнейшем это позволило Ганцелевичу заняться предпринимательством. В начале XX в. он уже был владельцем торговых и хлебных складов в Томске. Заработанное состояние позволило Якову Петровичу часто бывать в Европе, где он посещал концерты Шаляпина и Карузо. В Швейцарии на одном из благотворительных музыкальных вечеров он встретил свою будущую жену, выпускницу Парижской консерватории. Вынужденно оставшись жить в Танжере, Я.П. Ганцелевич развил активную деятельность. В этот период власти протектората планировали прокладку дороги из Рабата в Танжер. Французские компании отказывались одна за другой вести строительные работы из-за тяжелой обстановки в испанской зоне, о чем сообщалось, в частности, в донесениях российских дипломатов.¹ Постоянные нападения горцев, которых с 1906 г. возглавлял паша «танжерского пашалыка» Райсуни, делали опасными любые передвижения евро-

¹ Мусатова Т.Л. Россия–Марокко: далекое... С. 185.

пейцев в этой зоне.¹ Потомки Ганцелевича не сохранили воспоминаний отца о том, как он договорился с марокканцами. Его фирма взялась за строительство дороги. Дело пошло столь успешно, что позволило приобрести каменный карьер, а затем построить кирпичный завод и печи для обжига извести, которые стали снабжать стройматериалами весь регион. Так предприимчивый сибиряк смог разбогатеть и на чужбине.

У супругов Ганцелевич родились шесть детей. Трое сыновей – Олег, Борис и Александр – служили в Иностранном легионе во время Второй мировой войны. Дочь Надежда до сих пор живет в Танжере и ухаживает за могилами родителей на кладбище Бубана. Многочисленные внуки и правнуки проживают во Франции и в Бразилии, сохраняя русские имена в память о своих корнях.

Первым российским подданным, о котором нам известно, что он постоянно проживал в Танжере, был врач Зейлик Спиваков из Одессы. Предположительно, в молодости он бежал от погромов в своем родном городе, которые последовали за убийством царя Александра II в 1881 году. Сначала Спиваков приплыл на торговом судне в Марсель без средств к существованию, но смог устроиться на работу и поступить на учебу в Париже. Окончив медицинский факультет, он работал хирургом в госпитале Ротшильда, где его заметил Хаим Беншимоль и переманил в Танжер. Здесь с 1892 по 1901 год Зейлик Спиваков возглавлял французский госпиталь, а с 1903 до самой своей смерти в 1932 году занимал должность директора госпиталя Беншимоля. В условиях Марокко ему пришлось стать универсальным врачом, кроме хирургических операций он выполнял работу акушера, стал специалистом по заболеваниям легких. По свидетельству современников, доктора отличало бескорыстное служение своему делу, граничащее с самопожертвованием, зачастую он давал медицинские консультации

¹ Там же. С. 164.

абсолютно бесплатно. В 1910 году французское правительство наградило его орденом Почетного легиона. Высокую оценку вкладу подданного Российской империи, хоть и прекратившей на тот момент свое существование, в развитие здравоохранения международной зоны Танжера дал в своей речи на похоронах «русского доктора» министр-резидент Франции.¹

* * *

История российско-марокканских отношений, разворачивавшаяся как на официальном, так и на личном уровнях до начала 20-х гг. XX в., сформировала однозначно положительный образ России и «русского» у представителей всех категорий населения Марокко. В то же время в российском обществе, без сомнения, среди тех, кто интересовался вопросом, сложилось определенное представление об этой стране. Эти факторы межкультурного взаимодействия подготовили благоприятную почву для массовой эмиграции россиян в Марокко в первой половине XX в.

Следует заметить, что уровень российско-марокканского культурного и гуманитарного взаимодействия в конце XIX – начале XX вв. примерно соответствовал отношениям между Россией и Тунисом, но был при этом несравнимо ниже уровня тогдашних связей, существовавших между Россией и Египтом.² На территории Туниса до 1920 г. проживали около сотни россиян.³ В Марокко в этот же период их насчитывалось, по моим данным, не более двух десятков.

¹ Доклад П.П. Шереметевой в Танжере 12.11.2012 г., не опубликовано. Перевод с французского автора книги.

² См.: Россия и Тунис. Из истории отношений 1780–1917 гг. М., 2008. С. 13–14.

³ Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920–1939 гг.). М., 2000. С. 41.

* * *

Массовая эмиграция населения России началась сразу после Октябрьской революции 1917 г. и нарастала вплоть до 1922 г. С этого момента и до Второй мировой войны численность российских эмигрантов в целом растет незначительно. При этом непрерывно меняется их количество в различных странах, что объясняется миграцией с целью поиска работы, лучших материальных условий жизни, получения образования. Как известно, процесс интеграции и социально-культурной адаптации русских беженцев в различных социальных условиях в странах Европы, Америки, Дальнего Востока и Африки прошел несколько этапов и в основном завершился к 1939 г., когда у большинства эмигрантов уже не оставалось перспективы возвращения на родину.¹

Особенностью российской послереволюционной эмиграции является ее широкий социальный состав, включающий практически все социальные страты. Среди людей, оказавшихся к 1922 г. за пределами России, были представители практически всех классов и сословий бывшей Российской империи. Соответственно, неоднородными были и их политические взгляды, отражавшие весь спектр политической жизни революционной России.

Основными факторами данного феномена стали Первая мировая война, гражданская война, большевистский террор и голод 1921–1922 гг. С ними связана и доминирующая тенденция в гендерной структуре эмиграции, которая выразилась в подавляющем численном перевесе мужчин трудоспособного возраста. Совокупность всех обстоятельств дала возможность исследователям вопроса интерпретировать эмиграцию из России как существенный фактор в экономике Европы по-

¹ Сабенникова И.В. Русская эмиграция как социально-культурный феномен // *Мир России*. 1997, № 3. С. 156.

сле Первой мировой войны. Экстремальные условия генезиса русской эмиграции определили специфику ее социально-экономического положения в принимающих обществах. Она характеризовалась, с одной стороны, дешевизной предлагаемой эмигрантами рабочей силы, выступающей конкурентом национальных трудовых ресурсов, и, с другой, потенциальным источником безработицы, поскольку в условиях экономического кризиса эмигранты теряли работу в первую очередь.¹

Отмеченные выше особенности побуждали некоторую часть эмигрантов активно искать более благоприятные условия существования. Из таких мобильных людей и сложилась в дальнейшем община «русских марокканцев».

Марокко в силу своей географической удаленности от России не могло стать страной непосредственной иммиграции для жителей России, бежавших от революции, затем от ужасов гражданской войны и «красного террора». В результате наших с женой изысканий удалось проследить судьбы более 500 человек, разными путями оказавшихся в этой стране в «первой волне».

Первыми, согласно имеющимся данным, в Марокко стали прибывать члены Русской эскадры, корабли которой бросили якорь в тунисском порту Бизерта.² Из доклада представителя Русского Красного Креста П.П. Перфильева, посетившего Бизерту летом 1921 г., следует, что примерно половина из 6 тысяч людей, бывших на эскадре, состояла из крестьян, рабочих и казаков. Другая часть этого контингента была представлена офицерами флота, членами их семей, а также *«лицами интеллигентных профессий – инженерами,*

¹ Там же. С. 158.

² Подробности морского перехода из Константинополя в Бизерту и состав Русской эскадры см.: Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920–1939 гг.). М., 2000. С. 42–43; Ширинская А. Бизерта. Последняя стоянка. СПб., 2003. С. 340–341.

докторами, юристами, священниками, чиновниками, студентами и т. п.». ¹

В декабре 1921 г. в Бизерту приехал чиновник французской администрации в Марокко с предложением трудоустройства. Офицеры армии и флота, образованные матросы были приняты на должности инженеров, топографов, руководителей строительных работ, механиков, электриков, шоферов и пр. Были заключены 113 контрактов, по которым из Туниса в Марокко переехали около 250 человек. ² Одновременно администрация французского протектората в Тунисе стимулировала отъезд россиян, прибывших в составе эскадры, в другие страны, так как в Тунисе им было трудно найти работу, и правительство Франции было вынуждено содержать беженцев за свой счет. ³ Поэтому в течение 1922–1923 гг. состоялся отъезд части личного состава экипажей кораблей с семьями во Францию, а в 1922–1926 гг. некоторые из них переехали в Алжир, получив там работу. ⁴ В середине 1930-х из Алжира и с 1935 по 1940 г. из Франции многие «русские бизертяне» под давлением экономического кризиса в Европе и ухудшения обстановки в Алжире были вынуждены искать новые жизненные возможности в Марокко. Например, Михаил Владимирович Копьев ⁵ – дворянин, морской офицер, после револю-

¹ Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Русская эмиграция... С. 43.

² Русская колония в Тунисе. 1920–2000. Сборник. Составитель К.В. Махров. Русский путь. М., 2008. С. 64, 130; Бизертинский морской сборник. Выпуск 8 № 1, январь 1922 г.

³ «По распоряжению французских военных властей к 1 января 1922 г. в лагерях должны остаться только инвалиды, раненые и женщины с детьми до 15-летнего возраста. Остальные должны найти себе работу» // Бизертинский морской сборник. Выпуск 12 № 7, декабрь 1921 г.

⁴ Русская колония в Тунисе. 1920–2000. Сборник / Сост. К.В. Махров. М.: Русский путь, 2008. С. 96, 132.

⁵ Михаил Владимирович Копьев (08.11.1885–27.12.1965, Франция). Из дворян Санкт-Петербургской губернии. В 1913 г. получил офицерский класс подводного плавания. Старший лейтенант, наблюдающий

ции служил во ВСЮР и Русской Армии. Был командиром подводной лодки «Тюлень», которую привел в составе эскадры в Бизерту. В 1926 году он перебрался с семьей в Алжир. Но с 1938 года и до середины 1960-х гг. жил и работал в Марокко, где влился в православную общину Касабланки. В течение марокканского периода своей жизни он писал морские рассказы и публиковался под псевдонимом Изгнанник, а ещё в Тунисе в 1922–1923 гг. вышли его воспоминания «Страницы Русского флота».

Похожий путь проделал Евгений Александрович Макухин. Во время Гражданской войны он сражался в Белых войсках Восточного фронта во Владивостоке. С октября 1920 года встал в ряды Русской Армии в Севастополе. Из Бизерты переехал в Алжир, а после 1928 года – в Марокко.¹

Е. А. Макухин

Такие жизненные траектории были довольно типичными и объяснялись тем, что экономическая и политическая ситуация в Марокко того времени предоставляла более благоприятные, чем в метрополии или других французских территориях в Африке, материальные условия для существования.²

Другими, более разнообразными и непростыми, маршрутами русские эмигранты прибывали в Марокко самостоятельно и не столь массово, как из Туниса. Эвакуация Белой армии генерала Врангеля в Стамбул и на полуостров Галлиполи в Турции дала несколько «ру-

по подводной части за постройкой кораблей Балтийского флота. После революции – во ВСЮР и Русской Армии. С 30.11.1919 – капитан 2-го ранга, с 21.11.1920 – командир подводной лодки «Тюлень».

¹ Архив Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан, не опубликован. Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства. М.: Русский путь, 2004. С. 295.

² Michel Abitbol. Histoire du Maroc. Perrin, 2009. P. 434–445.

чейков»: Стамбул – Болгария (1920–25 гг.) – Франция – Марокко (на протяжении 1930-х гг.), Стамбул – Югославия (1920-е гг.) – Марокко (с середины 1920-х гг.); лагерь в Галлиполи – Франция (иногда Бельгия) – Марокко (на протяжении 1930-х гг.).¹ Примером может послужить путь семьи Льва Львовича Бутлера. После революции он выехал из Москвы поездом с женой и тремя детьми: маленьким мальчиком Левочкой и двумя дочерьми. По дороге от тифа умерли жена и сын. Л.Л. Бутлер с двумя дочерьми (восьми и десяти лет) приехал в Югославию, где устроился работать инженером. Девочки были определены в Институт благородных девиц в Ново-Бельцах. Затем его пригласили в Марокко строить железную дорогу Уджда – Фес. Видя, что материальные условия в Марокко вполне приемлемы, он вызвал дочерей – Валентину (в 1930 г.), а затем Наталью (в 1931 г.) в Рабат, после того, как они закончили в Сербии учёбу.²

Подавляющее большинство русских, прошедших этими дорогами, были военными. Военнослужащие с семьями из других отправных пунктов эмиграции Юга России, таких как Одесса (1919 г.), Северный Кавказ и Закавказье (1922 г.), попадали в Марокко через Францию, в некоторых случаях – через греческий о. Лемнос.³ Два царских офицера, ставшие впоследствии членами русской общины в Марокко, служили, например, в Персидской Его Величества Шаха казачьей дивизии. Когда в начале 1920 г. Персидская казачья дивизия была расформирована, они переехали во Францию, а уже

¹ В скобках указаны годы прибытия в страну.

² Из видеозаписи устных воспоминаний Н.А. Кулаковой–Эль-Кинани, личный архив Н.В. Сухова, не опубликовано; список захоронений христианского кладбища в г. Рабат (Марокко); сайт краеведов с. Зубова Поляна. URL: <http://zubova-poliana.narod.ru/old-photo1910-997.htm>

³ Из бесед Н.В. Сухова с П.П. Шереметевой, не опубликовано; Решетников Л. Русский Лемнос. М., 2010.

из Франции – в Марокко. Один из них – Сергей Сергеевич Булацель (04.04.1883 г. – 09.08.1971 г., Танжер). Закончил Елизаветградское кавалерийское училище в 1903 г. Участник Русско-японской, Первой мировой и гражданской войн. С 1917 г. – в составе Персидской казачьей дивизии (1879–1920): с октября 1919 г. – начальник Тегеранского отряда, с января 1920 г. – начальник Гилянского отряда. Генерал-лейтенант армии персидского шаха. По нашим данным он несколько лет пробирался с товарищами через британские и французские колонии на Ближнем Востоке во Францию, а затем приехал в Марокко незадолго до 1930 г.¹ Как и большинство эмигрантов, он поселился в Касабланке, нашел работу в компании Societe Shell и оставался членом прихода Свято-Успенского храма в Касабланке до самой своей смерти в 1971 году.

Существовал ещё и «северный» маршрут, по которому из России в Марокко двигались как военные, так и гражданские лица после поражения Северо-Западной армии генерала Юденича – через Эстонию и Латвию во Францию, а оттуда, в конце 1920-х – 1930-е гг. – в Марокко. Показательна судьба Оскара Освальдовича Феста.² Ревизором, а затем артиллерийским офицером эсминца «Самсонъ» он принимал участие в боевых действиях в Рижском заливе и в сражении за Моонзунд. После антибольшевистского восстания в Минной дивизии был арестован ВЧК и в течение двух месяцев³ содержался в заключении под следствием. Вернувшись к прежнему месту службы, Фест вскоре бежал через линию фронта к белым, а 11 декабря 1918 года поступил

¹ Список прихожан Свято-Успенского храма в Касабланке в 70-е гг. XX в., не опубликовано; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 гг. Т. 1. М., 1999; Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. М., 2004. С. 110.

² Род. 11.12.1896, Ревель.

³ С 01.09 по 29.10.1918 г.

на службу в ВМС Эстонии. Впоследствии по собственному желанию Оскар Освальдович перешел в Северо-Западную армию Юденича, в составе которой принял участие во втором наступлении на Петроград.¹ По окончании военных действий после 15 октября 1920 года он покинул Таллин и через Францию приехал в Марокко. Из архивных записей известно, что в конце 1920-х годов О.О. Фест состоял на службе в одной из «грузовых контор» в Касабланке.²

Нам удалось проследить миграционные пути гражданских лиц, конечным пунктом которых стало Марокко. Эти люди покинули Россию сразу после Февральской и Октябрьской революций, а также в период до 1924 г. Часть из них, эмигрировав в 1918–1919 гг., первоначально осталась во Франции, а затем в течение полутора десятилетий, с середины 1920-х до 1940 г., перебиралась в Марокко.

Например, Петр Петрович Шереметев (старший).³ Ему было всего девять лет, когда случилась революция. Вместе с женщинами и детьми клана Шереметевых он продолжал жить в Москве и учиться в Гнесинском музыкальном училище. В эмиграцию вместе с младшими детьми Шереметевых его вывезла бабушка Елена Богдановна Мейендорф в 1924 г. после того, как их дворец на Волхонке «уплотнили» со всей пролетарской решительностью. Уже в Париже он завершил среднее образование, затем окончил Национальную сельскохозяйственную школу в городе Рен (провинция Бретань).

¹ За эту кампанию Фест был удостоен ордена Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом.

² Архив Успенского храма в Касабланке. Сайт Генеалогия. URL: <http://genealogia.baltwillinfo.com/107/02.htm>

³ Родился 23.05.1908, умер 12.04.1972 в Рабате (Марокко). Петр Петрович Шереметев (младший) родился 13 сентября 1931 года в Марокко (г. Кенитра), ныне здравствует и является архитектором, меценатом и общественным деятелем.

Навстречу ему, еще не подозревая о будущей встрече, двигалась через горы и моря Марина Дмитриевна Шереметева, урожденная Лёвшина.¹ Когда Марине было 12 лет, её семья бежала через Северный Кавказ (Кисловодск – Пятигорск – Новороссийск) и покинула Россию на английском корабле «Браунфельс», который эвакуировал русских эмигрантов на о. Лемнос. Там они провели два года, полных лишений и смертей близких, и смогли вырваться из этой западни для русских беженцев во Францию, поселившись в пригороде Парижа. Во Франции Марина выучилась на сестру милосердия и устроила свою семейную жизнь, выйдя замуж за графа П.П. Шереметева.

С 1929 г. судьба семьи Шереметевых тесно связана с Марокко. Петр Петрович устроился здесь агентом по продаже сельскохозяйственной техники, и они переехали в Порт-Лиотэ (нынешнюю Кенитру), один из экономических центров Марокко того времени, где уже жила старшая сестра Марины – Надежда Дмитриевна, в замужестве Шидловская. Марина Дмитриевна преподавала в школе английский язык, занималась переводами научных текстов с русского и английского на французский язык. В 1938 году семья переехала в Рабат и стала активным членом церковного прихода: Петр Петрович долгие годы руководил хором Воскресенского храма, а Марина Дмитриевна, обладая прекрасным голосом, пела в церковном хоре, в течение многих десятилетий была членом приходского Совета Воскресенского храма.²

¹ Годы жизни: 11.11.1908 г., Санкт-Петербург – 17.11.2001 г., Рабат (Марокко).

² Списки прихожан Воскресенского храма в Рабате за 1950-е и 1960-е гг.; из интервью П.П. Шереметевой автору, не опубликовано.

Петр Петрович и Марина Дмитриевна Шереметевы

Другая часть — русские эмигранты, поселившиеся с 1920 г. в Германии, которые также через Францию уезжали искать лучшей жизни в Марокко. Примером «германского» пути в Африку может послужить история Евгения Александровича Бреннера.¹ Перед эмиграцией в Германию в 1917 году он работал в одном из московских издательств. В Берлине Бреннер устроился сначала библиотекарем, а потом стал издателем. В 1926 году он переехал во Францию и поселился в Париже, где вошел в состав правления «Товарищества *Н.П. Карбасникова*» (вышел из него в 1929 году), приобрел книжный магазин, издательство «Москва» и оптовый склад.² В 1934 году Е.А. Бреннер, очевидно, вследствие разорения на волне мирового экономического кризиса, уехал в Рабат, где работал директором различных компаний. Вернулся в Париж в 1953 году на фоне обострения вооруженной борьбы марокканцев за независимость.

¹ 20 февраля / 4 марта 1895, Москва – 28 января 1954, Париж, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

² По адресу: 9, rue Dupuytren, 6-е arrondissement (начало 1930-х гг.).

Со своей женой, Любовью Васильевной,¹ Евгений Александрович встретился только в Париже, куда она приехала из Германии на год раньше его. С 1922 года и до переезда во Францию Л.В. Бреннер училась в Гамбургском университете. Поселившись вместе с мужем в Марокко, она не покинула эту страну вместе с ним. Архивные документы свидетельствуют, что с 1955 по 1960 год она работала библиотекарем в Главной библиотеке Марокко в Рабате и только в 1960 году переехала в Париж, получив место в отделе славянских языков Национальной библиотеки в Париже.²

Одним из наиболее колоритных членов русской общины в Марокко, попавших туда через Германию, был Новрузов Теймур Бек Мирза Гаджи-бек оглы.³ Участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер, после революции он возглавил конницу Азербайджанской Демократической республики, руководство которой присвоило ему звание генерала-майора. В 1920-м году, спасаясь от преследования большевиков, генерал эмигрировал в Германию, а затем во Францию. По воспоминаниям русских эмигрантов о годах жизни Т. Новрузова в Ницце он работал там маляром и гордо ходил с ведром краски под окнами других русских эмигрантов, что давало родителям повод рассказывать своим детям о храбрости рода Новрузовых.⁴ В 1930-х годах наш герой уехал вместе с женой⁵ в Марокко и поселился в «Устиновке», о ко-

¹ Даты жизни: 28.01.1902, Санкт-Петербург – 07.05.1971, Париж.

² Архив Успенского храма в Касабланке, фонд не описан, не опубликован; Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Биографический словарь в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука, Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010.

³ Даты жизни: 1880–1961 гг., Ницца. Полковник. Участник Первой мировой войны, георгиевский кавалер. Один из военачальников Азербайджанской Демократической республики (18.05.1918–28.04.1920).

⁴ Вояхонский М., Муханов М. По следам Азербайджанской Демократической Республики. М., 2007. С. 126.

⁵ Вострякова Татьяна Родионовна.

торой я расскажу позже. Будучи мусульманином, он соблюдал Рамадан, но при этом посещал православный храм, присутствовал вместе с женой на богослужениях: *«Массивный, коренастый, с кривыми ногами кавалериста... С грубыми чертами лица, уса́тый, во время церковной службы ставил свечи перед иконами»*.¹

Третья группа – эмигранты из России, которых приняла Италия в 1918–1920 годах. После ужесточения фашистского режима в 1939 году они, будучи в большинстве своем евреями, стали массово уезжать в Танжер. Из уст в уста передавалось, что *«...на африканском берегу Гибралтарского пролива, расположен марокканский город, именуемый Танжером. Он состоит под международным протекторатом, и каждое государство-протектор уполномочено давать визы на право въезда в него. Италия является одним из таких государств, и виза ... может быть выдана местной Квестурой»*.²

Отдельно следует выделить группу эмигрантов из России «первой» волны, которые до 1940 года оставались в Югославии и других странах Европы. Те из них, кто остался в живых, участвуя во Второй мировой войне в составе Русского корпуса или в партизанских отрядах, будучи помещенными в концентрационные лагеря, так или иначе к концу войны оказались в лагерях для «перемещенных лиц» в Германии.³ Поскольку эти люди прибыли в Марокко в 1947–48 гг., мы относим их ко «второй» волне русской эмиграции в этой стране.

¹ Из бесед автора с П.П. Шереметевой.

² Вейцман Ф. Без отчества. История жизни русского еврея. Тель-Авив, 1981.

³ Перемещенные лица – лица, насильственно вывезенные в ходе Второй мировой войны гитлеровцами и их пособниками с оккупированных ими территорий для использования на различного рода работах. После окончания войны СССР заключил с рядом государств соглашения о репатриации П.Л. из числа советских граждан. См.: Большой юридический словарь. М., 2006.

Приведу два типичных примера. Дудышкин Александр Яковлевич (31.10.1881 г., Москва — 04.02.1953 г., Касабланка, Марокко) — полковник инженерных войск, участник Первой мировой и гражданской войн, после поражения белого движения эвакуировался в Югославию. Во время Второй мировой войны Дудышкин сражался в рядах Русского корпуса. Вместе с интернированными в лагере Менхегоф военнопленными и беженцами переправился в Марокко. Там он работал инженером-архитектором и много сил уделял общественной работе, которая для него, как и для многих русских офицеров-эмигрантов, составляла основу жизни: возглавлял Марокканский отдел РОВС и Союз бывших членов Русского корпуса, был казначеем ассоциации «Община и православная русская церковь в Марокко» в 1948–51 гг. Жил Александр Яковлевич в пригороде Касабланки Бурназеле вместе с такими же эмигрантами второй волны, оставаясь до конца своих дней апатридом.

Надгробие А.Я. Дудышкина
в Касабланке

Треснувшая надгробная
плита А.Я. Дудышкина

Нельзя не обратить внимание на женские судьбы послевоенных «марокканцев». Наталья Владимировна Духонина — вдова генерал-лейтенанта

Н.Н. Духонина,¹ последнего Верховного Главнокомандующего Русской Армии, ставшего одной из первых жертв красного террора. 20 ноября 1917 г. генерал был застрелен «революционными» солдатами после занятия ими Ставки в Могилеве. Более трех суток истерзанное тело Духонина висело привязанное к вагону. Наталья Владимировна выкупила тело мужа, тайно перевезла в Киев и похоронила. В Добровольческой армии Н.В. Духонина служила сестрой милосердия, а после её разгрома эмигрировала в Сербию, где заведовала санаторием Красного Креста.

На протяжении двадцати лет с 1921 по 1941 год она была директрисой Мариинского Донского института благородных девиц, эвакуированного из Новочеркасска в сербский город Белая Церковь. После войны Наталье Владимировне, очевидно, с помощью сослуживцев и воспитанников удалось вновь эмигрировать, на этот раз из «коммунистической» Югославии в Марокко.²

Конечно, далеко не всегда члены семей попадали в Марокко каким-либо одним путем.

Надгробие Н.В. Духониной
(1881–1968)

¹ Даты жизни: 21.07.1889, Киев – 27.03.1968, Касабланка. На момент смерти проживала по адресу: 2, Rue de Genève, Casablanca. Похоронена на христианском кладбище Бен М'Сик в Касабланке, участок № 51.

² Учетные карточки захоронений кладбища БЕН М'СИК в Касабланке (Марокко); Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 173; Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. Русский путь. М., 2004. С. 193; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 гг. Т. 2. М., 1999.

Нам с женой посчастливилось познакомиться с человеком, родившимся в 1930 году в марокканской глубинке, в городе, название которого неоднократно упоминается в этой книге. Владимир Иванович Ус и его родные, проживающие теперь в Москве, Минске и Париже, бережно сохранили семейный архив – все бумаги, удостоверения и фотографии, корреспонденцию и рукописи, грамоты и дипломы.¹ Эти документы, отражающие жизнь русских эмигрантов первой волны, прошедших непростой, но одновременно типичный для своей эпохи, путь из России в Северную Африку и обратно, принадлежат представителям четырех фамилий: Заушкевич, Короткевич, Соколов, Ус. Все они состояли в той или иной степени родства, все они встретились и соединились в Марокко, были пронесены через расстояния длиною в век и несколько тысяч километров.

Виктор Георгиевич Соколов (1888–1973) переехал в Марокко, судя по его собственным записям, в 1926 году, пройдя довольно типичный для русского эмигранта «первой» волны маршрут: эвакуация из Крыма с армией Врангеля – Франция – Марокко. Сын провинциального учителя, ставшего к началу Первой мировой войны директором Каменец-Подольской учительской семинарии, чьи «Формулярные списки о службе» он хранил на протяжении всей своей жизни, в юности мечтал об аэропланах. После полетов братьев Райт он оставил Львовский политехнический институт и стал юнкером Казанского пехотного училища, чтобы получить воинское звание. В 1910 году Виктор Соколов поступил в только что открывшуюся тогда Севастопольскую школу авиации и стал военным летчиком уже в 1912 году, когда во всей русской армии насчитывалось всего тридцать авиаторов. Он служил в одном полку с автором «мертвой петли» П.Н. Нестеровым и был свидетелем его знаменитого тарана.

¹ Архив Соколовы-Ус. Москва. Фонд не описан, не опубликовано.

И вот русский офицер, прошедший Мировую и Гражданскую войны, познавший горечь изгнания, претерпевает за два десятка лет жизни в Марокко, в гуще марокканского народа, неожиданную для окружающих идейную метаморфозу, которая приводит его в 1944 году к сотрудничеству с Марокканской коммунистической партией. В 1947 году В.Г. Соколов получил советское гражданство. А в 1952 году за активное участие в борьбе за независимость Марокко был выслан властями французского протектората в ГДР.

Внимательно изучив документы, принадлежавшие Тамаре Сергеевне Ус или касающиеся ее учебы и профессиональной карьеры, начинаешь понимать, что идейная эволюция Виктора Соколова завершилась во многом благодаря встрече с этой женщиной, с кото-

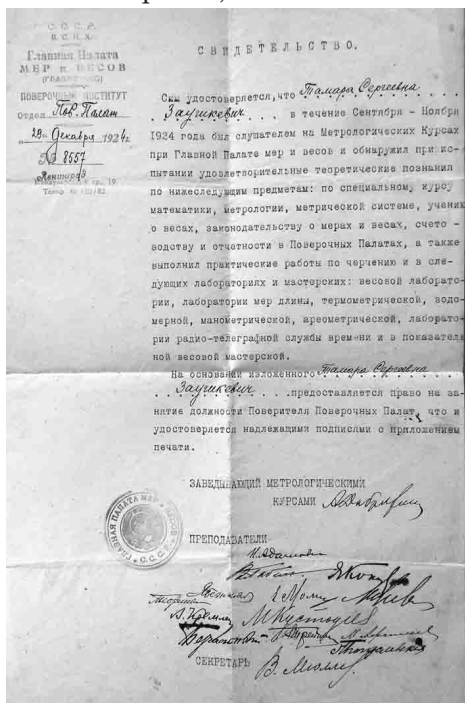
87, Boulevard Malesherbes, 87 - PARIS

Тамара Сергеевна Ус-Соколова

рой он в итоге создал семью и прожил до самой своей смерти в Ташкенте. Важнейшим документом является автобиография Тамары Ус, на момент её составления уже носившей фамилию Соколова. В нашем распоряжении имеются два довольно схожих варианта: один написан в Дрездене в 1955 г., а другой – в Ташкенте в 1956 г. Каждый факт, указанный в автобиографии, подкреплён удостоверениями, дипло-

мами и справками с мест работы. На основании этого архива, условно – «архива Тамары Ус-Соколовой», можно проследить всю жизнь этой женщины с неординарным, под стать её судьбе, характером.

В двенадцатилетнем возрасте она рассталась с отцом, Сергеем Андреевичем Заушкевичем, и старшим братом Борисом, оставшись с матерью на охваченном гражданской войной Юге России. Им удалось вернуться в Петроград, где с 1919 по 1924 г. Тамара училась в Советской единой трудовой школе. В сентябре – ноябре 1924 г. она прослушала Метрологические курсы при Главной палате мер и весов, получив специальность поверителя поверочных палат. Но стать советским чиновником Тамаре Заушкевич не довелось не только в силу юного возраста, но и по семейным обстоятельствам.

Свидетельство метрологических курсов

Ее мать, Вера Платоновна, искала следы мужа и сына и к концу 1924 года с помощью Красного креста смогла установить их местонахождение. Оба находились в городке Хурибга, выросшем на разработках фосфатов. Поскольку в разрешении вернуться на родину С.А. Заушкевичу было отказано, мать и дочь выхлопотали себе годовую визу в Марокко и уехали туда в марте 1925 года. Уже в 1926 году Тамара

стала носить фамилию Ус. Она вышла замуж за кубанского казака Ивана Гавриловича из станицы Роговская, который в Марокко попал совсем другим путем.

Иван Гаврилович Ус

В Турции, куда он эвакуировался в составе русской армии из Крыма, его обокрали. Оставшись без средств к существованию, а главное — без документов, Иван Ус, как и многие его товарищи по несчастью, завербовался во французский Иностранский легион. В семейном архиве остались только его фотографии и свидетельство о смерти от рака в 1940 году. На момент встречи с семьей Заушкевичей он отслужил в Марокко положенный пятилетний срок, уце-

лев в боях с берберскими племенами, и нанялся в компанию по добыче фосфатов, развернувшей с 1921 года свою деятельность в Хурибге.

Отец семейства, Сергей Андреевич Заушкевич, работал там же на центральной электростанции. Об этом свидетельствует надпись на соответствующей странице фотоальбома, изданного администрацией компании по добыче фосфатов к её десятилетию.

Сам альбом был подарен 1 декабря 1931 года другому члену семьи – Сергею Короткевичу, ставшему в Марокко мужем сестры своего сослуживца и тезки, Заушкевича. Они все вместе проделали путь, характерный для многих членов Русской эскадры, прибывшей в 1921–1922 годах в тунисский порт Бизерту, и который уже был описан на этих страницах.

Проследив десятки подобных жизненных траекторий, можно утверждать, что временные рамки «первой» волны российской иммиграции в Марокко не совпадают с общепринятой хронологией послереволюционной эмиграции из России. В силу географических, политических и экономических факторов формирование русской общины в Марокко, в отличие от европейских стран, заняло относительно продолжительный период (с 1912 по 1940 г.). В то же время её история иллюстрирует и подтверждает тезис о высокой миграционной мобильности россиян, вынужденно оказавшихся за пределами родины. Следует также отметить, что не для всех Марокко стало конечным пунктом странствий по миру. Немало было среди «русских марокканцев» и транзитных эмигрантов. Далее будет показано, что некоторые покидали страну через год – другой, а какая-то часть провела в ней десятилетия, прежде чем вернуться в Европу или перебраться через Атлантический океан – в Америку.

Массив персональных историй, собранных из мемуаров, архивов и просто на земле Марокко, позволяет выделить в хронологических рамках «первой» волны эмиграции два основных этапа: 1922–1927 гг. и 30-е гг. В ходе первого этапа происходило формирование русской общины, ядром которой стали контрактники из Бизерты. В этот же период в Марокко разными путями попадали одинокие и семейные беженцы из Европы. Французская администрация протектората остро нуждалась в специалистах различного профиля. В метрополии и других колониях велась реклама «земли обетован-

ной» в Северной Африке. Межвоенное Марокко отличалось существенным обстоятельством – там была работа, требовавшая не физического труда, а определенной квалификации. Кроме того, беженцам из России оказывал покровительство генеральный резидент Франции в Марокко маршал Лиотэ, который хорошо относился ко всем русским со времен Первой мировой войны.¹

В отличие от Туниса, в Марокко русским специалистам не приходилось работать землекопом, портовым грузчиком, кочегаром, шофером, садовником, сторожем. Кроме того, в Марокко администрация протектората разрешала практиковать всем врачам-иностранцам, вне зависимости от того, в какой стране ими получены дипломы.² В Тунисе большинство жен офицеров, образованные женщины, в прошлой жизни – из обеспеченных семей, считали, что им повезло, если удавалось попасть в зажиточную арабскую, либо европейскую семью на должность гувернантки, няни, горничной, или работать модисткой, швеей.³ В Марокко они занимались воспитанием детей, ведением собственного домашнего хозяйства, активно принимали участие в общественной и культурной жизни. Судя по воспоминаниям П.П. Шереметевой о том, как её бабушка по материнской линии в соответствии со своими дореволюционными привычками совершала визиты в дома русской аристократии в Рабате, постепенно возрождалась и светская жизнь.⁴

В Марокко, в отличие от Туниса и Египта, на момент появления первых русских беженцев иностранная колония находилась ещё только в процессе формирования. Соответственно, не было такой острой конкуренции

¹ Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 163.

² Российская диаспора в Африке в 20–50-е годы. Сборник статей. М., 2001. С. 10.

³ Там же, с. 10.

⁴ Pauline de Mazières. Histoire de Russes au Maroc. Fr. III. Madame Djebli. P. 7.

на местном рынке труда, которая вынудила главнокомандующего Русской эскадрой в Тунисе контр-адмирала Беренса включить в приказ № 694 от 3 ноября 1921 г. следующие строки: *«На месте работы вы можете встретить людей различных национальностей – евреев или итальянцев, которые будут недоброжелательны к вам и, возможно, попытаются бойкотировать вас или посеять вражду между вами»*.¹

Европейская эмиграция в Марокко отличалась от Туниса и Алжира именно тем, что её итальянская и испанская составляющие не были столь заметны. Французы в начале 1920-х гг. преобладали, их доля достигала 64% миграционного потока. Остальная часть сотысячного к 1926 г. иностранного контингента в Марокко состояла из испанцев, греков, итальянцев, португальцев, англичан, швейцарцев, бельгийцев и, почти в конце списка – русских.²

В течение 1920-х годов Марокко постепенно становилось страной сравнительно компактного проживания выходцев из России. Благодаря корпоративным, семейным и дружеским связям здесь стали находить работу всё новые и новые эмигранты. Первые закрепились, стали принимать и устраивать своих родственников и сослуживцев. Классическим примером служит переезд клана Шереметевых из Франции в Марокко в описываемый период. У генерал-майора Дмитрия Федоровича Левшина (1876–1947) и Наталии Александровны, урожденной Голенищевой-Кутузовой (1883–1963) было три дочери: Ирина, Марина и Надежда. Старшая – Надежда – вышла в 1922 году замуж за Сергея Николаевича Шидловского, участника Первой мировой и гражданской войн, галлиполийца. В 1927 г. они переехали в Порт-Лиотэ (Кенитру), в то время – экономический центр Марокко. В 1929 году жених младшей сестры,

¹ Русская колония в Тунисе. 1920–2000. С. 94.

² Michel Abitbol. Histoire du Maroc. P. 438–439.

Марины Левшиной – Петр Шереметев побывал на экскурсии в стране с группой выпускников Национальной сельскохозяйственной школы (института). Оценив свои профессиональные перспективы, он сразу же после свадьбы направился с молодой женой в Марокко, под покровительство родственников. П.П. Шереметев устроился работать агентом по продаже сельскохозяйственной техники, которая пользовалась возрастающим спросом. К 1926 г. земельные владения французских колоннов охватывали полмиллиона гектаров по всему Марокко, что составило уже половину всех обработанных ими земель за 44 лет протектората. Французы активно строили оросительную систему, вводили в оборот новые с/х культуры, методы ведения хозяйства.¹ В это время, с середины 1920-х гг. в Касабланке уже жила средняя сестра – Ирина Левшина – с мужем Николаем Николаевичем Сомовым, офицером Добровольческой и Русской армий, который прошел путь типичного «русского марокканца» из Крыма через Стамбул и Париж. Наконец, в 1931 г. в Танжер переселились сестра П.П. Шереметева Наталья Петровна вместе с мужем Александром Андреевичем Балашовым, который работал во французском туристическом агентстве «Сэр Генри Лан Трэвел».²

Анализ биографий «русских марокканцев», некоторые подробности которых содержатся в письмах и мемуарах, позволяет утверждать, что пополнение общины в Марокко во многом происходило благодаря дружеским, семейным и корпоративным связям между сослуживцами и членами различных воинских организаций.

Второй этап «первой» волны переселения русских эмигрантов в Марокко совпал с мировым экономическим кризисом. Снова, после нескольких лет адаптации в странах Европы, нищие в большинстве сво-

¹ Ibid. P. 434–437.

² Из бесед автора с П.П. Шереметевой; П.П. Шереметева-де Мазьер. Мы Петрови. Рукопись. Рабат, Марокко. Частный архив. Фонд не описан.

ем беженцы из России оказались во враждебном мире. Сложившуюся в 30-е гг. XX в. ситуацию ярко описала Ирина фон Шлиппе в докладе, прочитанном в 2003 г. на Епархиальной конференции Сурожской епархии.¹ *«Вспомните 20-е годы: война разорила Европу, унесла значительную часть мужского населения, дестабилизировала общество и экономику. Кроме того, Европа много инвестировала в Россию до революции, поскольку страна так быстро развивалась (быстрее Соединенных Штатов), и вложение капитала приносило большие дивиденды (в то время даже люди с небольшим доходом вкладывали свои деньги). Эти капиталы оказались утрачены навсегда, и с точки зрения европейских вкладчиков русские просто украли у них сбережения всей жизни. Я многократно подвергалась устным нападкам по этому поводу в 50-х и 60-х годах, так каково же было в 20-х и 30-х? Этой Европе пришлось принять сотни тысяч разоренных русских – вышедших из войны, предоставив своим союзникам сражаться дальше. Никто не желал ничего знать о политике, никто не хотел выслушивать оправданий. Сотни тысяч нищих объявились в нищих странах, где их никто не ждал. Единственным способом остаться на плаву было держаться вместе, помогать друг другу, не терять надежды». И с надеждой на лучшее странствовать дальше по миру...*

На более личностном уровне, на примере своей семьи, об этом же рассказывает Сергей Михайлович Толстой. *«Экономический кризис, начавшийся с краха нью-йоркской биржи в 1929 году, жестоко отозвался в Европе. Великая экономическая депрессия не пощадилась недвижимость. Бюро на улице Галилея переместилось на «холостяцкую» квартиру отца на улице Хамелин.*

¹ Шлиппе, Ирина фон. Кризис изгнания: поиски социальных и духовных решений в эмиграции. URL: <http://www.religare.ru/article29963.htm>.

Счета на газ, электричество, квартиру накапливались до бесконечности. Мне была поручена миссия малоприятная – ходить за продуктами к молочнику на углу улицы. Этот толстый, добрый, розовощекий малый, ругал «этих русских», наполняя мою сумку продуктами, приговаривая: «Все это вы получаете последний раз, вы хорошо меня слышите, последний раз» ... В разговорах, всегда оживленных, мы редко касались дел, они были никудышными, а говорили о прошлом, о революции, литературе, политике и о будущем. Дела могут поправиться, большевизм не вечен, а иначе придется искать счастья в других краях, в Парагвае, например».¹ Марокко оказалось для многих гораздо ближе Парагвая...

Показательна для этого периода судьба графа Николая Евгеньевича Апраксина.² После эмиграции во Францию он остался, как очень многие, апатридом.³ В Париже работал инженером-электриком, а в 1932 году вместе с семьей был вынужден переехать в Марокко, где устроился инженером на заводе в Касабланке. Впоследствии, уже адаптировавшись в стране, занимался коммерцией – торговал холодильными установками. Другая короткая и типичная жизненная канва: А.В. Глебов, шурин М.Л. Толстого, гвардейский офицер, работал шофером в Париже, в 1931 г. был приглашен своим род-

¹ Толстой С.М. Дети Толстого / Пер. с франц. А.Н. Полосиной. URL: <http://tolstoy.ru/life/family/children/mikhail-lvovich-tolstoy/>

² Даты жизни: 16.03.1901, Тифлис – 26.09.1969, Касабланка.

³ *Апатрид* – физическое лицо, не имеющее какого-либо гражданства или подданства и не обладающее доказательствами, которые могли бы установить принадлежность его к какому-либо гражданству или подданству. Начиная с 1922 г. таким лицам стали выдаваться «нансеновские паспорта», международные документы, которые удостоверяли личность держателя, разработанные Фритьофом Нансеном, комиссаром Лиги Наций по делам беженцев.

ственником И.К. Алексеевым (сыном К.С. Станиславского) управлять его имением в Марокко.¹

Экономический кризис сдвинул с места и массы европейского коренного населения. С середины 1930-х к экономическому фактору добавился политический: гражданская война и приход к власти Франко в Испании, ужесточение фашистского режима в Италии. Вместе со всеми из Европы вновь стали уезжать бывшие подданные многонациональной Российской империи: русские, украинцы, поляки, немцы, евреи.

¹ Учетные карточки захоронений кладбища БЕН М'СИК в Касабланке (Марокко); Луконин Ю.В. Марокканские будни изгнанников. См.: Российская диаспора в Африке в 20–50-е годы. С. 63.

Глава 2

«СЕВЕРНЫЕ ВОРОТА МАРОККО»

Марокко по-прежнему оставалось самой близкой к Европе страной на другом континенте, а ближайшим портом был и остается Танжер – особенный город, который пользовался уникальным правовым статусом в течение 44 лет, благодаря чему в нем сложилось своеобразное сообщество эмигрантов из России, которое заслуживает отдельного описания.¹ История появления первых переселенцев из России в этом городе описана выше. Не все русские эмигранты «первой волны» двигались дальше вглубь Марокко, некоторые из них оседали в этом самом европеизированном из городов страны. Следует отметить, что согласно французской статистике, иностранное население Танжера составляло весомую долю от всего числа европейцев, проживавших в Марокко в период протектората: 57 тыс. из 475 тыс. человек.²

¹ Международная зона Танжер (1912–1956 гг.) – одна из немногих мировых территорий, которая из-за своего важнейшего стратегического местоположения имела особый статус. Город Танжер и прилегающая к нему территория общей площадью 373 км², а также примыкающее водное пространство около 7 км² имели с 1912 г. «международный статус». Он не был до конца проработан вплоть до 1923 г., когда Франция, Великобритания и Испания закрепили конвенцию об особом статусе Танжера в качестве международной демилитаризованной нейтральной зоны. Фактически городом управляли правительства этих трёх стран. К 1928 г. к ним формально присоединились Италия, Португалия и Бельгия. Номинально он оставался под контролем марокканского султана, но фактически перешёл под власть Международного контрольного комитета и других органов международной администрации. В 1940–1945 гг. город был оккупирован Испанией. После окончания войны статус международной зоны был восстановлен 31 августа 1945 г. В 1956 г. особый статус был отменен, и в 1957 г. Танжер был присоединен к Королевству Марокко.

² Данные на 1951 г. См.: Michel Abitbol. Histoire du Maroc. P. 438.

К сожалению, в настоящее время нам доступны лишь немногочисленные источники информации о «русской» общине в этом многонациональном и разноязыком городе. Некоторые персоналии прослеживаются в воспоминаниях П.П. Шереметевой и её мемуарных публикациях, а судьбы русских офицеров – по работам отечественного историка С.В. Волкова.¹ В наибольшей мере восстановить различные стороны жизни выходцев из России в Танжере помогли документы (частная переписка, списки православной общины, квитанции о переводе взносов на содержание прихода в Рабате, архивы местного ЗАГС), которые посчастливилось найти и П.П. Шереметевой, и мне в годы работы в Марокко.²

Большой интерес, без сомнения, представляют также воспоминания Филиппа Вейцмана, дающие представление о ситуации в международной зоне, об уже сложившейся на момент его прибытия в Танжер эмигрантской общине «первой» волны и о социально-политических процессах, сопутствующих возникновению «второй».³ Вейцман особо подчеркивает мульти-культурный, поликонфессиональный характер описываемого пространства. *«Танжер обладал очень оригинальной конституцией. Начнем с того, что международным городом, как его называли, он никогда не был. Танжер входил в состав Марокканской Империи, разделенной на три неравные зоны протекторатов: французского, испанского и международного. Танжерская зона находилась под международным протекторатом. В этой зоне система управления была двухпалатная. Верхняя палата называлась Контрольным Комитетом, и состоя-*

¹ Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства. М.: Русский путь, 2004.

² Архив Успенского храма в Касабланке и Воскресенского храма в Рабате. Фонд не описан. Не опубликовано.

³ Вейцман Ф. Без отечества. История жизни русского еврея. Тель-Авив, 1981.

ла из посланников государств-протекторов. Низшая палата, именуемая Законодательным Собранием, состояла из представителей всех иностранных колоний, проживавших в Танжере; все они бывали назначаемы, на известный срок, посланниками их стран. Кроме того, в него входили арабы и евреи. Еврейские представители избирались еврейской общиной, а арабские назначались султанским наместником в Танжере – Мендубом. Этот последний являлся председателем Законодательного Собрания, а также чем-то вроде главы этого маленького государства.

Исполнительная власть принадлежала городской администрации, и возглавлялась администратором зоны и его помощниками; всех их назначал Контрольный Комитет. Блюстителями порядка и защитниками зоны являлись: международная полиция, состоящая из европейцев всех национальностей, местных евреев и арабов; международная жандармерия, в нее входили исключительно арабы и мендубская гвардия, в живописном бело-сине-красном одеянии, тоже состоящая исключительно из арабов. Все религии были равны: в городе имелось несколько мечетей, две или три христианских церкви, и с десятков синагог, состоящих из одной небольшой комнаты».¹

Одной из христианских церквей в Танжере был православный домовый храм святителя Киприана Карфагенского на улице Диккенса, который просуществовал по данным В.Е. Колупаева до 1962 г.,² а согласно документам, обнаруженным мной в архиве Успенского храма в Касабланке, до 1967 г.³

¹ Там же.

² Колупаев В.Е. Русские в Магрибе. М., 2009. С. 177.

³ Письмо П.Н. Коларовича, старосты церковной общины, итальянскому историку М. Цуккини. Архив Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано.

«В то время жизнь в Танжере была очень дешева...¹ Все мои попытки устроиться в Танжере, в качестве инженера, оканчивались неизменно полным фиаско. В этом городе не было никакой индустрии, и в нем нуждались в ком угодно, только не в инженерах. Встал вопрос: на что мы будем жить?». Этот вопрос, естественно, вынуждены были решать, так или иначе, все эмигранты. Старожилы Танжера сами создавали ту «индустрию», об отсутствии которой сокрушался автор приведенной цитаты. Примером тому служит не только успешное строительное предприятие Я.П. Ганцелевича, упомянутое выше. Граф Остен-Сакен организовал электрическую компанию, процветающую до его отъезда в СССР; Владимир Пономарев, перебравшийся в Танжер из Шанхая, открыл в скором времени ставший популярным магазин прессы «Италика». Михаил Шатько наладил производство сладостей из апельсинов, которые находили спрос во всех гостиницах города, прославившегося в те годы еще и как центр контрабанды и международного шпионажа.²

Не все эмигранты из России были столь предпримчивы. Бывший полковник Персидской дивизии Сергей Булацель был скромным служащим в американской компании «Шелл». Граф Николай Игнатъев торговал углем, Сергей Суворин управлял своей фермой в Малабате, пригороде Танжера.³

В Танжере работали два ресторана, владельцами которых были русские. Один из этих ресторанов – le Balcon в отеле Vélasquez, а второй – очень стильное и элегантное заведение Volga в отеле Rif, который существует и поныне, в чем во время поездки в 2013 году, следуя по маршруту пятидесятилетней давности своего отца,

¹ Жизнь в Танжере в апреле 1939 г. была дешевой относительно предвоенной Европы.

² Pauline de Mazières. Histoires de Russes au Maroc. Fr. I. P. 13.

³ Там же, с. 12.

ученого и морского офицера Евгения Петровича Чурова, мог убедиться автор книги о Марокко В.Е. Чуров.¹

Племянница Игоря Стравинского, известная в Танжере как Ira Belline, вместе со знаменитыми музыкантами того времени Jay Hazelwood и Bill Chase открыла бар Parade, который до конца 1960-х годов был не менее популярен в богемной среде, чем бар отеля Ритц в Париже.²

Антон Максимович Нестеренко, проделав тот же путь, что и многие его флотские товарищи, стал топографом.³

Здесь уместно привести зарисовку из жизни русских офицеров, устроивших жизнь, свою и своих семей, в Танжере. *«Раз как-то, на «Большом» рынке, услышав нашу русскую речь, к нам подошла дама лет сорока, и, представившись, спросила по-русски: кто мы и откуда? Мы разговорились. Ирина Александровна Семенова, дочь одного весьма известного русского писателя конца девятнадцатого века⁴, была женой бывшего русского офицера морских инженерных войск царской службы. У нее были две дочери, в возрасте двадцати и семнадцати лет: Татьяна и Мария. Мужа ее звали Дмитрием Осиповичем... Дмитрий Осипович занимал довольно ответственный пост в международной администрации города. Он принадлежал к группе русских*

¹ Чуров В.Е. Путешествие в Марокко с Анастасом Ивановичем Микояном. М., 2015. С. 177.

² Pauline de Mazières. Histoires de Russes au Maroc. Fragment I. Tangier. 2010. С. 14.

³ Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства. М. Русский путь. 2004. С. 334.

⁴ Здесь Ф. Вейцман ошибается. В то же время в Танжере жила Осипова Вероника Николаевна (Родители: Гарин-Михайловский Николай Георгиевич (1852–1906) и Садовская Вера Александровна) вместе с мужем Осиповым Платоном Д. (1890 –?) и дочерью Натальей Платоновной, в замужестве Башкировой. Вместе с мужем в 1922 г. эмигрировала из Бизерты в Марокко. Жила в Танжере.

белых офицеров, бежавших после окончания гражданской войны в Марокко, и там устроенных на службу маршалом Лиотэ. Мы в тот же вечер были приглашены к ним на чай, и стали у них бывать».¹

О семье Вейцманов мы знаем, что они зарабатывали себе на жизнь, организовав пансион, и при этом вращались в русскоязычной среде, имея широкий круг общения, в который попадали и «русский аристократ», и «бывший офицер Белой армии», и даже «русский армянин» доктор Адамов. Среди знакомых матери Филиппа Моисеевича были и православные дамы, и еврейки, вместе со всеми скитавшиеся после революции по Европе и Северной Африке и нашедшие пристанище в Танжере. *«У моей матери в Танжере имелась большая приятельница, одна русская, православная дама, Вера Порфирьевна Вальс... Некогда Софья Осиповна Болдини была очень богатой женщиной, но после смерти своего мужа разорилась и теперь, работая в частных домах в качестве белошвейки, дорожила каждой копейкой».*²

Многие из них не имели никакого гражданства и не могли даже покинуть зону международного протектората. Вот описание типичной ситуации. *«Для выезда из Италии генуэзская квестура выдала каждому из нас международный паспорт, типа Хансен, на право въезда, конечно, при наличии соответствующей визы, в любую страну мира. Этот паспорт, напечатанный на одном листе бумаги, имел силу на год и не подлежал продлению. В Танжере, от местной полиции, мы все получили свидетельство личности, годное только в пределах этого города».*³

Однажды Ф. Вейцман познакомился с племянницей русского аристократа, которого в своих мемуарах он

¹ Вейцман Ф. Без отечества...

² Там же.

³ Там же.

называет просто Графом¹, проживавшего на тот момент уже многие годы в Танжере. *«Он происходил из очень высокопоставленной семьи, давшей царской России министров, архиереев и губернаторов. Все они были известны, как люди с крайне правыми взглядами, близкими к идеям Победоносцева. Во время войны о нем говорили в Танжере, что он, будучи русским патриотом, желает победы СССР; но, в душе, сочувствует гитлеровским идеям, и хотел бы видеть подобный режим и в России. После окончания войны, еще при жизни Сталина, ему удалось получить советский паспорт, и он сделался чем-то вроде неофициального советского консула в Танжере».*²

Очевидно, что при всей общительности «новые» эмигранты могли завести знакомство не со всеми старожилами русской общины Танжера. Специфическая группа людей сложилась здесь в 1920–30-е гг. именно в силу интернационального характера этого города. Это были русские жены и мужья иностранцев: англичан, американцев и французов. С 1930 по 1939 годы, а потом после перерыва на дипломатическую работу мужа в других странах с 1952 г. до самой смерти в 1976 г., эту часть общины возглавляла Вероника Георгиевна Дулитл.³ До революции она жила с родителями, генералом от инфантерии Бергманом Георгием Эдуардовичем и Еленой Васильевной, в Тифлисе. Там же вышла замуж в марте 1921 года за вице-консула американского консульства, Хукера Дулиттла, впоследствии знаменитого на Востоке американского дипломата.⁴

¹ Скорее всего, речь идет об одном из представителей фамилии Остен-Сакен.

² Там же.

³ Даты жизни: 1897 г. – 1976 г., Танжер.

⁴ Хукер Дулитл (Hooker Doolittle) служил в Мадрасе, Марселе, Бильбао, Танжере (1930–39 гг.), Рабате, Александрии и Карачи. В Марокко с 30-х годов. После ухода с дипломатического поприща (1950 г.) жил с семьей в Танжере (с 1952 г.) // Списки общины в Танжере за 1930-е гг. и список прихожан Успенского храма в Касабланке в 1970 г.; Michel Péraldi. Entretien avec Elena Prentice. *La pensée de midi*. 1/2008 (N° 23). С. 40–48.

Полагаю, что лучше всего особенности этого сообщества иллюстрирует письмо, написанное прекрасным русским языком с дореформенной орфографией священнику в Касабланку.

4-го Календ. 1858. Tanger

Дорогой отец Григорий

Ваше письмо к моему маленькому брату и познакомил
 ко мне с некоторой частью, сам это, Касабланку,
 выходящее, переписанное у нас сироты 24-го и 25-го
 декабря в субботу и воскресенье по Ветхому
 усмотрению. Я долго колебалась об этом
 Ваше письмо, но пришла во внимание
 много обстоятельство, о которых я подробно
 сообщу далее во второй части, а покажу то
 родилось из этого дела. Какое маленькое
 русское Коллеж или семинария с иностранной
 частью, где и благодаря многим священникам
 бракам, не только обучают преподавание
 не только в Касабланке. Ветхому, напр. 2-го Календ.
 Исканко на англичан, 2-му Календ. Записки
 За англичаном, 2-му Календ. Записки
 За англичаном и еще другие русские Записки
 За французским, Календ. Касабланку Записки
 переписан праздники во время и едва ли
 смогут прийти во время. Подписанные
 подписаны на эти дни во время к брату,
 а маленьким так будут Записки
 предпринятые к Касабланке во время

Автограф письма Вероники Георгиевны Дулитл

«...От имени нашего маленького прихода я обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, если это, конечно, возможно, перенести у нас службы с 24-го и 25-го декабря в любую субботу или воскресенье по Вашему усмотрению... Наша маленькая русская колония очень связана с иностранной жизнью здесь и, благодаря многим смешанным бракам, очень трудно избежать празднования не нашего Рождества. Возьмем, напр. г-на Шатько, женатого на англичанке, г-жу Кан замужем за англичанином, г-жу Бауэр тоже замужем за англичанином и ещё двух русских замужем за французами, которые, конечно, захотят повести праздники в семье и едва ли смогут придти в церковь... Боюсь, что придут два или три человека, и все грустят, что придется пропустить эти службы, тем более, они бывают у нас так редко, приблизительно один раз в течение 4-х месяцев. Хотя я лично и пришла бы в церковь, но не смогла бы к моему огорчению угостить Вас, ни обедом, ни завтраком, отпуская на эти дни мою испанскую прислугу, не имея морального права лишать их празднования Рождества Христова...»¹

Другое письмо, отправленное Вероникой Дулитл 24 мая 1938 г.о. Варсонофию в Рабат, свидетельствует о том, что в довоенный период православные Танжера исправно платили взносы на содержание священника и церкви в Рабате.²

Завершить историю «первой» волны русской эмиграции в Танжере уместно словами внучки автора этих писем, Елены Кон Прентис: *«Как много тех, кто открывал для себя Танжер в прошлом или в настоящем: португальцев, французов, американцев, евреев, англичан, испанцев, немцев, русских, бельгийцев и, конечно,*

¹ Письмо В.Г. Дулитл о. Григорию (Баранникову) от 4.11.1959 г. Архив Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано.

² Письмо В.Г. Дулитл о. Варсонофию от 24.05.1938 г. Архив Воскресенского храма в Рабате. Фонд не описан.

марокканцев. Некоторые из них здесь родились, некоторые остались здесь по своему желанию, а других прибило сюда, как куски дерева после шторма».¹ То есть, Танжер оказался местом продолжительного и интенсивного мультикультурного взаимодействия, в котором в свое время приняли активное участие в том числе выходцы из России.

¹ Michel Péraldi. Entretien avec Elena Prentice // *La pensée de midi*. 1/2008 (N°23). С. 48.

Глава 3

ИНОСТРАННЫЙ ЛЕГИОН

Особым источником формирования русской общины в Марокко в первой половине XX века являлся Иностранный легион, причем в обоих его вариантах: французском и испанском. Но, прежде чем влиться в мирную жизнь среди соотечественников, хоть и на чужбине, тысячам и тысячам россиян пришлось пройти через сражения колониальных войн в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Многие не дожили до момента, когда можно было бы забыть о войне. Казалось бы, вся эта история уместилась в двух фразах епископа Митрофана (Зноско-Боровского). *«В 1920 г. после оставления Крыма около 15000 русских воинов, поступив в Иностранный Легион Франции, приняли в его рядах участие в замирении Марокко, оставив много русских могил на воинских кладбищах Марокко, в пустынях Сахары и горах Атласа. Некоторые легионеры, оставшись в Марокко после отслуженного срока, вошли в состав Православной Общины»*.¹

Тем не менее, мы не можем позволить себе ограничиться констатацией того, что часть беженцев из России, прежде чем войти в состав «православной общины», служила в этом воинском формировании. Историками до сих пор не решен вопрос о численности «русских воинов», прошедших через Французский и Испанский иностранные легионы.² Автор также не располагает необходимой для этого информацией и ставит перед собой

¹ Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 163.

² В предисловии к книге «Иностранный легион. 1831–1955» говорится о том, что в рядах этого формирования побывали около 10 тысяч россиян. // Брюнон Ж., Маню Ж. История элитных войск. Иностранный легион. 1831–1955. М. 2003. С. 9.

иные задачи: выяснить роль русских легионеров в межкультурном взаимодействии России и Марокко и в то же время понять их место среди мирных «русских марокканцев».

Воспоминания и письма россиян, в силу различных обстоятельств оказавшихся в Легионе, которые хранятся в российских архивах, опубликованы в обширном исследовании С. Балмасова, полностью посвященном истории русской службы в этой военном соединении.¹ Не меньший интерес представляет переписка Зиновия Пешкова, дослужившегося в Иностранном легионе до генерала, с его крестным отцом М.А. Горьким.² На страницах писем с театра военных действий, развернувшихся на территории Марокко в 1920–30-е гг., проходит галерея образов соотечественников, оказавшихся волею судеб на войне в Африке, подробно описываются не только фронтовые будни, но и быт, и нравы марокканцев – врагов и союзников. Сравнительный анализ этих документов наряду с информацией, которую мы с женой по крупицам извлекали из Официального бюллетеня администрации протектората Французской Республики в Марокко за 1918–1936 гг., учетных карточек захоронений на христианском кладбище и архива Успенского храма в Касабланке, дали возможность сделать нам определенные выводы.

Первая встреча русских и марокканцев в рамках легиона состоялась в годы Первой мировой войны. С началом войны тысячи эмигрантов из Российской империи решили вступить во французскую армию, чтобы в ее рядах сражаться за свою Родину. Французский иностранный легион вел боевые действия в составе Марокканской дивизии. Именно ввод в бой Легиона в сентябре 1914 г. решил исход исторической для Франции битвы на Марне. Тысячи солдат Марокканской дивизии, ара-

¹ Балмасов С. Иностраннный легион. М., 2004.

² Горький и его корреспонденты. М., 2005. С. 285–292.

бов и берберов, сражались и гибли бок о бок с русскими добровольцами.

Военный атташе русского посольства, граф А.А. Игнатьев, 6 июля 1915 г. отправил телеграфное донесение в Петроград по 2-му полку Французского иностранного легиона, где служил Зиновий Пешков: *«Как полковник, так и высшее начальство отзываются с высокой похвалой о храбрости наших волонтеров, которые без различия национальности доблестно сражались в последних упорных боях и потеряли более половины своего состава убитыми и ранеными»*.¹

Легион не раз спасал положение Франции, в том числе и в августе 1917 г. во время ожесточенных боев под Верденом, когда Французское командование ввело в бой свой последний резерв – Марокканскую дивизию с Иностранным легионом в ее составе. Кроме боевых задач, легионеры занимались и подготовкой «цветных» войск из африканцев и арабов, преимущественно марокканцев.²

После октябрьского переворота 1917 года и отказа нового правительства России продолжать войну, изменился статус десятков тысяч русских солдат и офицеров за рубежом. В ходе Первой мировой войны царское правительство направило союзникам на помощь два экспедиционных корпуса – один во Францию, другой – на Балканы, общей численностью 745 офицеров и 43547 солдат.³ Русские войска остались на французском обеспечении и в полной зависимости от французского командования. В начале ноября 1917 года личному составу русских экспедиционных корпусов было официально предложено поступить на службу во Француз-

¹ РГВИА. Ф. 39, Оп. 2, д. 62, л. 55.

² Эренбург И. Лик войны. М.-Л., 1928. С. 80.

³ Данилов Ю.Н. Русские отряды на Французском и Македонском фронтах. 1916–1918 гг. По материалам Архивов Франции и военного министерства. Париж, 1933. С. 44.

ский иностранный легион. При этом они были поставлены перед жестким выбором: запись в Легион или принудительные работы в Северной Африке. Массовые прошения об отправке в Россию были отклонены.

С помощью умелой агитации, с одной стороны, угроз и репрессий, с другой, военные власти Франции добились того, что в начале 1918 г. русские солдаты и офицеры стали записываться в Иностранный легион тысячами. В то же время русские офицеры, настроенные продолжать войну до победы, приняли решение создать Русский легион.¹ Генерал Лохвицкий призвал всех русских, кому дорога честь Родины и русского солдата, вступать в Русский легион чести, чтобы доказать, что русские не все являются предателями и что среди них найдется немало достойных людей. В мае 1918 г. Русский легион вместе с Иностранным легионом был брошен в бой в составе Марокканской дивизии. В нем служил и будущий Маршал СССР Родион Малиновский.²

Русские легионеры-новички соревновались в доблести с «ветеранами». В этот период они установили товарищеские отношения с неграми, аннамитами, арабами и бельгийцами – самыми ущемленными нациями Легиона. Такая дружба сильно помогала в боях.³ Очевидец так описывал отступление легионеров после одной из неудачных атак. Бегут к своим траншеям араб и русский. Французского языка они почти не знают и объясняются больше жестами: «Рус – капут. Араб – капут. Француз – тра-ля-ля».⁴

¹ РГВИА, Ф. 15234, Оп. 1, д. 84, л. 122.

² Чиняков М.К. Русские войска во Франции. 1916–1918 гг. М. 1997. С. 74.

³ Летнев А. Б. «Алжирская одиссея». Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте // Африка глазами современников и историков. М. 1998. С. 151.

⁴ Там же, С. 152.

В ходе первых же боев под Суассоном в мае 1918 года Русский легион выручил своей атакой окруженный батальон зуавов, которому грозило полное уничтожение.¹ По окончании мировой войны Русский легион приписали к Французскому иностранному легиону.

Начиная с 1919 г. Иностраннный легион начал вновь пополняться русскими солдатами и офицерами отступающих белых армий. Некоторые из них в этом же году уже воевали в Марокко, будучи обмануты бывшими союзниками, о чем свидетельствуют письма, адресованные представителю правительства Колчака во Франции В.Л. Бурцеву. *«...Поступили мы в Легион в марте месяце сего года в городе Одессе. Другого выхода не было, т.к. мы были захвачены в плен большевиками при отступлении из города Одессы Русской Добровольческой армии генерала Деникина, а на второй день бежали от них. После этого мы обратились к французскому командованию, войска которого тоже отступали из Одессы, где через переводчика нам было предложено поступить в ряды французской армии, якобы для борьбы с большевиками, а вместо этого мы были отправлены сначала в Африку, в город Сиди-Бель-Аббес, а после уже в Марокко, для борьбы с арабами... 23 августа 1919 г., Марокко. Адресовать прошу на имя Субочева-Залесского в 1-й иностранный полк, 1-й батальон, 1 рота, Гхорм-эль-Алем».*²

Обстоятельства, толкавшие военнотружущих Русской армии генерала Врангеля, эвакуированных в лагерь беженцев в Турции, вступать в ряды Иностранного легиона, методы вербовки, применяемые французской администрацией, подробно описаны в соответствующих работах.³ Судьбы русских в Легионе были также описа-

¹ Васильев В.А. Русский Легион Чести // *Часовой*. № 629. 1981. С. 24.

² ГА РФ. Ф.5802. Оп.1. Д.1419. Лл.1–3, 5,6, 8, 10, 14–26, 28, 29, 32–36, 38, 40, 41.

³ Балмасов С. Иностраннный легион. М., 2004.

ны в эмигрантской прессе, журналах и газетах 1922–1926 гг., таких, как «Своими путями», «Студенческие годы», «Последние новости», «Руль», «Казачьи думы». 2

Сведения о русских офицерах, солдатах и гражданских лицах в Легионе собирал А.А. Воеводин, первоначально попавший с Русской эскадрой в Тунис. Затем он переехал в Прагу, где занял пост секретаря Объединенных российских эмигрантских студенческих организаций. На основании писем русских легионеров он вместе с другими авторитетами русской эмиграции развернул кампанию, направленную на облегчение доли легионеров и освобождение из Легиона попавших туда русских студентов. Несмотря на широкую огласку легионных порядков и многочисленные ходатайства пред французскими властями, добиться поставленных целей ему и его единомышленникам не удалось.¹

Всем волей или поневоле записавшимся в Легион пришлось участвовать в боевых операциях по завоеванию территорий и покорению племен в долинах и на плоскогорьях, в горах и ущельях Марокко. Многим пришлось сложить здесь кости за чужие интересы, за процветание страны, которая никогда не могла стать их Родиной. А ведь большинство русских легионеров, в том числе и бывшие офицеры с чинами вплоть до полковника, служили рядовыми. *«Простым солдатам жидетсч чертовски скверно. Утром – строевые занятия. После обеда – работа по постройке всякого рода дорог, с лопатой, ломом и киркой. Вечером – идти в караулы. Чуть что проштрафилсч – получаешь хорошую взбучку по уху или по физиономии, несмотря на то, что во Французской Республике существуют “свобода, равенство и братство”, здесь, в колониальных войсках, мордобитие – “на полном ходу”».*²

¹ ГА РФ, Ф. 5837, Оп. 1, д. 149, л. 20–58.

² Письмо первое от Белокурова из Марокко в Прагу А.А. Воевдину 23 апреля 1923 года // ГА РФ. Ф. 6340. Оп.1. Д.8. Л. 1–46.

Несомненный интерес для нас представляют выдержки из писем русских легионеров, участвовавших в колониальном «освоении» Марокко, в которых отражаются их взаимоотношения с местным населением, описывается страна, где находится место и войне, и мирной жизни. Соглашаясь с А.М. Горьким, что колониальная война в Марокко является формой столкновения цивилизаций, конфликта европейского и афро-азиатского мировоззрений, я делаю попытку выявить имеющиеся здесь точки их взаимодействия и взаимопонимания.¹

Интереснейшая информация находится в эпистолярных источниках, в частности, в письмах сержанта пулеметного взвода 7-й роты 2-ого Иностранного полка Белокурова, которые, наряду с письмами других корреспондентов из Марокко и Алжира, легли в основу рассказов и псевдо-документальных репортажей, опубликованных в эмигрантской прессе. Например, описание первой встречи со страной, которую приходится осваивать «во славу Франции»: *«Почти каждую ночь арабы нападают на лагерь, и каждую ночь мои пулеметы обливают их свинцовым дождем. Днем прокладываем дороги, делаем тоннели. Находимся сейчас на самых вершинах Среднего Атласа, покрытых дремучим лесом, на пять тысяч четыреста футов над уровнем моря. Завоевали уже более шестидесяти километров. Жизнь безумно тяжела и опасна – в нашем батальоне за двадцать пять дней насчитывается около восьмидесяти убитых и около двухсот раненых. Зато местность – чертовски красива. Воздух – бесподобен, кругом – водопады... В лесу трещат соловьи... Мир так прекрасен! ...Так хочется жить, любить...»*.

Через два месяца: *«Кругом еще непокоренные племена диких арабов, которые очень серьезной опасности не представляют. Вооружены они плохо, почти совсем*

¹ Горький и его корреспонденты. М., 2005. С. 288.

*голые. Работают только ножом, нападая по ночам на часовых».*¹

На основании писем этого и других легионеров, в том числе Зиновия Пешкова, можно составить представление об отношении русских к местному населению. Так, марокканцы, которых русские вслед за французами всех без различия называют «арабами», воспринимаются ими как «дикари», если они воюют против центральной султанской власти, держащейся на французских штыках, и, напротив, как «цивилизованные арабы», если они проявляют покорность. Про последних Зиновий Пешков писал следующее.² *«Местные жители радуются, когда слышат этот звук (легионерского горна – Н.С.). Они чувствуют себя защищенными, они чувствуют уверенность в завтрашнем дне, они знают, что могут работать в мире и безопасности, что соберут то, что посеяли...».* Будучи апологетом Легиона, Пешков пишет в предисловии к своей книге «Звуки горна» о созидательной роли его солдат: *«В интервалах между боями, там, где едва намечались тропинки, они прокладывают дороги, которые открывают аборигенам их собственную страну. Всегда воины, но и, по очереди, санитары, землекопы, каменщики, плотники. Они – пионеры, работа и жертвы которых позволяют другим людям жить счастливо и мирно в этих отдаленных местах. Это под защитой сооруженных ими, неустанно бодрствующих постов цивилизуется Марокко».*³ Справедливости ради следует заметить, что плоды этой работы служат марокканцам и по сей день.

Важно отметить, что контакты с местным населением в колониях устанавливали именно русские ле-

¹ ГА РФ, Ф. 6340, Оп. 1, д. 8, лл. 1–46.

² Горький и его корреспонденты. М. 2005. С. 287.

³ Pechkoff Z. La légion étrangère au Maroc. Avant-propos. Paris. 1927. P. XIII–XV.

гионеры, о чем имеется много свидетельств. Приведем одно из них, написанное донским казаком Николаем Матиным.¹ *«Не так давно, всего два-три года до приезда в легион русских (1920 г.), взгляд на legionера был таков: после занятий трубач выходил и сигнализировал особым образом, извещая жителей, что legionеры идут «гулять», и все магазины закрывались. По приезде же русских отношение жителей резко изменилось к лучшему, и даже многие из нас стали бывать в частных семейных домах. Не знаю, с какой целью, но французы всячески старались воспрепятствовать нашему сближению с жителями».*

Исходя из имеющихся источников, можно сделать вывод, что не только Зиновий Пешков, но и другие русские legionеры оправдывали жестокую войну с марокканскими племенами своей цивилизаторской миссией. Об этом свидетельствует, в частности, письмо сержанта Короленко.² *«Эти дикари-арабы... В Марокко ведь не война, как это принято понимать, а походы для уничтожения разбойничьих гнезд, для которых еще нет цивилизации, и необходимо покорение племен, их представляющих. И дерутся арабы лишь потому, что мы являемся в место их жительства, дерутся по привычке воевать. Если их сопротивление объяснять более возвышенными побуждениями или посторонними влияниями, то такое объяснение может дать довольно интересную картину. Как тогда объяснить полнейшую безучастность соседнего к подвергнутому нами разгрому племени, которое сидит спокойно до того времени, пока не дойдет до него очередь? Или чем объяснить выступление на нашей стороне покорившегося только что племени, которое нередко дерется ожесточенно со своими же, арабами? Стремление к войне, возможность пограбить – и только».*

¹ Матин Н. Русские в Иностранном легионе // *Солдат удачи*. 2001, № 10.

² ГА РФ, Ф. 5837, Оп. 1, д. 149, лл. 9–11.

Его дополняет отрывок из письма сержанта Белокурова: *«Много убито русских... Арабы лезли стаями, как саранча, часто имея лишь одно “достойное” ружье на десятерых. Бой начался в 3 часа утра 11-го числа сего месяца и длился до утра 13 августа. Местность – отвесные скалы и ущелья Среднего Атласа, сплошь покрытые густым кустарником, метров под пять высотой, почти лесом. За два шага вперед – ничего не видно. Раз сорок бросались арабы “в ножи”, выскакивая стремительно из-за кустов, и всякий раз большая половина оставалась на месте, скошенная ружейным и пулеметным огнем или нашедшая свою судьбу на острие легионерского штыка. Я своими руками приколол около 60 человек. Но картина – все-таки жуткая. Почти совсем голые, с ножами в зубах, с диким воем, они бросались на нас... Между ними были их женщины и даже дети... Они лезли и падали в неравной борьбе».*¹

Подробно участие русских легионеров в самой кровопролитной военной кампании в Марокко – Рифской войне² – отражено в письмах легионера Компанийца,

¹ Там же.

² Рифская война (1921–1926 гг.) – колониальная война Испании и Франции (с 1925 г.) против «Республики Риф», созданной племенной верхушкой Северного Марокко. 19 сентября 1921 года двенадцать берберских племён объединились в Рифскую республику, государство с централизованной администрацией, которую возглавил Абд аль-Карим аль-Хаттаб в должности президента. Основное событие войны – битва при Анвале, в которой войска повстанцев нанесли испанцам тяжёлое поражение, в течение нескольких лет после этого удерживая военную инициативу. Успехи рифов в войне с Испанией были стимулом к восстанию для многих марокканских племён, в том числе во французской зоне протектората. Долгое время французы занимали выжидательную позицию. Однако рифы стали нападать и на французские укрепления, вторгаясь на территорию Французского Марокко. В ходе наступления рифов на Фес французы остановили их у города Уарга. После битвы при Уарге Франция получила основание для официального вступления в войну. Французская армия развернула массированное наступление с применением авиации, также использовалось химическое оружие – горчичный газ. Война завер-

опубликованных в журнале «Казачий путь».¹ «...Нужно отдать справедливость храбрости рифьян. Ничего подобного я не видел. Воюют они своеобразно. Никогда их не увидишь, тогда, как они все время бродят вокруг лагеря и горе тому, кто вздумает выйти за его окраину: он больше не вернется, и никто не пойдет его выручать. Воюют они группами по 5–10 человек, иногда и меньше. Французы ходят по горам в поисках этих шаек отрядами не меньше шестисот человек в каждом при пулеметах и горных пушках. Группа рифьян в 10–20 человек с винтовками способна задержать движение целого отряда в тысячу-полторы тысячи человек французов, если в этом отряде нет Легиона. Не буду хвастаться, но Легион – гроза марокканцев».²

В следующем документе содержатся описание и оценка русскими горцев, населяющих марокканский регион Риф. «...А вот тебе маленький портрет рифянина: сухощавый, мускулистый, неустойчивый ходок, выносливый в отношении пищи – с одной пышкой способен жить 2 дня; бурнус – вся его одежда; босиком, с винтовкой в руках, патронами в сумке, он может воевать один, так как знает, что ни один наш солдат не покинет лагеря. Он – великолепный стрелок, к тому же – чертовски храбрый, с храбростью фанатика, который ничего не видит, кроме намеченной цели. Рифяне храбры до того, что вдесятером, не задумываясь, атакуют батальон, что делают, конечно, ночью и только почти всегда без результатов, но беспорядок устраивают большой. Нередко, просыпаясь, узнаешь, что ночью в лагере были арабы (марокканцы Рифа –

шилась ликвидацией «Республики Риф» (19.09.1921–27.05.1926 г.) совместными усилиями испанских и французских войск.

¹ Казачий путь. 1925. № 76, с. 11–18; № 78, с. 15–18.

² Кстати, в одном из писем Белокурова отражено схожее мнение о Легионе: «Легионер для марокканцев – все равно, что «исчадие ада». См.: ГА РФ, Ф. 5837, Оп. 1, д. 149, л. 9–11.

Н.С.) и унесли несколько винтовок. Французские солдаты спят на посту, зажав винтовку между ног и привязав ее ремнем за кисть руки, что, однако, не мешает арабам воровать, отрезая ремни и вытаскивая винтовки. Чтобы пройти в лагерь, рифянин, подойдя шагов на сто, раздевается догола, оставляя только кинжал в зубах, и начинает ползти к стене. Увидев часового, он начинает бросать маленькие камешки, и, если часового не шевелится, он подползает сзади и перерезает ему горло. Сделав то, зачем пришел, он уходит, унеся 2–3 винтовки». Тут же приводится свидетельство о национальном составе французских войск и о причине их стойкости на этой войне. «Против рифян французы ставят Легионы, сенегальцев, алжирских и марокканских стрелков и спаисов (местную конницу – Н.С.). Французы в войне не участвуют, за исключением командирского состава. Весь этот сброд воюет не только потому, что его насильно посылают, а больше потому, что арабы в плен не берут. Сколько раз мы находили оставленные нами трупы, совершенно раздетыми и со вставленными в рот детородными органами. Этим последним занимаются арабские женщины, которые тоже участвуют в ночных атаках, и, мне кажется, что, воодушевляя мужчин, они еще фанатичнее их и проявляют большие зверства».

Эти и другие письма легионеров подтверждают важное для понимания дальнейшей истории русских в Марокко обстоятельство – они постоянно взаимодействовали с марокканцами в рамках своей воинской части, как в боях, так и в мирные периоды. В размышления Компанийца о колониальных методах французов вплетено и его специфическое понимание характерных черт марокканцев, по всей вероятности, вынесенное из длительного общения с ними. «...И они (французы – Н.С.) создали такую армию, при помощи которой они не рискуют потерять своих граждан и заставляют солдат этой

*армии жечь и грабить собственные дома. Свидетелем этого я был сам: мобилизованный марокканец, показывая на зажженную им саклю, сказал мне, что эта сакля принадлежит ему, и что его отец и братья с женами и детьми находятся в рядах повстанцев. Я не захотел расспрашивать, так как это – народ особенный. Если ты ему сделаешь что-нибудь хорошее, можешь быть уверен, что не отделаешься потом от его просьб, будет просить каждый день. От него же услуги не жди. С 5 июля по ноябрь потери убитыми и ранеными составили около 12000 человек, из которых около 1500 – французы. Остальные четыре пятых – тех же арабов, фанатиков одной и той же религии. Что же заставляет их идти против самих себя? Конечно, грубая сила. Араб подл душой, это правда, но вера, вера фанатика, ему дорога. Когда его вера затронута, он становится жестоким, мстительным и даже гордым. И французы это почувствуют...».*¹

О службе в едином строю с марокканцами свидетельствуют следующие строки из письма Белокурова: *«Когда в роте – 10 русских, 15 немцев, 10 французов, 5 итальянцев, 8 болгар, 12 арабов, пяток негров и так далее – дисциплину без кулака не поддержишь, а она – нужна».*

Изучая официальные публикации французской администрации в Марокко, можно составить представление не только о героизме русских легионеров, но и о том, что они даже в чужой армии (но в «своем» подразделении) соблюдали принцип «сам пропадай, а товарища выручай», совершенно не характерный для Легиона. В качестве примера приведем текст представления к награде легионера 2-го класса Петра Исаева. *«19 июня 1930 года на горе Аоги, во время внезапного нападения повстанцев, пришел на помощь отделению пулеметчиков. Спас одного раненого солдата армии Султана*

¹ Цит. по: Балмасов С. Иностраный легион. М., 2004.

(мхазни) и его оружие».¹ Мне удалось найти в Официальном бюллетене французского протектората за период с 1918 по 1936 гг. 44 описания подвигов русских солдат, сержантов и офицеров Иностранного легиона, среди которых упоминаются эпизоды спасения боевых товарищей, иногда ценой собственной жизни.

Во время мирных передышек русские также тесно взаимодействовали с местным населением, что, в частности, описывает Зиновий Пешков в одном из писем А.М. Горькому, отправленных из далекой марокканской глубинки. «...Крепость эта – большая, кроме легионеров, имеются марокканские кавалеристы – *tokhazni* – 50 человек.² Их жены, дети и стадо помещаются внутри крепости. Местность богатая... В полях работают крестьяне. В прошлом году вся местность была пустынна, сильные племена грабили слабых, уводили их скот, теперь под нашей защитой всё оживило и сердце радуется, смотря на зеленеющие поля и убранные сады...».³

Резюмируя ответы Зиновия Пешкова на вопрос Максима Горького об отношении окружающих его русских к «туземцам»,⁴ можно констатировать, что русские люди, служившие во Французском иностранном легионе, с уважением относились к марокканцам-противникам, по-товарищески – к марокканцам-сослуживцам, покровительственно – к мирному населению, осознавая при этом существенные различия в мировоззрениях.

Рифская война стала тяжелейшим испытанием для русских легионеров в Марокко. Сотни русских погибали остались на местах боев и в городах, где были расположены госпитали. Мне неоднократно доводилось бывать на христианских кладбищах в Рабате и Касаблан-

¹ Официальный бюллетень администрации протектората Французской Республики в Марокко – Bulletin Officiel № 974 от 26.06.1931 г.

² Mokhazni – собирательное слово для военнослужащих армии султана Марокко. От слова «махзен» – казна, обозначающего центральное правительство.

³ Горький и его корреспонденты. М., 2005. С. 303.

⁴ Там же. С. 305.

ке, бродить мимо длинных рядов простых однотипных крестов, на некоторых из которых написаны русские имена. Эхо этой войны звучало даже в СССР, и не только в статьях Михаила Фрунзе,¹ посвященных тактике антипартизанских боевых действий, но и в антиколониальном пафосе советской поэзии. Михаил Светлов написал в 1925 году стихотворение «Марокко»:

Тяжкий полуденный зной
Встал над восставшей страной;
Кровью песок обагрив,
Двигается раненый риф.

К вечеру солнце зайдет,
Двинутся рифы вперед,
Словно густые пласты
Спрятанной темноты.

Вышли проклятые сроки;
Жаждой свободы томим,
К освобожденью Марокко
Выведет Абд эль Керим.

Годы тяжелого груза
Выросли в каменный пласт.
Кто подчинится французам,
Волю испанцам продаст?

Горло до боли сжала
Вражеская ладонь.
Рифы не любят жалоб,
Рифы полюбят огонь.

Пальмы верхушки нагнули,
Кровью встревожен песок.
В ночь восьмого июля
Рифы назначили срок.

¹ Первое издание: Военный вестник. 1925 г. (под псевдонимом М. Мирский), см.: Шталь А.В. Малые войны 1920–1930-х годов. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003.

Пальмы верхушки нагнули,
Словно завидя самум.
В ночь восьмого июля
Рифы возьмут Уэдсмун.

Ночь никогда доселе
Черной такой не была.
В черную ночь под шрапнелью
Черные шли тела.

Прошлую ночь отступили,
Кровью песок обагрив.
В жаркий песок, как в могилу,
Лег не один риф.

Ночь. Выручай сегодня!
Видишь, навстречу тебе
Голову каждый поднял
И отдает борьбе.

Движемся новым походом.
Но, подчиняясь свинцу,
Черным полкам не отдал
Крепость свою француз.

И, обнажая раны,
Пушкам наперевес
Грозные аэропланы
Молча сошли с небес.

Пусть проиграли сражение -
Мертвые снова зовут.
Первые поражения
К новым победам ведут.

Скоро настанут сроки,
И разнесет призыв
В освобожденном Марокко
Освобожденный риф.¹

¹ Михаил Светлов. Собрание сочинений в 3-х т. М.: Художественная литература, 1974.

Победа французов в рифской кампании совпала по времени с окончанием срока службы массы русских легионеров. Многие подписали новые пятилетние контракты с Легионом, другие отправились в Америку и Европу, тем более что легионеры получали право на французское гражданство. Из письма Белокурова А.А. Воеводину. «... *Почти все «наши» научились говорить по-французски... Говоря короче – окончательно «применились к местности». Казаки – бывшие офицеры и студенты – теперь почти все капралы и сержанты. Многие, попав в сержанты, решили, что это – предел человеческих достижений, забыли, что они понадобятся будущей России. Они уже собираются, не окончив срока службы, подмахнуть новое заключение контракта еще на пять лет, тем более что сержанту, отважившемуся на такое дело, платят премию в размере двух тысяч франков единовременно*». Из письма легионера Компанийца: «*Сегодня день конца моей службы. Кончаю ее 5 января 1926 года, сегодня же и уезжаю во Францию. Из 18 человек, бывших юнкеров Атаманского военного училища, служивших вместе со мной, 5 человек подписали контракт еще на год, 6 – кончили службу и уехали 5 января 1926 года, а об остальных пока сведений не имею*».

Тех, кто хотел уехать во Францию, Министерство обороны обеспечивало средствами и переправляло без визы в Марсель. Во Франции на местах их устройством занималось уже министерство труда.¹ Тем не менее, гарантии достойного трудоустройства оно не давало, о чем свидетельствует ответ донского атамана Богаевского на письмо одного из легионеров, которому оставалось служить на тот момент ещё три месяца.²

¹ Информационный Листок от объединенного Совета Дона, Кубани и Терека. 1925, № 12. С. 14.

² ГА РФ, Ф. 6164, Оп. 1, д. 21, л. 104.

«Русскому офицеру, ныне капралу Саркиссову... Работу во Франции Вы, конечно, найдете, но только физическую. Можно работать на фабрике, заводе, в сельском хозяйстве и т.д. Интеллигентного труда найти почти невозможно. Есть немногие исключения. Но Вам знание французского поможет найти более лучшую, чем у других, физическую работу».

Житейские обстоятельства также не способствовали отъезду из страны, о чем рассказывается в очередном письме легионера: «...А если он молод и неравнодушен к женскому полу, то, явившись в гарнизон в Марокко или Алжире, в какой-нибудь маленький городок или деревеньку, – сейчас же будет опутан какой-нибудь ловкой испанкой или африканской француженкой и женится, да еще перейдя в католичество. А на сержантов охотятся, как индейцы за скальпами...».¹

Некоторые женились даже на марокканках, что было несвойственно для «гражданских» русских. Некто Степанов, например, после службы во Французском иностранном легионе именно так остался в Марокко, взяв себе жену из местных. В 1948 году в Марракеше его застали вполне «марокканцем», но сильно тоскующим по Родине, русские эмигранты второй волны.²

Исходя из потребностей администрации протектората в специалистах «интеллигентного труда» и не менее благосклонного, чем у маршала Лиотэ, отношения сменившего его генерала Петэна к русским, можно предположить, почему часть вышедших в отставку легионеров предпочитала остаться в Марокко.

Русские легионеры в течение своего срока службы не были изолированы от эмигрантской общины, которая начала разрастаться в Марокко, начиная с 1922 г. Об этом свидетельствуют факты их участия в религиозной и общественной жизни «русских марокканцев».

¹ ГА РФ, Ф. 6340, Оп. 1, д. 8, л. 1–46.

² Монтвилов В.М. Русский иностранец. СПб., 2011.

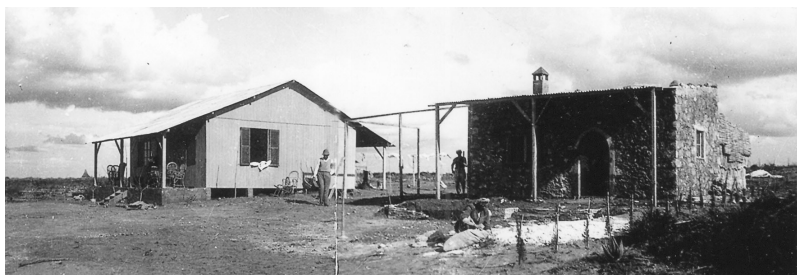
В день освящения храма воскресения Христова, состоявшееся в 1932 г. в Рабате, «...*Легионеры выпросили разрешение у начальства, и пришли на торжество со своей музыкальной командой*».¹ В то время, когда легионеры находились «в отпуску», они праздновали Пасху и Рождество вместе с прихожанами православных храмов в Рабате, Касабланке, Марракеше и Хурибге, а также участвовали в ежегодных «русских балах».² Очевидно, завязывались знакомства и полезные связи, которые впоследствии побудили их осесть в Марокко.

Нам удалось проследить судьбы нескольких легионеров, решивших не покидать эту страну по окончании службы. Вот, одна из них. Лев Яковлевич Лихачев был в России помещиком, стал им и в Марокко. Но для этого ему, предводителю дворянства Кашинского уезда Тверской губернии, пришлось пережить революцию, эмиграцию во Францию и службу в Иностранном легионе. Выйдя в отставку, он смог купить участок земли на полпути между Рабатом и Кенитрой, где построил дом, посадил апельсиновую рощу и завел хозяйство. В честь оставленного в России имения Устиново, новое – марокканское – было названо Устиновкой.

¹ Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия. Гл. 21, п. 6.

² Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 164, 201.

Марокканская Устиновка и ее обитатели

Впоследствии вокруг имения начнут приобретать земли другие русские эмигранты, и образуется целый поселок, основатель которого упокоился на христианском кладбище Рабата в 1950 г.¹

На другом христианском кладбище, в Касабланке, сохранилась могильная плита с надписью на французском

¹ Информация собрана из нескольких источников: интервью П.П. Шереметевой автору; список захоронений христианского кладбища в Рабате (Марокко); Портал творческого объединения Жар-птица. Летопись усадьбы Устиново. URL: <http://www.onitam.ru/places-catalogue/letopis-usadby-ustinovo-nekotorye-svedeniya-ob-usadbe-yurino>

языке: «От полковника и офицеров 2-го пехотного полка Французского Иностранного легиона». Это могила Георгия Александровича Соловьева, чье имя дважды встречается в наградных списках на страницах выпусков Официального бюллетеня за 1930 г.¹ В ходе рифской кампании и позже он был летчиком в 3-м авиационном полку, который обеспечивал боевые операции пехоты разведкой, доставкой воды и боеприпасов на посты, а также бомбардировкой позиций противника. Вот выдержки из Официального бюллетеня: *«Лейтенант 3-го авиационного полка, приданного 4-му пехотному полку с 8 по 19 июня 1929 года, участвовал в групповой бомбардировке и разведке, совершал вылеты перед оборонительными укреплениями Айт Якуб. 28–30 июля 1929 г. внес свой вклад в разгром вражеских соединений в районе Калаа-Мгуна (горы Дадес)»*.² *«В результате разведывательных полетов выяснил точные координаты противника для артиллерии. В период с 8 сентября по 7 ноября 1929 г. участвовал в подавлении восстания на землях племен Айт Суаб, Айт Али, Айт Абделла, Ида (Генедиф) в горах Анти-Атласа. В течение двух месяцев налетал 24 часа боевых вылетов»*.³ Так уроженец Варшавы не уехал из Марокко, а остался после военной службы в Касабланке, где и умер в возрасте 41 года.⁴

Нам известны и другие примеры. Два офицера царской армии, служившие вместе в 1916–1917 годах на германском фронте, Михаил Подгаецкий и Дмитрий Дорошевский, воевали в Добровольческой армии, оба были неоднократно ранены. После эвакуации из Одес-

¹ Георгий Александрович Соловьев (23.03.1898, Варшава – 07.08.1939, Касабланка). Кавалер Ордена Почетного Легиона, имеет также французские и марокканские награды: Croix de Guerre des T.O.E., Médaille Coloniale, Officier du Ouissam Alaouite. Лейтенант 3-го авиационного полка // Официальный бюллетень администрации протектората Французской Республики в Марокко № 898 от 10.01.1930 г. и № 918 от 30.05.1930 г.

² Там же, № 898 от 10.01.1930 г.

³ Там же, № 918 от 30.05.1930 г.

⁴ Учетные карточки захоронений кладбища БЕН М'СИК в Касабланке.

сы они попали в Константинополь, как в то время в переписке между собой именовали Стамбул все эмигранты из России. В эмиграционном лагере к русским офицерам подошёл вербовщик из французского Иностранного легиона и предложил такие условия: служите 5 лет и получаете французское гражданство. Молодые офицеры умели только воевать и согласились. Участвовали рядовыми в сирийской кампании. В 1922 году Михаилу Подгаецкому присвоили звание сержанта. Он стал фототопографом, командиром картографического подразделения: пригодилось юношеское увлечение фотографией. Затем его картографическую команду отправили в Марокко. В октябре 1925 года он получил французский паспорт, а в декабре демобилизовался. Несколько позже из Сирии к боевому товарищу приехал Дмитрий Дорошевский, который тоже получил французское гражданство, а вместе с ним – работу топографа в Марокко. Оба влились в русскую общину. На одном из «русских балов» друзья познакомились с сестрами Валентиной и Натальей Бутлер, приехавшими в 1930 и 1931 гг. к отцу по окончании Института благородных девиц в Ново-Бельцах (Югославия), и вскоре женились на них. Другой ветеран Легиона, имя которого часто упоминалось в письмах русских солдат и сержантов, В.И. Тихонравов, завершил военную службу во французском Иностранном Легионе в чине полковника. Из воспоминаний епископа Митрофана известно, что последние годы своей жизни он провел в Касабланке.¹

Не все бывшие легионеры окончили свою жизнь в Марокко в почете и достатке. Вспоминая об «одиноких стариках и старицах, находящих приют в кошмарных условиях марокканской богадельни или умираю-

¹ Информация собрана из источников: видеозапись воспоминаний Н.А. Кулаковой-Эль-Кинани; список захоронений христианского кладбища в Рабате (Марокко); историко-этнографический сайт: <http://zubova-poliana.narod.ru/old-photo1910-997.htm>; Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 183.

щих на улицах», епископ Митрофан имел в виду и бывшего legionера Павла Львовича Охрименко. Формальности и расходы, связанные с его смертью и погребением, взял на себя староста православной общины в Касабланке адмирал А.И. Русин.¹

Изучая процесс формирования российской общины «первой» волны в Марокко, прослеживая сплетения человеческих судеб в эмиграции, удалось собрать достаточно, на мой взгляд, данных, чтобы позволить себе некоторые статистические выкладки. Например, ранжировать страны, через которые эмигранты и беженцы из России перебрались в Марокко, в соответствии с численностью прибывших оттуда: Франция – 42%, Тунис – 25,9%, Югославия – 3,1%, Италия – 2,6%, Алжир и Болгария – по 1,6%, Китай и Бельгийское Конго – по 1,0%. Легион дал 3,6% членов российской общины, а 15,4% составили дети, родившиеся уже в Марокко. Остальные 2,5% равномерно поделены между Бельгией, Великобританией, Польшей и русскими женами западных дипломатов, которые прибыли со всего света.

Выше уже говорилось о том, что в потоке российских эмигрантов «первой» волны в Марокко можно выделить два основных этапа. Действительно, статистическая обработка данных подтверждает: в 1922 г. в страну прибыли 26% русских, а в первые годы мирового экономического кризиса (1929–1933 гг.) – 24%. Цифры также указывают на третий, не такой многочисленный, всплеск повторной эмиграции русских из Европы в Марокко перед Второй мировой войной: 12% от общей численности в 1938–1939 гг. Выше приведена цифра естественного прироста – 15,4% – это дети, остальные примерно 22% эмигрантов равномерно приезжали в другие годы.

¹ Павел Львович Охрименко де Корве (03.04.1899, Вильно – 29.09.1945, Касабланка). Апатрид // Учетные карточки захоронений кладбища БЕН М'СИК в Касабланке; Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 227.

Глава 4

«РУССКИЕ УГЛЫ» В МАРОККО: характеристики русской эмигрантской общины «первой волны»

Эмигранты из России прибывали в Марокко, особенно на начальном этапе формирования общины, туда, где администрация протектората приготовила для них рабочие места. Это обстоятельство в основном предопределило географию расселения россиян на территории Марокко, которую в наши дни можно, к сожалению, уже не в полной мере, проследить по захоронениям на христианских кладбищах, разбросанных по всей стране, а также по различным документам, сохранившимся в православных храмах Рабата и Касабланки.

Очевидно, что россияне селились там же, где основная масса европейцев, в городах, развитие которых стимулировала администрация французского протектората. Лидером по темпам роста населения и занимаемой площади была Касабланка. В межвоенный период она стала экономическим центром страны, который населяли самые многочисленные, по сравнению с другими городами Марокко, мусульманская, европейская и еврейская общины. В 1926 году численность жителей Касабланки достигла 100000 человек, а в 1936 году – 260000. Таким образом, она опередила две бывшие столицы шерифской империи, Фес и Марракеш. В середине 1920-х годов европейское население концентрировалось преимущественно в Касабланке (34000 человек), в административной столице Рабате (14000), в Ужде на границе с Алжиром (9000) и Мекнесе (5000), расположенном в центре сельскохозяйственного и винодельческого региона. Несмотря на то, что к концу 1920-х годов через порт Касабланки проходило до 80% морской торгов-

ли протектората, свои позиции смогли удержать порт Сафи – благодаря рыболовству и экспорту фосфатов, Кенитра (обеспечивавшая снабжение войск и переименованная в Порт-Лиотэ в 1921 году) и Танжер.¹ Во всех перечисленных городах остались следы русской эмиграции «первой» волны в виде храмов, захоронений, архивных документов в местных бюро ЗАГС.

Важным фактором, повлиявшим на мобильность членов российской общины и укрепление связей между ними внутри страны, стало создание к 1924 г. достаточно развитой дорожной сети, связавшей между собой основные города Марокко от Агадира и Марракеша на Юге через Касабланку, Кенитру, Мекнес, Фес, Тазу, Герсиф и Ужду вплоть до Алжира на Северо-востоке и до Танжера на Севере.

Имеющаяся в нашем распоряжении информация позволяет определить основные места расселения русских по стране. Первой в списке стоит Касабланка, в которой в рассматриваемый период зарегистрированы около 40% россиян. За ней следует городской конгломерат Рабат-Сале, где проживали 26%. Несмотря на то, что для строительства портов администрация протектората специально приглашала русских специалистов, в Танжере и Кенитре зафиксировано только 9 и 5,7% от общей численности общины соответственно. Русские жили и работали в ряде других городов Марокко, таких как Марракеш, Мекнес, Фес, Сафи, Агадир, Ужда, Хурибга, на каждый из которых приходилось от 1 до 3% «русских марокканцев». Примечательно, что несколько человек проживали в очень удаленных от побережья поселениях-оазисах Уарзазат и Уэд Зем, расположенных за цепью Атласских гор. В истории legionера Лихачева, оставшегося жить в Марокко, упоминалась «усадьба» Устиновка. Анализ архивных материалов показал, что почти 4% русских, преимущественно представите-

¹ Michel Abitbol. Histoire du Maroc. P. 440–441.

лей аристократии, компактно жили в загородных домах под Рабатом в двух поселках: Сиди Абдалла – «Устинов-ка» и Сиди Бу Кнедель – «Марьяна роща».

Официальные документы и воспоминания современников свидетельствуют о том, что в Хурибге – центре добычи фосфатов, основного экспортного сырья Марокко – жили и работали несколько сот русских инженеров и рабочих. Разработка фосфатов началась в 1922 году, и с этого времени там образовалась русская община и православный приход. В 1930 году была освящена церковь, которую описывает её второй настоятель, игумен Митрофан (Ярославцев).¹ *«Храм наш в Курибге вмещает до 160 человек, деревянный на каменном фундаменте; пол мозаичный, крыша железная; звонница с двумя колоколами и над нею большой голубой купол со звездами и восьмиконечным крестом. Внутри просторно, светло, чисто; прекрасно исполнена иконопись».*

В 1932 году, приехав для освящения Воскресенского храма в Рабате, митрополит Православной русской церкви в Европе Евлогий² посетил около десяти городов, в которых была наиболее многочисленная паства: *«Всюду наша эмиграция встречала меня с энтузиазмом и по-русски гостеприимно».*³ Вот его рассказ о Хурибге: *«Заводское управление дало нам помещение католической церкви (католикам построили большой костел), и русские устроили там маленькую церковь. Настоятелем я назначил о. Авраамия. Завод дал батюшке квартиру и положил 500 франков ежемесячного пособия, но, дабы эту выдачу провести по книгам,*

¹ Митрофан, игумен. Православный приход в г. Курибга (Марокко) // Журнал Московской Патриархии. 1948 г. № 4.

² Митрополит Евлогий (Георгиевский) с 1931 года был экзархом Западной Европы Константинопольского Патриархата (титул, не признававшийся РПЦЗ), а с 1934 по 1938 гг. находился в состоянии «примирения» с РПЦЗ.

³ Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия. С. 464, 465.

формально зачислил его служащим в заводской конторе... Завод настроил прекрасные больницы, школы... Одна школа для русских, другая – для арабчат». Потом была построена отдельная православная церковь из дерева на каменном фундаменте, которая простояла до середины 1980-х годов, а потом сгорела. Об этом мне рассказывали соотечественники, проживающие в Марокко в наши дни, и показывали её фотографии до пожара.

Церковь в Хурибге

Пока невозможно установить численность русской общины в Марокко на разных этапах её истории. Например, протоиерей Геннадий Героев, служивший настоятелем храма в Рабате с 1999 по 2003 г., пишет, что *«в 20–30-е годы только в Рабате проживало пять тысяч русских, а по всей стране их было более 30 тысяч»*.¹ Это утверждение, очевидно, не соответствует действи-

¹ Геннадий (Героев), игумен. Русский очаг в Марокко // *Церковный Вестник*. 2002, № 14–15 (243–244).

тельности, т. к. существенно расходится с французскими статистическими данными об общем числе иностранцев в этот период, приведенными выше.¹ В тоже время другой источник дает нам цифру в 1700 русских по всему Марокко, из них несколько сот – в Рабате.²

Журналист Константин Парчевский, посетивший эту страну в конце 1930-х гг., считал, что «в Марокко пробирались лишь случайные смельчаки, и осело их всего-то около пятисот человек».³ Полагаю, что и это также далеко от истины хотя бы потому, что на основе имеющихся документов удалось составить список из более 500 имен эмигрантов «первой» волны из России. Практически за каждым из них стоят два, три, пять родственников и друзей, имена которых пока нам неизвестны, но они жили в Марокко. Особенно наглядно это проявляется на старых фотографиях из архива П.П. Шереметевой, где из группы в семь-десять человек мы можем узнать по надписи на обороте имени одного или двоих, или вовсе не узнать никого.⁴ Впереди ещё много работы и, надеюсь, открытий, в деле изучения русского присутствия в Марокко. Остаются ещё не полностью обследованными христианские кладбища в Сале, городе, отделенном от Рабата рекой Бу Регрег, в Марракеше, одно из кладбищ Касабланки. Своего часа ждут картотеки бюро ЗАГС времен протектората в разных городах страны.

К сожалению, мы, я имею в виду себя и других исследователей российской эмиграции в Марокко, не располагаем личными документами (записками, дневника-

¹ Например, в Рабате в 1926 г. было всего 14000 иностранцев, и 5000 из них не могли быть русскими.

² Митрофан, игумен. Православный приход в г. Курига (Марокко). Журнал Московской Патриархии. 1948 г., № 4.

³ Парчевский К.К. У рабатского самовара.

⁴ Например, надпись: «Валентина Львовна и дети» на фотографии из архива П.П. Шереметевой, где изображены четыре человека. Фонд не описан. Не опубликовано.

ми, фотографиями и т. п.), принадлежавшими «простым людям», т. е. не дворянам, не аристократам, которые могли бы раскрыть перед нами их повседневную жизнь, ответить на интересующие нас вопросы по истории «первой» волны. Семейные хроники, реликвии, документы и воспоминания оставили после себя преимущественно представители «высших», более образованных, принадлежавших к иной культурной традиции классов бывшей Российской империи. О жизни «рядовых» эмигрантов мы узнаем из приходских списков, архивов протектората и можем судить по упоминаниям в мемуарах дворян.¹ Напомним, что примерно половина из 6 тысяч людей, прибывших на Русской эскадре в Бизерту, состояла из крестьян, рабочих и казаков. Другая часть этого контингента была представлена офицерами флота, членами их семей, а также «лицами интеллигентных профессий».² И те, и другие в равной степени заложили основу русской общины в Марокко. В то же время судьбы «обыкновенных» русских эмигрантов: солдат, крестьян, казаков, имена большинства из которых нам не известны, не менее важны для истории гуманитарных связей между двумя странами, чем судьбы потомков знатных фамилий. И те, и другие имели разнообразные потенциальные возможности для профессиональной и социальной адаптации к жизни в Марокко, интеграции в местное европейское сообщество, которое, как уже упоминалось выше, начало формироваться незадолго до массового появления россиян в этой стране.

Несмотря на то, что мы не можем рассматривать имеющуюся в нашем распоряжении информацию как

¹ Например, по эпизодам серии «История русских в Марокко», начатой П.П. Шереметевой, репортажам К.К. Парчевского, журналиста, в 1920–1940 гг. публиковавшего очерки о жизни эмигрантов в парижских газетах, выходивших на русском языке.

² Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920–1939 гг.). М., 2000. С. 43.

полную и достаточную, можно попытаться составить представление о половозрастном, социальном и профессиональном составе русской общины «первой» волны в Марокко на основании персональных данных, извлеченных за прошедшие восемь лет из архивных документов, писем и мемуаров эмигрантов, а также работ других исследователей, и подвергнутых статистической обработке.

Более половины персонально известных нам россиян, проживавших в Марокко к 1940 году, были мужского пола (57,5%). Большинство из них, кроме, естественно, детей, были женаты. Среди женщин также большинство были замужем, за исключением вдов преклонного возраста. Это обстоятельство свидетельствует о том, что семья была одной из главных опор в деле психологического и материального выживания на чужбине.

Ввиду того, что беженцы из России попадали в Марокко в разные годы, предпочтительнее, на наш взгляд, фиксировать возрастное соотношение внутри общины, исходя из дат рождения тех, кто находился на территории Марокко к 1940 году. Обработанные данные позволяют констатировать, что больше половины «русских марокканцев» родились в течение последних десятилетий XIX – первом десятилетии XX вв. (в 1881–1890 гг. – 18,5%, в 1891–1900 гг. – 23% и в 1901–1910 гг. – 18%). Таким образом, к 1940 году им было от 30 до 60 лет. Иными словами, в период своей адаптации и последующей трудовой деятельности (1922–1935 гг.) они находились в самом продуктивном возрасте. Немногие были старше (7% родились в 1850–1870 гг.) и младше (5% родились в 1911–1920 гг.) основной массы эмигрантов из России.

Информация о происхождении тех людей, которые оставили о себе какие-либо следы в документах своего времени, иллюстрирует особенности социально-культурной среды, на которые отчасти уже указывалось выше. Имеются сведения о пребывании в Марокко трех

русских князей и четырех княгинь, 18 графов и 16 графинь, трех баронов и двух баронесс, а также 140 нетитулованных дворян, составивших 48% россиян, чьи персональные данные были обработаны в ходе исследования. При этом мы располагаем фактами о мирной жизни в Марокко всего семи (!) казаков. У части из тысяч казаков, служивших в Иностранном легионе, была объективная возможность остаться в стране после окончания контракта, но в имеющихся в нашем распоряжении архивных документах и мемуарах они не фигурируют. Сведения о судьбе кубанского казака Ивана Гавриловича Уса, например, сохранились до наших дней потому, что он женился в 1926 году на дочери морского инженера из Кронштадта, дворянина Сергея Андреевича Заушкевича. Иван Ус был ограблен в Стамбуле и, оставшись без документов и денег, записался в Иностранный легион. Отвоевав свое по контракту, он устроился работать на добычу фосфатов в Хурибгу, куда французская администрация целенаправленно вербовала русских офицеров с техническим образованием, прибывших в составе Русской эскадры в Бизерту. В 1940 году он умер от рака, и, если бы тесть и теща Заушкевичи не привили его жене и двум сыновьям традицию собирать и хранить семейные бумаги и фотографии, мы, наверное, никогда не узнали бы о его существовании.¹

¹ Архив семьи Ус – Соколовых. Фонд не описан, не опубликовано.

* * *

«Выходцы из России повсюду, в том числе и в Марокко, проявили себя как высококлассные специалисты: геологи, строители, агрономы, врачи, военные»¹

Интерес для понимания процесса адаптации на новом месте и интеграции русских в колониальное европейское сообщество представляет сопоставление исходного образования и профессиональных навыков (в каких-то случаях они отсутствовали) у той части эмигрантов, чьи данные доступны исследователю, с видами деятельности, которыми им пришлось заниматься в Марокко.

Два агронома, приехав в страну, стали работать по специальности. Из семи архитекторов шестеро продолжили выбранную ещё в России стезю. Библиотекари (4 человека) и бухгалтеры (2 человека) оказались востребованы, и на новом месте им не пришлось менять род своей деятельности. Врачи, геологи, обладатели всего спектра инженерных специальностей, в том числе военных, остались в профессии. Геологи и строители, инженеры и топографы, как наиболее многочисленная категория служащих французской администрации русского происхождения, упоминаются в различных воспоминаниях о периоде становления русской общины в Марокко. *«Русские здесь служат преимущественно землемерами на отвоеванных у арабов землях. Условия работы трудные. Живут в палатках под угрозой налетов арабских племен, под страхом быть растерзанными шакалами или погибнуть от укуса змей, скорпионов...»²*

Несмотря на это утверждение современника, данные, собранные автором, указывают на преобладание именно инженеров. Их доля составила 17% из массива обработанных данных. Доля топографов («землемеров»)

¹ Геннадий Героев, протоиерей // *Церковный Вестник*. № 14–15 (243–244). Речь идет об эпизоде из репортажа К.К. Парчевского.

² Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия. Гл. 21, п. 6.

соотносится с количеством русских врачей, практиковавших в Марокко, – по 5%.

Среди видов деятельности, которыми занимались россияне до изгнания, встречаются такие, казалось бы, «непригодные» для Северной Африки, как камеристка,¹ театральный декоратор,² оперная певица, художник.³ Оказались в Марокко три бывших депутата государственной Думы и один сенатор.⁴ Эти и подобные им люди нашли себе в системе французского протектората достойные занятия. Например, дочь морского офицера, Надежду Михайловну Копьеву, жившую в Касабланке, а затем в Рабате, русские эмигрантские газеты отмечали *«как прекрасную певицу, обладающую бархатным, силь-*

¹ Екатерина Антоновна Пилинская (27.07.1877 г., Санкт-Петербург – 17.03.1962 г., Касабланка). Сирота. Окончила пансион в Санкт-Петербурге. Служила первой камеристкой у Екатерины Андреевны Шуваловой. Эмигрировала вместе с ее семьей. После смерти Е.А. Шуваловой в 1930 г. перешла в семью Балашовых няней их новорожденной дочери Елены. Вместе с ними в 1931 году переехала в Марокко. Жила в Танжере. Современники отмечали её аристократизм, интеллигентность, а также присущую ей манеру элегантно одеваться и держаться с подчеркнутым достоинством. // Учетные карточки захоронений кладбища БЕН М'СИК в Касабланке; Pauline de Mazières (Prascovia Chéréméteff). Histoires de Russes au Maroc. Fragment II. Tangier. Edition Khbar Bladna. 2010. С. 30.

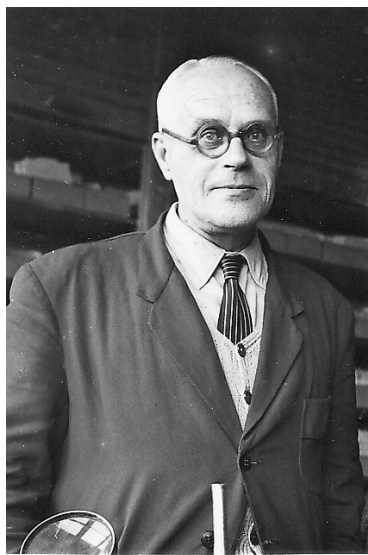
² Лев Александрович Шульц (18.11.1897 г., Нахичевань-на-Дону (ныне район Ростова-на-Дону) – 25.12.1970 г., Париж) происходил из обрусевшего датского рода. Сын статского советника А.И. Шульца, родной брат советского скульптора Гавриила Шульца (1904–1984 гг.). С конца 1938 г. до 1952 г. жил в Алжире и Марокко. Участвовал в местных художественных выставках и много времени уделял публицистике. URL: <http://www.artz.ru/authors/1804822439/1804787602.html>; http://www.rostov50.ru/1950_shulc_bio1.html

³ Бернацкая-Савич О.М., Вешке М.П., Завадовский Ю.Н., Павиль Л.А., Шкотт Д.К. // Российская диаспора в Африке в 20–50-е годы. С. 64; Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 165; URL: www.artz.ru/authors/1804822439/1804785642.html.

⁴ Владимир Евстафиевич Корсак (1861 г. – 01.03.1933 г., г. Сафи). С 1915 по 1917 гг. – сенатор уголовно-кассационного департамента Сената // Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 гг. Т. 3. М. 2001.

*ным меццо-сопрано, с большим неизменным успехом выступающую на русских и французских балах и вечерах».*¹

Администрации французского протектората в Марокко требовались для освоения и развития страны специалисты разного профиля – от опытных администраторов до квалифицированных рабочих. Многим эмигрантам пришлось поменять род своей деятельности, чтобы соответствовать запросам местного рынка труда. В первую очередь это касалось бывших военных. Некоторым из них, тем не менее, удавалось получить работу по своему профилю. Например, грузинский князь Дмитрий Георгиевич Амилахвари, будущий герой Франции, чьим именем в 2006 г. назвали одну из улиц Парижа, с 1930 по 1940 г. жил с семьей в Марокко, возглавляя военное училище в Агадире.² Другой офицер, галлиполиец Николай Михайлович Экк, в 1930-х гг. служил начальником отделения французской разведки в Уарзазате.³ Ещё один, Арсений Николаевич Приселков, занимал должность инспектора полиции в Рабате.⁴

Арсений Николаевич Приселков

му профилю. Например, грузинский князь Дмитрий Георгиевич Амилахвари, будущий герой Франции, чьим именем в 2006 г. назвали одну из улиц Парижа, с 1930 по 1940 г. жил с семьей в Марокко, возглавляя военное училище в Агадире.² Другой офицер, галлиполиец Николай Михайлович Экк, в 1930-х гг. служил начальником отделения французской разведки в Уарзазате.³ Ещё один, Арсений Николаевич Приселков, занимал должность инспектора полиции в Рабате.⁴

¹ В.Б. Марокко. Русские спектакли. Русская Мысль. 1952, № 471. С. 6.

² Беляков В.В. Эль-Аламейн, или Русские солдаты в Северной Африке (1940–1945): Неизвестные страницы войны. Русский путь. М. 2010. С. 68–70.

³ Архив Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано; Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М. Русский путь. 2002. С. 550; Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 188.

⁴ Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 188; фотоархив П.П. Шереметевой. Фонд не описан. Не опубликовано.

Несколько человек продолжили службу во французской армии (не в Иностранном легионе). Тот же К. Парчевский описывает, как он встретил на улице Рабата подразделение солдат султанской гвардии, маршировавшее под русскую строевую песню. Оказалось, что командовал ими бывший царский кадровый офицер.¹ Большинство же применяли не только свои технические знания, но и общее образование, и организаторские навыки в мирном строительстве.

Талантливый журналист, чьи репортажи уже цитировались на страницах этой книги, несколькими штрихами описал полный спектр занятости и пути интеграции «русских марокканцев». *«Сооружение дорог, телефонов, различных зданий требовало не только квалифицированных специалистов, но и просто толковых и дельных работников. Приезжавшие, часто без связей, сразу находили работу, быстро становясь на ноги. Отбывшие контракт в Иностранном легионе пользовались особыми привилегиями. Многие принимали французское гражданство, и тогда служебный вопрос еще более облегчался. Знающие иностранные языки, в особенности английский, устраивались на службу в крупные американские предприятия по продаже автомобилей, бензина или сельскохозяйственных инструментов и материалов, в конторы и отделения банков. Появившиеся позже... поступали десятниками и чертежниками в Куригу на разработку фосфатов».*²

Не ограничиваясь обобщением, сделанным современником процессов, которые мы пытаемся здесь анализировать, но в полном соответствии с ним, приведем конкретные примеры, иллюстрирующие пути интеграции россиян в принимающее общество через профессиональную деятельность.

¹ Парчевский К.К. У рабатского самовара.

² Там же.

Во многом показательна судьба донского казака, ставшего известным в русском зарубежье, а затем и в современной России, благодаря своему поэтическому таланту. В Марокко он зарабатывал на жизнь, как и многие его соотечественники, на инженерном поприще. Кстати сказать, инженерные должности, которые занимали русские в этой стране, были весьма разнообразны: инженер на заводе, инженер путей сообщения, инженер-строитель железной дороги, просто инженер-строитель, инженер по строительству морского порта, инженер-гидрограф, инженер-химик, инженер-геолог и тому подобные. Николай Васильевич Альникин родился в станице Цимлянская в 1898 году, а закончил свой жизненный путь в Ницце в 1987 году. После окончания реального училища в 1917 году он поступил на горное отделение Новочеркасского Политехнического института, но вскоре принял участие в борьбе за Дон на стороне «белых». В 1920 году Альникин был эвакуирован с частью в Турцию, а затем жил в Болгарии, где стал публиковать свои стихи в газетах «Казачье слово» и «Казачьи думы», выходивших в Софии. В 1922 году он переехал во Францию. Работая здесь чернорабочим на сахарном заводе, Альникин окончил факультет естественных наук Парижского университета (Сорбонны) и Институт прикладной геологии при университете в г. Нанси в 1926 г. Одновременно он печатался под псевдонимом Борис Незлобин в газете донских казаков «Сполох», в пражских и парижских студенческих изданиях.¹ В 1929 году мировой экономический кризис заставил его искать работу в Марокко, где он в итоге получил хорошую должность – главного инженера-эксперта в Обществе французской рудничной и металлургической промышленности. Годы спустя, когда Марокко обрело независимость, поэт вернулся во Францию, но, занятый про-

¹ Некоторые стихотворения Н.В. Альникина приведены в Приложениях к данной книге.

фессиональной деятельностью и уходом за неизлечимо больной женой оставил поэзию, «задержав на полдороге развитие своего блестящего поэтического дарования».¹ В начале 1960-х годов он издал в Париже два сборника стихотворений, написанных в молодости: «Рифмованные кончики» (1960) и «Сполох» (1961).² Кроме всего прочего, история этого человека интересна для нас тем, что иллюстрирует сразу несколько моментов, которым посвящена эта книга: эмиграционные пути из России в Марокко, причины переезда из Европы в Африку и на другие континенты, а также способы адаптации наших соотечественников-эмигрантов, в том числе повторной, в условиях той эпохи.

Можно предположить, что те россияне, кто не имел какой-либо профессии – а это относится и к представителям аристократии – получали, тем не менее, определенные места в администрации французского протектората или начинали собственное дело. В архивных документах и мемуарах редко, но встречаются упоминания таких видов деятельности русских как секретарь кооператива, служащий, техник, механик.³

«Знающие иностранные языки, в особенности английский, устраивались на службу...» даже в консульство США, как, например, Ирина Георгиевна Бергман.⁴

¹ Казачий словарь-справочник. Составитель словаря Г.В. Губарев, редактор-издатель А.И. Скрылов. Сан Ансельмо, Калифорния, США. 1966–1970.

² Там же; Интернет-сайт Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой»: www.dommuseum.ru; Луконин Ю.В. Марокканские будни изгнанников // Российская диаспора в Африке 20–50-е годы. С. 66.

³ Архивы Воскресенского храма в Рабате и Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано.

⁴ Бергман (в некоторых документах – Берхман) Ирина Георгиевна (01.03.1902 г., Владикавказ – 2001 г.,?). Родители – генерал Бергман Георгий Эдуардович и Елена Васильевна, урожденная Потто. Окончила гимназию в Тифлисе. В Марокко проживала в 1936–1976 гг. Уехала из Марокко после смерти старшей сестры Вероники Дулитл. Работала в аме-

Проблема трудоустройства эмигрантов из России была одной из самых основных во всех странах рассеяния. Сравнение ситуации на рынке труда в Марокко, Тунисе и Египте подтверждает справедливость приведенного выше высказывания. Например, в Египте после ликвидации лагерей беженцев британской администрацией в 1922 г. оставшиеся в стране трудоспособные эмигранты смогли найти себе применение на должностях *«трамвайных служащих..., канцелярских служащих..., по техническим специальностям (техники, инженеры, механики, монтеры, шоферы) ...»*.¹ Остальные добывали свой хлеб насущный, работая сигаретчиками, рабочими на разных фабриках, мастерами на предприятиях, а женщины – нянями, портнихами, модистками...² Ситуацию резюмировал эмигрантский журнал: *«В общем, как правило, надо считать, что все эти занятия низкого рода, и редко кто получает лучшие оплачиваемые и более почетные должности, как, например, преподаватели или просто надзиратели в лицеях, техники, инженеры, чиновники какого-либо учреждения и т. п.»*.³

В Тунисе также было практически невозможно найти квалифицированную хорошо оплачиваемую работу. В первые годы пребывания в этой стране русские врачи, например, не имели права свободной практики. Только к концу 1920-х гг. они получили разрешение французских властей на ведение частной деятельности и смогли открыть свои кабинеты, быстро обзаведясь постоян-

рианском консульстве в Касабланке секретарем. Оказывала помощь войскам союзников. Действительный член правления ассоциации «Община и православная русская церковь в Марокко». См.: Архив ассоциации «Община и православная русская церковь в Марокко». Фонд не описан. Не опубликовано; Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 173.

¹ Журнал «На чужбине». январь 1922 г. Цит. по: Горячкин Г.В. Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте. М., 2012. С. 131.

² Горячкин Г.В. Русская Александрия. С. 132.

³ Там же.

ной клиентурой. Большинство эмигрантов устраивались на тяжелую физическую работу. Моряки Русской эскадры, в том числе офицеры, в большинстве случаев направлялись администрацией французского протектората на «общественные работы» топографами, плотниками, механиками, электриками, чертежниками, водителями грузовиков, смотрителями на строительстве дорог и зданий, часто в отдаленных районах Туниса.¹ *«Инженеры работали на предприятиях по умеренным тарифам техников, которых не поставляла Франция. Около 2000 человек временно работали на фермах в качестве наемных рабочих».*² Такая сезонная работа не обеспечивала даже заработка, достаточного для содержания семьи. Несмотря на то, что в 1930-х гг. труд россиян в Тунисе стал цениться выше, и большая их часть смогла получить хорошо оплачиваемую работу, требовавшую определенной квалификации, они продолжали покидать страну, *«...от 7000 тысяч приехавших остались не более тысячи, так как остальные все распылились»*, переезжая во Францию, Сербию, Бразилию, Марокко.³

Разницу в положении соотечественников в Тунисе и Марокко уже к 1940-м годам можно проследить в докладе И.М. Шадрина «Русская колония в Северной Африке». В Тунисе, по его словам, *«бедных почти нет, так как разошлись работать по фермам».*⁴ В Марокко он увидел несколько другую картину. *«В 1943 году мне пришлось побывать в Марокко, в Касабланке ..., где я встретился с русскими, которые уехали из Туниса ещё в 1922-м. Эти лица за это время позанимали хорошие должности: заведующий портами побережья Марокко, начальник топографического отдела в Т.П.,*

¹ Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Русская эмиграция... С. 56, 58.

² Русская колония в Тунисе 1920–2000. С. 131.

³ Там же, с. 135.

⁴ Там же, с. 131.

⁵ Т.П. – *Travaux Publiques* – «общественные», т.е. государственные работы.

*инженер-механик на заводе, эксперт-бухгалтер в компании Шелл, инженер электромеханик в Р.Т.Т. (центральный почтамт). Кроме того, многие имеют свои предприятия, и даже собственники имущества».*¹

Приведенный список «хороших должностей», которые заняли эмигранты из России в Марокко, можно дополнить сведениями, почерпнутыми из архивов православных храмов Рабата и Касабланки, из воспоминаний современников и даже из старых адресных книг Касабланки.

Борис Маслов, архитектор, выпускник Санкт-Петербургской академии искусств, эмигрировал в Марокко через Иран (1919) и Францию (1924). В 1928 году французская администрация назначила его инспектором региона Фес по делам искусств и исторических архитектурных памятников. С 1935 году он — инспектор городского строительства Центрального региона Марокко, бюро которого располагалось в Рабате. С 1944 года и до своей смерти в 1962 году наш соотечественник занимал пост инспектора исторических памятников в Марракеше. Ему принадлежит уникальная работа, на которую до сих пор ссылаются специалисты, «Мечети Феса и Севера Марокко», опубликованная в 1937 году.²

Могила Бориса Маслова (1893–1962) в Марракеше

Альфред де Ладыженский был собственником и управляющим страхового агентства “A. de

¹ Русская колония в Тунисе, 1920–2000. С. 133.

² Les Mosquées de Fez et du Nord du Maroc. Paris, 1937.

Ladijinsky”.¹ Леонид Иванович Полев руководил офтальмологическим отделением госпиталя в г. Сале.² Георгий Михайлович Журавский работал старшим геологом Управления Горного департамента Марокко.³ Антон Казимирович Карпинский занимал должность директора химического завода в Сиди-Маруф около Касабланки.⁴ Б.Г. Малков был заместителем директора Департамента финансов⁵ в администрации Генерального резидента правительства Французской республики в Марокко.⁶ Евгений Александрович Бреннер с 1934 года и до своего возвращения в Париж в 1953 году возглавлял ряд коммерческих фирм в Рабате.⁷

Можно предположить, что о таких людях написал в свое время русский журналист, приехавший из Фран-

¹ Альфред де Ладыженский (1899 г., Россия – 1975 г., Касабланка, Марокко). См.: Телефонно-адресные справочники Касабланки за 1951, 1953, 1960 гг.; Учетные карточки захоронений кладбища БЕН М’СИК в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано.

² Леонид Иванович Полев (1886, Дьячево – ?). См.: Архив Воскресенского храма в Рабате. Фонд не описан. Не опубликовано.

³ Георгий Михайлович Журавский (? – 15.01.1964 г., Рабат, Марокко). Геолог, почвовед. См.: Архив Воскресенского храма в Рабате. Фонд не описан. Не опубликовано.

⁴ Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 208, 209, 226.

⁵ Там же. С. 166, 167, 189.

⁶ В соответствии со ст. 5 Фесского договора об установлении французского протектората в Марокко генеральный резидент обладал всей полнотой исполнительной власти в Шерифской империи Марокко и определял её внутреннюю политику. См.: Bernard Lugan. Histoire du Maroc. Des origins a nos jours. Paris, 2011. P. 246.

⁷ Евгений Александрович Бреннер (04.03.1895, Москва – 28.01.1954, Париж). Работал в Москве в издательстве. В 1917 г. эмигрировал в Берлин, работал библиотекарем и издателем. В 1926 г. переехал во Францию, жил в Париже. Член правления «Товарищества Н.П. Карбасникова» (вышел из состава в 1929 г.). Владелец книжного магазина и издательства «Москва» в Париже (9, rue Duquoytren, 6-e) (1920-е – начало 1930-х гг.). Держал оптовый склад. В 1934 г. уехал в Рабат, где работал директором различных компаний. Вернулся в 1953 г. в Париж. См.: Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Биографический словарь.

ции, чтобы узнать, как и чем живут соотечественники в Африке. *«Наиболее преуспевающие стали получать в городе или окрестностях землю, возводя на ней домики и развивая хозяйство. В нескольких километрах от Рабата появилось русское имение, названное в память принадлежавшего в России – «Устиновка», или, как зовут его в Рабате, – «дворянские выселки». На двух автомобилях сюда съезжаются родственники и друзья. Хозяева по-русски гостеприимны. За обеденный стол, как в добрые старые времена, садится по пятнадцать человек, и целый день не сходит со стола громадный самовар».*¹ Здесь же, за самоваром, продолжалась дворянская традиция любительского литературного творчества, образчики которого приводятся в Приложениях к этой книге.

«Устиновка» уже упоминалась на страницах этой книги как пример успешной интеграции бывшего легионера в Марокко. Известны и другие «русские» имения, также расположенные вокруг Рабата, например, «Марьяна роща» в Сиди Бу Кнедель или Сиди Бетташ, где

Население марокканской Устиновки

¹ Парчевский К.К. У рабатского самовара. С. 63–66.

осел Игорь Константинович Алексеев, сын К.С. Станиславского, вместе со своей многочисленной семьей, преимущественно из «клана» Толстых (он был женат на дочери Михаила Львовича Толстого). В этом местечке, расположенном между Рабатом и Касабланкой, он приобрел участок земли, на котором пытался завести фермерское хозяйство. Однако Игорь Константинович сам не был силен в сельском хозяйстве, а управляющим у него работал бывший гвардейский офицер А.В. Глебов, брат жены М.Л. Толстого, очевидно, имевший не больше склонности к ведению дел на ферме, чем её владелец, и к 1942 г. усадьбу пришлось продать.

Тем не менее, около десятилетия семьи Алексеевых, Глебовых и Толстых, Лихачевых и Дезобри, наезжавших к ним в гости Шереметевых, Балашевых, Шидловских и других, старались создать на чужбине «малую» Россию со своим образом жизни и устоями, другими словами, сохранить для себя образ «России вне России», воспроизводя бытовые особенности, присущие утраченной родине.¹

Здесь расцветала интеллектуальная жизнь, проводились литературные вечера и выставки, жители уса-

Обитатели Сиди Бетташ

¹ Pauline de Mazières, Histoire de Russes au Maroc. Fr. II. Les Niani. P. 11, 12.

деб писали акварелью, вышивали, сочиняли стихи и музыку, детские сказки, ставили любительские спектакли. Об этом рассказывается, в частности, в книге, написанной внуком Льва Толстого Сергеем Михайловичем.¹ Там же на живом примере можно узнать, с чего начинались русские усадьбы в Марокко и каково жилось там их владельцам. «— Хочешь увидеть нечто удивительное? — сказал мне однажды отец, — пойдём к господину Дезобри.² Был он русским французского происхождения. Его предки эмигрировали в Россию после Великой французской революции, а сам он стал беженцем после Октябрьской революции. Дезобри купил недалеко от Рабата несколько гектаров песчаной земли, на которой росли редкие кусты колючих и ядовитых кустарников. Водоискатель с помощью орехового прутика нашёл воду. Эолиен наполнила ирригационные каналы, и земля ожила.³ ...Посреди апельсиновой рощи в цвету мы увидели дюжину домов, заросших цветущей бугенвиллеей.

На крыльце дома стояла босая в просторном платье, напоминавшем сарафан, негрятка Айша. Я очень удивился, услышав на чистом русском языке с неподражаемым московским акцентом: «Проходите, барин, в зал, я позову хозяйку, она отдыхает. А пока я поставлю самовар». Вся семья собралась за столом,

¹ Толстой С.М. Дети Толстого.

² Михаил Владимирович Дезобри (1896 г., Рязань – 1980 г., Обе, Франция). Принимал участие в Первой мировой войне, был ранен. В 1916 г. приехал во Францию в составе Русского экспедиционного корпуса, был награжден Орденом Почетного легиона «за храбрость». По окончании войны поступил в Иностранный легион, с которым попал в Марокко. Геодезист. Открыл свою фирму. Купил землю в 1931 г. около Рабата в Сиди Абдаллах, к нему присоединились другие русские семьи: Игнатьевы, Богинские, Садиковы, геологи Журавский и Бярылицкий-Бирюла, Иванов, братья Димитриевские, а после Второй мировой войны – Трубецкие.

³ Эолиен – ветряк, водонапорная машина, приводимая в движение ветром.

накрытым вышитой скатертью. А когда закипел самовар, мы пили чай с русскими пирогами и разными вареньями, которые Айша научилась варить под руководством мадам Дезобри. За столом говорили об урожае, войне, погоде, потом разговор чуть было не перешел в ссору между отцом и хозяйкой дома: они стали спорить о преимуществах своих борзых, которые у них были когда-то в России».

Таким образом «...Из ничего на африканской земле возродился старый помещичий быт, такой знакомый и уютный, с привычной нерасчетливостью и щедростью, с гостями, пикниками, кучей детворы, общими поездками ко всенощной в русскую церковь».¹ Удачный пример хозяйствования на марокканской земле приводит митрополит Евлогий, который, объезжая места расселения православной паствы, зимой 1932 года побывал в Марракеше. «Тут же в Марракеше я посетил огромный апельсиновый сад и оливковую рощу члена нашего Епархиального управления и Парижского Приходского совета В.Н. Сеньютовича. Отлично поставленное хозяйство. Чудесные дороги, разработанная система орошения...».²

Выше отмечалось, что казаки, осевшие в Марокко по окончании службы в Иностранном легионе, не оставили в массе своей документальных следов. Доступные нам архивные документы содержат информацию только о семи казаках и казачках, ставших членами русской общины в 1920–1930-е годы. Предполагая, что их было больше, можно провести аналогию между Марокко и Югом Франции, где казаки приобретали благодаря низким ценам на землю небольшие наделы в провинции и успешно занимались сельским

¹ Парчевский К.К. У рабатского самовара. С. 63–66.

² Российская диаспора в Африке 20–50-е годы. С. 62, 63.

хозяйством.¹ Такими фермерами были Ефим Афиногенович Минеев с женой из Криворожья – в местечке Сиди Яхья, расположенном в Западной провинции, и, возможно, Николай Павлович Бочаров из станицы Усть-Белокаменской, Федор Андреевич Цыганков из станицы Цимлянской.²

В связи с этим уместно процитировать строки из письма Зиновия Пешкова, в подчинении которого было много казаков. *«Иногда ловлю я взгляд моих русских, как они взором обнимают бесконечную эту долину, глубоко вздыхают, и слова, выходящие из глубин сердец, отрывочно произносятся: «Эх, земля-то какая», «Нам бы», «Мы бы», «Тут бы воды», «Чтобы», «Тоже» ...»*.³ Вероятно, после Второй мировой войны казаков в Марокко стало больше или они просто организовались. Об этом нам говорит упоминание о марокканской Казачьей станице в документах НТС.⁴

¹ Сотников С.А. Русская военная эмиграция во Франции 1920–1930 гг.: проблемы адаптации // Вестник МГУС. 2007, № 2 (2). С. 124.

² Ефим Афиногенович Минеев (25.12.1893 г., село Криворожье Донской области – после апреля 1974 г. (?). Жил в Sidi Yahya du Gharb. Завещал все свое имущество Общине. См.: Архив Воскресенского храма в Рабате. Фонд не описан. Не опубликовано; Цыганков Федор Андреевич (19.09.1897 г., Цимлянская – 19.09.1991 г., Касабланка). Гражданин Франции. Участник Белого движения. Донской казак. Надпись на могильном памятнике в переводе с французского языка гласит: *«Здесь покоится Федор Цыганков, донской казак. Он не был злым, скорее он был добрым. Путник, ты проходишь мимо меня, но сам когда-нибудь ляжешь здесь, как я. Присядь на мой могильный камень, сорви травинку и подумай о себе. Ведь ты мой гость, а я у себя дома»*. См.: Учетные карточки захоронений кладбища БЕН М'СИК в Касабланке; Бочаров Николай Павлович (? , ст. Усть-Белокаменская – 18.09.1952 г., Марокко). Вахмистр. Погиб в результате несчастного случая. См.: Незабутые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 гг. Т. 1. М., 1999.

³ Горький и его корреспонденты. М., 2005. С. 306.

⁴ Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). Boris I. Nicolaevsky collection. Ser. 248. Box 480. Folder 6. Е.И. Гаранин – Б.И. Николаевскому. 05.08.1949.

Несмотря на то, что эмигранты из России обладали в Марокко достаточно высоким социальным статусом, далеко не все достигли достатка или даже относительного материального благополучия к концу рассматриваемого периода, то есть к 1940 году. Достаточно вспомнить призыв епископа Митрофана к оставленным в Марокко прихожанам сделать церковное подворье *«пристанищем для одиноких стариков и стариц, находящихся приют в кошмарных условиях марокканской богадельни или умирающих на улицах»*.¹ Информацию о положении русских безработных и простых служащих можно почерпнуть из письма Л.А. Фрибеса², направленного из Касабланки 20 марта 1932 г. отцу Варсонофию, настоятелю Воскресенского храма в Рабате.³ *«Благодарю за присланные приглашения на заседание церковно-приходского Совета. К сожалению, пока я работаю на службе до 8 часов вечера, и у меня не остается никакого времени на какое-либо частное дело, все воскресенья у меня заняты, и я не в состоянии приехать к Вам. У Ника же совсем денег нет. Впрочем, и у меня-то их не густо»*. Из архивов французского бюро ЗАГС известно, что автор письма работал счетоводом, имея на своем содержании жену и сына.⁴ Как видно

¹ Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 227.

² Леонид Александрович Фрибес (08.01.1898 г., Шлиссельбург – 23.05.1937 г., Касабланка). Апатрид. Родители – Фрибес Александр и Ольга, урожденная Меньшикова. Родился в семье учителя. Прапорщик инженерных войск. Счетовод. Активист церковной общины в Касабланке. Пел в церковном хоре. Печатался во французских журналах. Жена – Елена, сын – Михаил. См.: Учетные карточки захоронений кладбища БЕН М'СИК в Касабланке (Марокко); Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 165; Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 гг. Т. 6–2. М., 2006.

³ Письмо Л.А. Фрибеса о. Варсонофию (Толстухину) от 20.03.1932 г. См.: Архив Воскресенского храма в рабате. Фонд не описан. Не опубликовано.

⁴ Учетная карточка захоронения на кладбище БЕН М'СИК в Касабланке (Марокко). Личный архив автора.

из текста, его служба позволяла с трудом сводить концы с концами. Упомянутого в письме «Ника» идентифицировать не удалось. Для нас важен факт низких заработков некоторой части эмигрантов из России даже в условиях протектората, администрация которого нуждалась в служащих-европейцах разного уровня.

Русские в Марокко не ограничивались констатацией «*печальной бедности*» некоторых соотечественников. Более состоятельные представители общины брали на себя расходы, связанные с деятельностью прихода. Например, упоминавшийся уже совладелец ресторана В.Ф. Мамонтов обеспечивал выпечку просфор. Офицер французской разведки Н.М. Экк¹ изготовил складные карточки из тонкого картона, «*которые служили для всех членов прихода для записи имен их родителей и близких для поминовения за каждой службой вне зависимости от их личного присутствия*».² Эти «карточки» весьма внушительного размера до сих пор находятся в часовне на христианском кладбище Бен М'сик в Касабланке.

По просьбе малоимущих эмигрантов было решено устроить при касабланкском церковном отделении Воскресенского храма «*кассу взаимопомощи, или заемного капитала, или ссудо-сберегательную кассу*». В проекте это выглядело следующим образом. «*Основания: выда-*

¹ Экк Николай Михайлович (? – 6.12.1957 г., Касабланка). Поручик лейб-гвардии Финляндского полка. В 1919–1920 гг. служил в составе Донского стрелкового полка. Был награжден орденами Анны 4-й степени (30.04.1920), Станислава 3-й степени (10.05.1920). С 28.05.1920 г. – в звании штабс-капитана. Эвакуирован из Севастополя на ледоколе Илья Муромец». Галлиполиец. Осенью 1925 года вошел в состав Гвардейского отряда в Болгарии в звании капитана. В Марокко служил во французской разведке – начальник отделения французской разведки в г. Уарзазат. // Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М. 2002. С. 550; Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 188; Архив Воскресенского храма в Рабате. Не опубликовано. Фонд не описан.

² Из письма Л.А. Фрибеса о. Варсонофию (Толстухину) от 20.03.1932 г. // Архив Воскресенского храма в Рабате. Фонд не описан. Не опубликовано.

Часовня на кладбище в Касабланке

ча ссуд под проценты и прием вкладов на процентах. Участники: члены прихода. Прибыль предприятия делится среди участников в этом деле членами прихода. Участие для членов прихода необязательно. Правление кассы избирается из членов прихода, желающих участвовать в ней. В Правление по должности входит староста (и, может быть, еще один член совещания). Ревизионной комиссией является совещание при церковном старосте с правами неограниченного контроля. Взять на себя ведение дела согласились Л.В. Цисвицкий, дядя Р.П. Зайцевой, дамы (княгиня Урусова, З.Н. Шкотт) и еще другие. Мне не хочется отворачиваться ни от какого дела, содействующего развитию деятельности в приходской жизни, хотя бы эта деятельность и была направлена на цели материальной помощи. Мне думается, что если это дело сконструировать, как самостоятельное дело, лишь подконтрольное церковно-приходскому Совету и существующее в не-

драх прихода, то это будет на пользу и самому делу и нашему приходу: вызовет приток и новых членов, и большую заинтересованность. Конечно при условии, что дело будет вестись людьми солидными».¹ Следует отметить, что дело пошло успешно, и в дальнейшем касса взаимопомощи стала действовать во всех частях прихода с «легкой руки» русской общины из Касабланки.²

Не все «русские марокканцы» жили скромно по внешним экономическим причинам. Некоторые из них сознательно не желали пускать корни в марокканскую землю, особенно сначала. *«В первые годы эмиграции мало кто решался не только забираться в незнакомые страны, но просто раскрывать чемоданы. Болтовня о «весенних походах» многим исковеркала жизнь».*³ Другие отказывались от социальных привилегий, которое им давало бы французское гражданство, не желая отказаться от подданства Российской империи. П.П. Шереметева в интервью передает мотивы своего отца следующим образом. *«Он никогда не принял никакое гражданство! Он сам мне сказал, как-то раз, что ... он всегда себя чувствовал настолько русским человеком, что не мог принимать гражданство только для того, чтобы иметь какие-то материальные преимущества: прочный паспорт, возможность ездить за границу и так далее...».*⁴

Сказывалась и врожденная непрактичность ряда представителей аристократии, что при этом не исключало проявлений деловой хватки у их ближних и дальних родственников. *«Жизнь родителей была исключительно трудная... Денег не было. Отец плохо зарабатывал, и они вообще не умели справляться с деньгами. Их*

¹ Там же.

² Архив Воскресенского храма. Фонд не описан. Не опубликовано.

³ Парчевский К.К. У рабатского самовара. С. 63–66.

⁴ Крылова Н.Л. «Африканская» ветвь Шереметевых: «Мы были маргиналы всех обществ» // *Азия и Африка сегодня*. Январь 2011, № 1. С. 42–48.

никто никогда этому не учил. Его работа – продажа сельскохозяйственной техники – была ему не по нраву, не по душе». ¹ В беседах с моей женой, которой она доверяет в большей степени, чем мне, П.П. Шереметева подчеркивала, что именно недостаток средств в семье не позволил ей получить высшее образование. Денег хватило на обучение во Франции только старшего брата. ²

Невысокий материальный уровень жизни таких семей не влиял, тем не менее, на их социальный статус, поскольку они были европейцами в африканской стране. Суть различий в положении эмигранта в Европе и в Марокко изложена в письме одного из успешных русских предпринимателей Ивана Башкирова. *«Обстановка, как в колонии, несколько особая: европеец, например, не может быть ни дворником, ни чернорабочим. Ни носильщиком на вокзале, скажем. Каждый европеец – специалист, но работа специалиста возможна лишь при знании языка. Вот почему так разноречивы известия из Марокко об устройстве разных лиц: кто способен к языку и может в нем, при упорном труде, делать быстрые успехи, быстро и продвигается, человек же неспособный к этому или нежелающий каждый вечер вместо развлечений часа два посидеть за грамматикой, надолго застывает в первоначальном положении».* ³

Можно утверждать, что статус русских эмигрантов в Марокко – как социальный, так и правовой – отличался от того, с чем пришлось жить соотечественникам в Египте и Тунисе. Выше уже говорилось о том, что для выживания в этих странах массе беженцев из России приходилось заниматься тяжелым физическим тру-

¹ Там же.

² Из бесед П.П. Шереметевой // Полевые материалы автора. Рабат. 2007–2011 гг.

³ Из письма И. Башкирова о. Иосифу Гринкевичу от 18.11.1949. Рабат // Архив Воскресенского храма в Рабате. Фонд не описан. Не опубликовано.

дом. Европейское, а у многих – дворянское происхождение не препятствовало их найму на низкооплачиваемые и не престижные в глазах принимающего общества работы. В правовом плане также прослеживается различие между двумя упомянутыми североафриканскими странами с многочисленной общиной беженцев из России и Марокко. Здесь русские *«... не чувствуя никаких ограничений, ...если не стали еще французами, живут на общем положении иностранцев. Наравне с другими, они получают бесплатно на всю жизнь какую-то карточку, а при выезде за границу – марокканский паспорт, на который легко ставят визы все консулы, и только для въезда во Францию требуется особое разрешение Министерства иностранных дел. До специальных разрешений на труд и рабочих карт тут еще не додумались. Просто без контракта, никто не может въехать в страну, даже француз, но с контрактом – все равны. В суде у русских те же права, что и у французов. Безработный получает такое же пособие, в случае болезни платит в больницу так же, как и все, а если не имеет средств, пользуется бесплатным лечением, тоже, как все»*.¹

Свидетельства современников подтверждаются результатами статистической обработки персональных данных «русских марокканцев» «первой» волны. Официально считались «апатридами»² 67%, «беженцами», обладателями «нансеновских паспортов» – только 3,7%, остальные имели гражданство Франции (27%), Германии, Италии, Литвы, США и Швейцарии. Остается только цитировать вновь и вновь строки талантливого журналиста, затронувшего в своих репортажах и этот вопрос: *«Произведенная недавно какими-то благодетелями из общественного союза попытка добиться введения для русских в Марокко Женевской конвенции со все-*

¹ Парчевский К.К. У рабатского самовара. С. 63–66.

² То есть, лицами, не имеющими гражданства.

ми вытекающими из нее последствиями, т.е. нансеновскими паспортами, марками и офисом, который бы в лице указанных деятелей «управлял» эмигрантами, окончились неудачно. ...заволновалась общественность, приняв свои меры, и, кажется, окончательно сорвала мечты о создании «единого центра» и «единой власти». Проект искусственной «нансенизации» русских отпал...».¹

Таким образом, будучи включены в правовом и профессиональном отношениях в европейское общество протектората, «...русские жили тихо и лояльно... многие от салонной политики отказались, стараясь войти во французские интересы».² Определенная часть эмигрантов из Российской империи, в отличие от остальных иностранцев, сознательно, а зачастую неосознанно, принимали для себя культурную ассимиляцию, особенно во втором поколении. «Окончившие французские лицей ничем не отличаются от французской молодежи, а русские мамы иногда с гордостью говорят: “Моя дочь замужем за настоящим французом!”»³

Всё вышесказанное, на мой взгляд, позволяет утверждать, что эмигранты из послереволюционной России смогли в большинстве своем адаптироваться к жизни в Марокко и в разной степени интегрироваться в интернациональное, читай – европейское, колониальное общество, складывавшееся в протекторате Марокко в первой половине XX века.

Вместе с тем преобладающим в российской эмигрантской общине в Марокко оставалось настроение всячески сопротивляться процессам ассимиляции во французской среде. У одних это проявлялось в попытках создать в изгнании «малую» Россию с оставленными на родине образом жизни и устоями, родным языком, вос-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

произвести утраченный быт со «своими арабскими мужиками».¹ Другие объединялись вокруг привнесенных на североафриканскую землю российских организаций, воинских и гражданских: РОВС, Красный крест, Земгор.² Субъективное, на первый взгляд, мнение современника отражает, тем не менее, общественную реальность того времени: *«Нельзя на положении отрезанного ломтя долго висеть в воздухе, и рано или поздно человеку приходится включаться в какую-нибудь систему, если не политическую, то хотя бы логическую. И люди включаются. В Марокко это произошло в наилучших условиях, поэтому и русским гораздо легче живется»*.³

Другими словами, вопрос выживания в эмиграции (после удовлетворения минимальных материальных потребностей) напрямую связан с формированием организационных структур – общин, землячеств, ассоциаций, клубов, в основе которых находится национальное, социальное, религиозное или иное начало. Для большинства наших соотечественников, оказавшихся в эмиграции после революции и гражданской войны, таким универсальным началом стало православие.

¹ Из высказывания русской «помещицы» в Марокко конца 1930-х гг. См.: там же.

² Российский Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (1921–1946). Сабенникова И.В. Русская эмиграция как социально-культурный феномен // *Мир России*. 1997, № 3.

³ Парчевский К.К. У рабатского самовара. С. 63–66.

Глава 5

ЦЕРКОВНАЯ ОБЩИНА, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ, ПОСЕЛКИ, БЫТ

*«Родиться русским, им остаться
И это счастье уберечь,
Когда бы, где бы ни скитаться –
Таким как деды в землю лечь...»*

Н.Н. Евсеев

«Приход в Марокко возник в 1925 году под влиянием потребности в церковной жизни русских, рассеянных в Африке».¹ Это слова митрополита Русской православной церкви Евлогия. Его мнение разделяет и анонимный современник не духовного звания. *«Насытало нас сюда из разных мешков, люди все разные, живут кружками, и, пожалуй, **более всего объединяет их церковный вопрос...** И вот посмотрите – сравнительно маленькой колонии в семьдесят семей, удалось построить отличную церковь на собственном участке земли, и все обошлось свыше ста тысяч!»*.² Своего рода итог самоорганизации «русских марокканцев» подвела соотечественница, не только заставшая налаженную общественную жизнь, но и ставшая очевидцем идеологического раскола в православной общине после Второй мировой войны. *«Русские изгнанники обнаружили, что православная вера стала для них основным связующим звеном, и что для исповедования этой веры требовались община и организация... С практической точки зрения, Церковь также представляла собой исключительно важное средоточие творческой энергии и солидарности»*.³

¹ Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия. С. 500.

² Парчевский К.К. У рабатского самовара. С. 63–66.

³ Шлиппе, Ирина фон. Кризис изгнания...

История создания Церкви в Марокко эмигрантами первой волны, и как общественного института, и как храма, лаконично изложена в письме одного из её активных деятелей, многие годы бывшего старостой прихода в Касабланке, Петра Николаевича Коларовича.¹

«Первыми русскими в Марокко после окончания гражданской войны в России в 1920 году были моряки, в большинстве своем офицеры, прибывшие из Бизерты, где флот Белой армии нашел свой последний причал. Затем были семьи русских эмигрантов, которые приезжали по-отдельности из разных стран первоначального изгнания. В 1926 году они сформировали колонию уже достаточно многочисленную для организации общественной жизни и основания Церкви.»²

¹ Коларович Петр Николаевич (13.06.1899 Ново-Александрия, Россия – 29.04.1981 Касабланка, Марокко). Апатрид. Родители – Коларович Николай и Евгения, урожденная Жураковская. Был в составе ВСЮР и Белой Армии до эвакуации из Крыма. Галлиполиец. Осенью 1925 г. вошел в состав Гвардейского отряда во Франции. Подпоручик. В Марокко с 1938 года. Принимал участие в изготовлении иконостаса русской церкви Успения Божией Матери в Касабланке, открытой с 1935 г. Безвозмездно выполнил резьбу Царских Врат храма. Был активистом (членом Совета) русской православной общины Касабланки и имел отношение к приобретению некоторых объектов её собственности. Заменял адмирала А.И. Русина на посту заместителя председателя православной общины в Касабланке. В записках священника М. Зноско-Боровского говорится о том, что П.Н. Коларович был одним из тех, кто 22.03.1948 г. подписал Устав организации «Общество и Православная церковь в Касабланке». Он стал членом правления общества. М. Зноско-Боровский характеризует П.Н. Коларовича как «благороднейшего, прекрасного, верующего человека, но совершенно не сведущего в церковных правилах и законах». Со временем он стал доверенным лицом М. Зноско-Боровского. Внес 20 тыс. франков на строительство храма в Касабланке, открытого в 1958 г. // Копия отчета о поступлении от прихожан в строительный фонд от 05.11.1957, Касабланка. Личный архив автора. Фонд не описан; Учетные карточки захоронений кладбища БЕН М'СИК в Касабланке; Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М. 2002. С. 238; Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 165, 172, 194, 214, 222.

² На самом деле первое собрание новой приходской общины состоялось 25 октября 1927 года. Прихожане торжественно заявили о своей преданности Матери-Церкви под омофором митрополита Евлогия (Георгиевского).

*В том же 1926 году появилась русская православная церковь на квартире в Рабате, настоятелем которой стал архимандрит Варсонофий Толстухин, а его помощником – о. Александр.¹ В то же время русская колония увеличилась, и часть её поселилась в Касабланке. Это вызвало необходимость создания церкви в Касабланке, которая была расположена на квартире. Службы в ней совершали священники из Рабата. Начиная с этого момента, религиозная жизнь стала регулярной и постоянной».*²

Цепь событий, приведших к обретению Общиной земельного участка для строительства храма, была уже описана в этой книге. Между землевладельцем Мулай Ахмедом Эль-Айдуни Джебли Эль-Алами Идрисси и Ассоциацией «Русская православная церковь и русский очаг в Марокко»³ была оформлена купчая на участок земли, находившийся в то время на окраине Рабата. Полная собственность Ассоциации на восемь с половиной аров земли на площади Баб Тамесна зарегистрирована под номером 5409 R в кадастровой книге Шерифского правительства под протекторатом Французской Республики и освобождена от поземельного налога и других налогов на владение. Сделка осуществлена на обязательном условии, что покупатель построит на указанном участке русскую православную церковь.⁴

См.: Протоиерей Николай Захаров. Воскресенский приход Московского Патриархата в Рабате (К 50-летию со времени основания) // ЖМП. 1978. С. 13.

¹ Тюменев Александр Васильевич, иеромонах Александр (04.07.1879, Углич – 29.03.1943, Касабланка). Апатрид. Православный священник. Родители – Тюменевы Василий и Варвара, урожденная Камара. Приехал в Марокко в 1930 г., на псаломщицкую вакансию. В Рабате помогал настоятелю о. Варсонофию (Толстухину). См.: Учетные карточки захоронений кладбища БЕН М'СИК в Касабланке (Марокко); архив Воскресенского храма в Рабате. Не опубликовано.

² Письмо П.Н. Коларовича, старосты прихода Успенского храма в Касабланке, от 2 февраля 1969 г. Перевод с французского языка. Архив автора. Не опубликовано.

³ В 1959 г. ассоциация была перерегистрирована под названием «Русская православная церковь в Марокко».

⁴ Дубликат свидетельства права на земельную собственность № 5409 R, 20 декабря 1930 г. Рабат // Архив Воскресенского храма в Рабате. Не опубликовано.

Сбор средств на строительство храма велся не только среди русских эмигрантов, когда о. Варсонофий объезжал по всей стране места их расселения, но и в местном обществе, среди французов и марокканцев, во время благотворительных вечеров и балов.¹

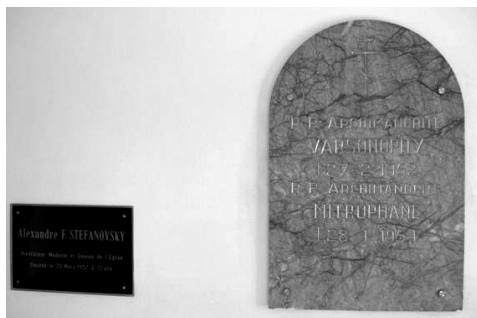
Закладка здания церкви состоялась 6 июля 1931 года, и длилось строительство в течение года.² В том же году к храму была пристроена колокольня, возведенная на личные сбережения многолетнего старосты прихода А.Ф. Стефановского, получившего право пожизненного проживания при храме.³

Часовня на кладбище в Рабате

¹ Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия. С. 503.

² Доклад на общем собрании Православного русского прихода в Марокко. 25 декабря 1931 года // Архив Воскресенского прихода Рабата. Не опубликовано.

³ Стефановский Александр Федорович (2/15.06.1884, Киев – 20.03.1957, Рабат (Марокко). Окончил гимназию в Киеве, Михайловское артиллерийское училище. Капитан артиллерии. Участвовал в войне, был ранен, имел знаки отличия. Оказавшись на юге России, принимал участие в боях на стороне Добровольческой армии. На кораблях Черноморского флота эвакуировался из Крыма в Бизерту. В 1922 г. эмигрировал в Марокко. Жил в Рабате. Работал топографом, в отставку вышел в 1948 г. Основатель общества «Православная Церковь и русский очаг в Марокко» (1927 г.). Принимал активное участие в финансировании и строительстве храма Воскресения Христова в Рабате. На его средства (25000 франков) в 1931–1932 гг. была сооружена колокольня храма в Рабате. Погребен в православной часовне на европейском кладбище в Рабате // Архив Воскресенского храма в Рабате. Не опубликовано; Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 164, 165.

Табличка на часовне
с надписью о погребении
А.Ф. Стефановского

Освящение Воскресенской церкви совершил митрополит Евлогий 13 ноября 1932 года.¹ Митрополиту сослужили насто-

ятель храма о. Варсонофий, возведённый по этому случаю в сан архимандрита, иеромонахи Авраамий² и Александр³, прибывший из Парижа диакон Евгений Вдовенко, а также настоятель греческого Благовещенского храма в Касабланке архимандрит Димитрий. На торжественном богослужении присутство-

Закладка храма в 1931 г.

¹ Архимандрит Митрофан (Ярославцев). История и жизнь марокканской православной церкви // Архив Воскресенского прихода Рабата. Не опубликовано.

² Архимандрит Авраамий (Терешкевич Александр Николаевич) // Библиографический справочник «Религиозные деятели и писатели русского зарубежья».

³ Иеромонах Александр (Тюменев Александр Васильевич) // Архив Воскресенского прихода Рабата. Не опубликовано.

вали представители гражданских властей и различных христианских общин Марокко.¹

Молебен на закладке храма в 1931 г.

Весьма важно для понимания бытия русских эмигрантов в Марокко в период до Второй мировой войны подчеркнуть, что настоятель и священники прихода в Рабате окармливали всех рассеянных по стране соотечественников и, таким образом, объединяли их в духовную общину.

Необходимо отметить, что церковная жизнь существовала в Марокко и до постройки храма в Рабате. В соответствии с данными, приведенными в Докладе на общем собрании Православного русского прихода в Марокко, на конец 1931 года в нем состояли около 280 семей, проживавших в Рабате, Касабланке, Марракеше, Агадире, Сафи, Танжере, Кенитре, Мекнесе, Фесе, Сиди-Абдаллахе, Тазе и Ужде.² Рост численности об-

¹ Протоиерей Николай Захаров. Воскресенский приход Московского Патриархата в Рабате (К 50-летию со времени основания) // *Журнал Московской Патриархии*. 1978. С. 14.

² Доклад на общем собрании Православного русского прихода в Марокко, 25 декабря 1931 года // Архив Воскресенского прихода Рабата. Не опубликовано.

щины подтверждается сохранившимися в архиве Воскресенского храма почтовыми квитанциями об оплате взносов на содержание священника и списками прихожан, присланными из перечисленных городов.¹ В действительности Церковь стала центром притяжения даже для неверующих, многие из которых вновь пришли к Богу. К Церкви их влекло, прежде всего, то, что «...она служила для изгнанника связующим звеном с самим собой, соединяя прошлое и настоящее, и, кроме того, указывала путь к личному спасению как через молитву, так и через служение обществу».² К тому же «...практически все участники первой волны были традиционно (чтобы не сказать автоматически) крещены в православие и получили элементарное православное образование в школе (поскольку оно было обязательно), личная приверженность Богу и Церкви была не так уж распространена, особенно среди образованных людей».³

Первые годы существования православной общины в Марокко описаны в упомянутом «Докладе...», который содержит настолько важные подробности, что заслуживает быть процитированным здесь почти полностью с сохранением особенностей написания марокканских географических названий, присущих тому времени.

«Четыре года просуществовала уже Церковная община в Марокко, как всякая жизнь, так и жизнь нашей церковной единицы состояла из смены радостных и мрачных времен, подчас ее рост шел быстрый, подчас несколько замедлялся.

После прошлогоднего общего собрания произошли следующие перемены в составе священнослужителей нашей церковной общины: в Марокко прибыли иеромонах Авраамий и иеромонах Александр, оба командированные митрополитом Евлогием, первый – священнослужителем в Куригу, второй – на место псаломщика в Рабатскую церковь. Иеромонах Авраамий получает содержание частью от управления фосфатов, частью

¹ Квитанции и списки за 1938 г. // Архив Воскресенского прихода Рабата. Не опубликовано.

² Шлиппе, Ирина фон. Кризис изгнания...

³ Там же.

от ежемесячных сборов прихожан Куриги. Иеромонах Александр получает при готовой квартире 300 франков из общих приходских сумм и сверх того получал 200 франков ежемесячно, пожертвованных церковным старостой А. Ф. Стефановским. Таким образом, в настоящее время есть возможность одному из священнослужителей оставаться постоянно в Рабате для экстренных случаев.

Отметим, что посещение городов священнослужителями производилось в текущем году по примеру предыдущих лет, с той лишь разницей, что в Касабланку священнослужитель ездил во второе воскресенье каждого месяца, а в Кенитру – в третье воскресенье, также ежемесячно. Богослужения в Рабатской и Курижской церквях, а также в других городах, проходили с подобающим благолепием, на Страстной неделе и на Пасху, служба со всею торжественностью, происходила в трех главных пунктах: в Рабатской и Курижской церквях и в Касабланке. Приходской Совет, по примеру прежних лет собирался и обсуждал подлежащие его влиянию вопросы.

Переходя к преподаванию Закона Божия, отметим, что в истекшем году были возобновлены четверговые занятия с детьми <...> Дети с живым интересом воспринимали Заповеди Божию, да и не мудрено – по природе своей детская душа – христианка. Только приходится с прискорбием заметить – некоторые дети не пришли на уроки ни разу, не хочется и думать, что кто-нибудь сознательно препятствовал детям идти ко Христу. Будем надеяться, что это случилось в силу житейских обстоятельств, тем более, что в декабре все дети перестали посещать уроки Закона Божия, оправдываясь перегруженностью работой в лицее. Думается, что ради этого удобней будет перенести уроки Закона Божия на воскресенье, перед литургией или в 5 часов вечера. Кроме Рабата в других городах по желанию родителей, дети обучались Закону Божию по переписке с Богословским институтом в Париже (rue de Crimée 93). Так учились в Кенитре – дети Шидловских и в Касабланке – дети Соколовых. Русские постепенно прибывают в Марокко, детей все больше, и мы встречаемся с необходимостью вве-

Доклад на общем собрании Православного русского прихода
в Марокко,

25 декабря 1931 года.

Четыре года просуществовала уже Церковная община в Марокко; как и всякая община, так и эта, нашей церковной единицы состояла из разных разностей и нравных времен; поэтому ее рост шел медленно, поэтому несколько задержался.

После провозглашения общего собрания Протоимен священники в состав священнослужителей нашей церковной общины в Марокко приехали иеромонах Авраамий и иеромонах Александр, оба канонизированные митрополитом Феофаном, первый — священнослужителем г. Курити, второй — наместником епархиальника в Рабатской церкви; иеромонах Авраамий получает содержание частью от Угрюмских фосфатов, частью от епархиальных сборов прихода Курити; иеромонах Александр получает, при условии квартиры, 300 франков из общины прихожан сумми и сверх того получает 200 фр. епархиально, пофактованный церковным старостой А.В. Стефановским; таким образом, в настоящее время есть возможность одному из священнослужителей постоянно оставаться в Рабате для экстренных случаев.

Отметим, что посещение городов священнослужителями протоиереями и иеромонахами по примеру Преподобных отцов, с тою лишь разницей, что в Касабланку священнослужители ходят во второе воскресенье каждого месяца, а в Кенитру — в третье воскресенье, также епархиально. Богослужения в Рабатской и Куритской церквях, а также и во других городах происходили с побуждением благомыслия; на страстно несли и на Пасхи считая, со всею торжественностью, происходила в трех главных пунктах: в Рабатской и Куритской церквях и в Касабланке. Присутствие священнослужителей в Касабланке, в Рабатской и Куритской церквях, и в Касабланке. Присутствие священнослужителей в Касабланке, в Рабатской и Куритской церквях, и в Касабланке. Присутствие священнослужителей в Касабланке, в Рабатской и Куритской церквях, и в Касабланке.

Переходя к представлению Закона Божия, отметим, что в истекшем году община возобновила четверговую заповедь с пятницы; некоторое время уроки проводились с помощью учителей:

А. Ермоленко, Д. Рофинь, Н. Петрова, С. Петрова и К. Малкова.

Могут завыдывать, что эти с пятидесятницей воспринимали Заповедь Божия, да и не мудрено: по своему своему житию — христиане; только прихожане и прихожане замечают, что некоторые дети не пришли на уроки ни разу; не хочется и думать, что кто-нибудь сознательно пренебрежал уроками итак Христу, думая, что это случилось в силу фактических обстоятельств, тем более, что в декабре все дети перестали посещать уроки Закона Божия, оправдываясь недостатком работы в школе; думается, что ради этого удобнее будет перенести уроки Закона Божия на воскресенье, через пятницу или в Благословенный. Кроме Рабата

А. Фрутин, гитарист, Б. Феланю, родители, дети обучались Закону Божию во Высшем и Общественном Институтах в Париже (ныне № 93); там учились: в Кенитре, дети Шадиловский и А. Касабланский, дети Семеновы. Русские постоянно прибывают в Марокко, детей выдвигая, и мы вступаем с необходимостью ввести, кроме Закона Божия, преподавание также русского языка, нашей истории и географии. Вопрос этот необычайно важен и придется принять меры к его разрешению.

Переходя к составу церковной общины, укажем, что в истекшем году в приходском списке числилось 280 семейств, разбросанных по следующим городам Марокко: Рабат, Касабланка, Марракеш, Агадир, Сафари, Танжер, Кенитра, Мекнес, Фес, Сиди-Абдаллах, Таза и Ужда. Изменения в составе прихода можно отметить следующие:

Новорожденных крещено за истекший год: 10 младенцев (мужского пола 8 и женского пола 2).

Бракосочетаний в Рабатской церкви совершено 4.

Умерших переселилось из нашего мира - 8 душ; из них рядов видны: Ольга Гурская, Вера Полякова, Петр Зеленский, Дмитрий Сергеев, Сергей Страхов, Николай Казарский, Вагим Ломани и капитан Павел Дорфеновский; помнящих нас, бывшая папаша преставилась!

Из отрадных случаев в жизни церковной общины следует отметить благополучное окончание которой оставили нашу общину Патриарх Мелетий Александрийский; она имеет следующие соображения:-----

Владыка митрополит Евлогий особым интересом следует за нашей церковной деятельностью и постоянно приспешивает делом на совершение новых Христов.

Доклад на собрании прихода (оборотная сторона)

сти кроме Закона божия, преподавание также русского языка, нашей истории и географии. Вопрос этот необычайно важен, и придется принять меры к его разрешению.

Переходя к составу церковной общины, укажем, что в истекшем году в приходском списке числилось 280 семейств, разбросанных по следующим городам Марокко: Рабат, Касабланка, Марракеш, Агадир, Сафи, Танжер, Кенитра, Мекнес, Фес, Сиди-Абдаллах, Таза и Ужда. Изменения в составе прихода можно отметить следующие:

Новорожденных крещено за истекший год: 10 младенцев (мужского пола 8, женского пола - 2). Бракосочетаний в Рабатской церкви совершено 4. Умерших переселилось из нашего мира 8 душ <...>».

В эти же годы сформировался приход в Танжере, где богослужения совершались время от времени, в зависимости от возможностей священника из Рабата посетить этот далекий по состоянию транспортных коммуникаций того времени город. Как следует из приведенного выше документа, более или менее регулярно велись службы только в трех городах: в Хурибге (название которой русские в то время писали «Курига»), Рабате и Касабланке.

Несомненно, роль церкви в поддержании морального духа эмигрантов невозможно переоценить. *«Храмы и деятельность пастырей в них давали людям возможность общения, напоминали о далекой Родине и возрождали в прихожанах дух национальной культуры. Уроки Закона Божия, благотворительные вечера и традиционные русские чаепития в церковном доме доставляли прихожанам отраду и утешение»*.¹

Приход продолжал развиваться за счет притока новых переселенцев. Прибывший в 1933 году о. Николай Шкарин занялся созданием церковного хора. В хоре участвовали взрослые прихожане и их дети, они выступали с концертами по всему Марокко. В хоре пели также французы, тянувшиеся к русской духовной культуре.²

Отец Николай привлекал прихожан русской простотой и скромностью. Вот как вспоминает о нем П.П. Шереметева, рассказывая о своей няне Лизе: *«В церкви, все службы в которой она посещала, у неё был верный друг – диакон отец Николай Шкарин, для которого она пекла блины. Оба они были сибиряками и проводили нескончаемые часы, вспоминая потерянную Россию и, особенно, Сибирь, её пейзажи, привычки и обычаи, вспоминая смешные считалки, множество которых они знали...»*.³

¹ Протоиерей Николай Захаров. Воскресенский приход... С. 14.

² Из воспоминаний П.П. Шереметевой // Полевые материалы автора. 2008 г. Рабат.

³ Pauline de Mazières. Histoire de Russes au Maroc. Fr. II. С. 17–18.

Позже, в 1937 году, в Марокко прибыл Михаил Владимирович Ярославцев,¹ назначенный настоятелем Свято-Троицкого храма в Хурибге и ставший духовным пастырем русских инженеров и рабочих государственной компании по добыче фосфатов. Тяжело переживая смерть жены (в 1932 г.), он принял монашество в 1940 году под именем Митрофан. После кончины отца Варсонофия (Толстухина) – основателя Воскресенского храма в Рабате – он стал его настоятелем. По воспоминаниям современников, *«всегда безукоризненный в исполнении своего долга, богато одарённый прекрасными духовными качествами, он был истинным утешением для очень многих из паствы своей... Бескорыстно, с открытым сердцем, не покладая рук своих, служил он всем, без различия возраста и состояния»*.²

Обо всех этих людях так отзывается П.П. Шереметьева: *«Мы имели счастье знать очень достойных и глубоко верующих священников, и были окружены искренно верующими людьми»*.³

¹ Ярославцев Михаил Владимирович, архимандрит Митрофан (30.12.1883, Тульская губерния – 27.01.1954, Рабат, Марокко). Погребен в православной часовне христианского кладбища в Рабате. Родился в семье отставного капитана. Жена – Евгения Семёновна, скончалась в 1932 г. Окончил Пастырско-богословское училище при монастыре святого Кирика в Болгарии, учился на богословском факультете Софийского университета. С 7.04.1937 г. – диакон. С 11.04.1937 г. – иерей в юрисдикции Константинопольского Патриархата (Западноевропейский Экзархат русской традиции), находился в подчинении митрополита Евлогия (Георгиевского). С 1937 г. приехал в Марокко. Назначен настоятелем Свято-Троицкого храма города Хурибга. 03.04.1940 г. был пострижен в монашество с именем Митрофан. С 1945 г. – игумен. В 1947 г. духовенство Воскресенского храма вместе с некоторым количеством прихожан перешли в юрисдикцию Московского Патриархата. С мая 1949 г. – архимандрит РПЦ. С 27.04.1952 после кончины о. Варсонофия (Толстухина) – настоятель Воскресенского храма в Рабате. Публиковался в церковных журналах. (По документам архива Воскресенского прихода Рабата. Фонд не описан, не опубликовано.)

² Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 165.

³ Из интервью П.П. Шереметевой // Полевые материалы автора. 2008 г. Рабат.

В соответствии с действовавшими законами Шерифской империи под протекторатом Французской Республики Церковь как общественный институт была официально зарегистрирована в 1927 году в форме юридического лица, названного «Ассоциация Православной Церкви и Русский Очаг в Марокко».¹ В 1954 году эта организация была переоформлена под названием «Русская православная церковь в Марокко» как находящаяся в каноническом подчинении Патриарху Московскому и Всея Руси.² Несколько позже, 2 января 1931 г., в Рабате был создан «Союз русских в Марокко».³ Насколько можно судить по копиям протоколов общих собраний этих ассоциаций, которые было необходимо предоставлять ежегодно в соответствующие органы местной власти, их численность и руководство практически не менялись.⁴ К сожалению, не найдены пока какие-либо документы или воспоминания, объясняющие параллельное сосуществование двух похожих организаций. Хотя можно предположить, что «Союз русских в Марокко» носил светский характер и был создан для ведения внецерковной деятельности.

Наряду с Рабатом общественная жизнь русской эмиграции первой волны разворачивалась и в городе, которому суждено было стать экономической столицей

¹ Association Eglise Orthodoxe et Foyer Russe au Maroc // Bulletin Officiel No769 le 6 décembre 1927, page 2675; Bulletin Officiel No. 1303 du 15 octobre 1937, page 1419.

² Assotiation Eglise orthodoxe Russe au Maroc. Dahir du 5 juin 1933 modifié par le Dahir du 24 mai 1954 (утверждена указом султана Марокко от 5 июня 1933 г., внесены изменения Указом от 24 мая 1954 г.) / копия Устава ассоциации «Русская православная церковь в Марокко» на франц. яз. // Архив Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано.

³ Официальное объявление о регистрации ассоциации «Союз русских в Марокко» (Union des Russes du Maroc) опубликовано в Bulletin Officiel No 950 du 09.01.1931. Rabat.

⁴ Копии протоколов общих собраний за разные годы. // Архив Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано.

Марокко – в Касабланке. В 1931–1932 годах в Касабланке при деятельном участии настоятеля рабатского храма отца Варсонофия создаются домовая церковь и «Русский клуб», *«где русские люди могли получить тарелку горячего борща с пирожками, прочитать русскую газету или журнал, поиграть в шахматы»*.¹ При касабланкском церковном отделении Воскресенского храма была устроена касса взаимопомощи для малоимущих эмигрантов, о которой подробнее шла речь выше. Богослужения в Касабланке совершались два раза в месяц на частных квартирах прихожан, в протестантском храме, в помещении «Русского клуба», в помещении на бульваре Лорен, арендованном в складчину с отделом РОВС.²

Историки, изучающие другие страны русского рассеяния, отмечают, что опорой для эмигрантов первой волны до середины 1920-х годов были остатки прежних государственных и общественных структур российской империи, например, российские консульства в столицах и крупных городах Алжира, Египта и Туниса. Располагая определенными средствами, отпущенными в свое время еще царским и Временным правительствами, они оказывали беженцам посильную материальную помощь, а также помогали им в оформлении правового статуса, разъясняли особенности местного законодательства.³ Наиболее поздний документ дореволюционного образца, оригинал которого хранится у П.П. Шереметевой – составленная Алексеем Воеводским в качестве «бывшего дипломатического агента и генерального консула России в Марокко» 14 июля 1927 г. в Танжере справка на испанском языке, выданная Якову Ганцелевичу.

В Марокко, в силу упомянутых выше исторических особенностей административного деления страны, под-

¹ Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 165.

² Там же.

³ Российская диаспора в Африке в 20–50-е годы. С. 8.

держку со стороны учреждений государства, которого уже не стало, эмигранты могли получать только на территории Танжера.¹ Возможно, поэтому более действенным для духовного и физического выживания эмигрантов на просторах Марокко были самостоятельно организованные структуры, не всегда официально оформленные, но от этого не менее стабильные, такие, например, как церковный хор.

Мы уже отмечали значение членства в военных организациях для облегчения переезда в Марокко из Европы, адаптации и трудоустройства вновь прибывавших офицеров и членов их семей. Поскольку большинство первых русских поселенцев в этой стране были военнослужащими, преимущественно офицерами, они входили в различные воинские объединения русской армии в эмиграции. Первый отдел Российского Общевоинского Союза (РОВС) с центром в Париже официально распространил свою деятельность с 1930 г. на территории французских протекторатов.² Российские исследователи русской эмиграции в Северной Африке отмечают, что членство в ветеранских объединениях имело огромное значение. Военные и полувойсковые организации располагали хоть и скромными, но собственными финансовыми средствами. Расходовать их они могли по своему усмотрению. Член РОВС мог рассчитывать на денежную ссуду, помощь в трудоустройстве, оформлении документов, лечении и т. д.³

В Марокко был организован местный подотдел, который в 1932–1938 годы возглавлял генерал-лейтенант Александр Николаевич Долгоруков. Секретарем подотдела РОВС в Касабланке был Н.А. Коларович. С 1941 по 1954 годы главой марокканского подотдела РОВС

¹ Архив П.П. Шереметевой. Фонд не описан, не опубликовано.

² Российская диаспора в Африке в 20–50-е годы. С. 9.

³ Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. Русская эмиграция... С. 9.

был А.А. Подчертков, приехавший в Марокко из Франции в 1939 г.¹

Кроме того, в Марокко были члены объединения лейб-гвардии Гусарского полка за границей,² Объединения бывших военнослужащих в провинции и Общества галлиполийцев.³

Но марокканский подотдел этого объединения начал работать на несколько лет позже других церковных и светских общественных организаций, а именно с 1932 года. Достаточно заметную роль он играть стал лишь после Второй мировой войны с новым притоком членов РОВС из Европы в составе второй волны эмиграции.

Филиал Российского Общества Красного Креста в Марокко возглавляла до самой своей смерти княги-

¹ Данные учетных карточек захоронений кладбища БЕН М'СИК в Каса-
бланке (Марокко).

² Лейб-гвардии гусарский полк – полк императорской армии, возрожденный во ВСЮР. Полковое объединение в эмиграции входило в РОВС опосредовано, через Гвардейское объединение. Председатель – генерал-майор Д.Ф. Левшин.

³ Общество Галлиполийцев – русская воинская организация, созданная 22 ноября 1921 года чинами 1-го Армейского корпуса Русской армии генерала П.Н. Врангеля, расквартированными в городе Галлиполи (совр. Гелиболу, Турция) и в лагерях на Галлиполийском полуострове. В июне 1921 года в Галлиполи небольшая группа младших офицеров выдвинула идею о создании особой организации Белых воинов, которая сохранила бы их единство после переезда из лагеря. Согласно первому Уставу Общества, его действительными членами могли быть все чины 1-го армейского корпуса, имеющие право ношения нагрудного знака «Галлиполи», учрежденного генералом П.Н. Врангелем, а также гражданские лица, находившиеся в Галлиполийском лагере с частями Русской Армии. Почётным председателем Общества был избран генерал Врангель, а почётным председателем Совета Общества – генерал А.П. Кутепов. Первоначальная задача Общества состояла в том, чтобы в случае ликвидации Русской Армии стать преемником 1-го армейского корпуса. После образования 1 сентября 1924 г. Русского Обще-Воинского Союза, Общество Галлиполийцев целиком вошло в его состав и стало неразрывной частью и основой РОВС.

ня Варвара Васильевна Урусова.¹ Возможно, немногочисленность её помощников и единомышленников позволила Константину Парчевскому назвать эту организацию «красно-крестный кружок», но помощь прибывавшим в Касабланку эмигрантам-россиянам по адаптации к местной жизни она оказывала весьма заметную, что нашло отражение в документах и мемуарах той поры.²

Социальная и идеологическая разнородность русской эмиграции в Марокко, отмечавшаяся выше, приводила, по всей видимости, к различного рода разногласиям и конфликтам внутри существовавших организаций, в том и числе и религиозных, отголоском которых можно считать резолюцию общего приходского со-

¹ Урусова Варвара Васильевна (06.06.1865 г., Москва – 27.02.1953 г., Касабланка (Марокко). Княгиня. Родители – Гудович Василий и Варвара Николаевна, урожденная Щербатова. В эмиграции – гражданка Франции. В 1914 г. потеряла на войне единственного сына, убитого в Восточной Пруссии. В годы Первой мировой войны возглавляла поезд «Красного Креста», который был создан Императрицей Александрой Федоровной. Во время Гражданской войны с двумя дочерьми занималась организацией эвакуации больных и раненых на Кавказе и на Царицынском фронте. В Константинополе работала в комитете по устройству беженцев, прибывших из Крыма. По назначению генерала Врангеля возглавляла комитет помощи армии в одном из европейских центров. В Марокко заведовала местной организацией «Красного Креста» и кассой взаимопомощи вплоть до своей кончины. Член правления общины «Община и православная русская церковь в Марокко». Приходской совет марокканской православной церкви постановил учредить специальный благотворительный фонд ее имени в память ее самоотверженного служения церкви и всем страждущим. Славилась абсолютным знанием французского литературного языка. Дружила с супругой генерального резидента Французской Республики в Марокко маршала Лиотэ // Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 165, 168, 172, 173. 186, 188, 189, 197, 206, 226; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 гг. Т. 6–2. М. 2006; Архив Успенского храма в Касабланке, архив Воскресенского храма в Рабате. Не опубликовано. Фонд не описан; полевые материалы Павла Александровича Снитко, вице-консула Генерального консульства России в Касабланке в 2003–2006 годах.

² Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 165, 168, 172, 173. 186, 188, 189, 197, 206, 226.

брания от 5 декабря 1937, предложенную о. Варсонофием: *«Общее собрание осуждает небольшую группу безответственных лиц, продолжающих вносить своим недостойным поведением раздор и беспокойство в тесную среду православия в Марокко и тем самым вольно или невольно пособствующих врагам Церкви и русской эмиграции»*.¹

¹ Протокол общего приходского собрания общины Воскресенского храма в Рабате от 5 декабря 1937 г. // Архив Воскресенского храма в Рабате. Фонд не описан. Не опубликовано.

Глава 6

ГУМАНИТАРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С МАРОККАНЦАМИ

Одна из задач, которые я поставил перед собой, принимаясь за эту книгу, является раскрытие темы человеческих отношений между представителями русской эмиграции первой волны и местным коренным населением, марокканцами, выявление путей их межкультурного взаимодействия.

Следует заметить, что в нашем распоряжении имеются свидетельства такого взаимодействия, сохранившиеся только у одной из сторон – у российской. Свидетельством с марокканской стороны можно считать то положительное отношение к «русским», которое отмечено в доступных нам источниках и зафиксировано в исследовании, которое я проводил в 2009–2012 годах.¹

Многочисленные повседневные контакты «русских» с марокканцами описаны в разделе, посвященном службе в Иностранном легионе. В мирной жизни россияне были постоянно окружены «арабами», на которых они, в силу разницы в статусе и в их положении в колониальной системе, обращали мало внимания. По выражению П.П. Шереметевой: «... мы, как все тогдашние европейцы, в некоторой мере игнорировали окружающий (марокканский – НС) нас мир».² Тем не менее, местная арабская среда исподволь оказывала определенное влияние на мировосприятие россиян, особенно их детей. Это взаимодействие культур описано в одном из писем П.П. Шереметевой. *«Была прислуга, были кли-*

¹ Сухов Н.В. Образ России и «русского» в Марокко. Информационная справка для Россотрудничества. 2009–2012 гг. Марокко. Не опубликовано.

² Из переписки автора с П.П. Шереметевой.

енты моего отца, которые нас приглашали на сверхъестественно богатые пиры. Ездили на праздники «ди-афа» (приём гостей – Н.С.) в деревни, где под шатром, сидя на коврах, облокотившись на подушки, гостям – арабам и европейцам смешанным – подавали ... всякие многочисленные блюда, одно вкуснее другого... А потом, будучи уже в полном изнеможении от избытка вкуснейшей еды, пили горячий и сладчайший мятный чай, тогда как деревенские люди – мужчины в белых джеллабах, женщины в пестрых кафтанах – танцевали под звуки флейты и барабанов, возвращая нас к каким-то старинным, библейским, всеми забытым временам.

Так мы пропитывались тоже этой культурой. Родители, хотя не старались нас к ней привлечь – и без того было трудно поддерживать все русское – но, естественно, и не отталкивали».¹

Очень важно отметить черту, присущую большинству россиян, которую отмечают арабы и сегодня – отсутствие надменного отношения к местному населению, что выражалось в общении как с равными, в освоении языка. *«Да, мы жили во французской среде, окруженной арабской страной... Были всегда в ладу с арабами, мусульманские праздники перемежались с христианскими. Арабские слуги начинали говорить по-русски, а мы – по-арабски... Простые люди всегда были очень искренни и хорошо относились к русским».*²

Простые русские люди также умели создавать на чужбине хорошие отношения с местным населением, примером чего является авторитет, который приобрела «няня Лиза» – Елизавета Николаевна Николаева, домоработница Алексеевых-Станиславских. *«В Сиди Бет-*

¹ Письмо П.П. Шереметевой Н.Л. Крыловой. 2009 г. Личный архив Н.Л. Крыловой. Не опубликовано.

² Алексеева М. Прасковья Шереметева: «Всегда остаюсь русской». Петербургский дневник. 1 февраля 2013 г. URL: www.spbdnevnik.ru/news/2013-02-01/praskovia-sheremeteva-vsegda-ostayus-russkoy/

*таш она применила свое знание растений для лечения окрестных крестьян с помощью трав, которые она собирала на полях.»*¹ Подробный рассказ о нянях, перенесших вместе с опекаемыми ими семьями мытарства и невзгоды эмиграции и сыгравших большую роль в налаживании жизни на новом месте, содержится в эссе, принадлежащем перу П.П. Шереметевой, и приводится в моем переводе с французского в конце этой книги.²

Анекдотично для гостя из Европы, но совершенно естественно для Марокко конца 1930-х гг. звучало высказывание русской помещицы в одном из «имений»:

«— Все у нас хорошо, только вот мужики плохо работают, за всем самой следить надо.

— Да какие же тут мужики?

*— Как какие? Обыкновенные, наши арабы...».*³

Приведенный диалог как нельзя убедительнее свидетельствует о взаимном принятии русских и марокканцев в отведенных им обществом социальных ролях.

Наиболее тесные гуманитарные контакты с местным населением поддерживали в силу специфики своей деятельности россияне, занятые на работе «в поле». Топографы, геологи, десятники на строительстве портов и прокладке дорог, строители, механики на железной дороге, инженеры и рабочие на фосфатных шахтах — все они были вынуждены овладевать марокканским диалектом арабского языка и, возможно, берберским языком для того, чтобы выполнять свои профессиональные обязанности, включавшие управление марокканским персоналом.⁴ Можно предположить, что ежедневное общение, освоение чужого языка для профессионального и бытового общения производили определенные изме-

¹ Pauline de Mazières. Histoire de Russes au Maroc. Fr. II. Les Niani. P. 12.

² См. Приложения.

³ Парчевский К.К. У рабатского самовара. С. 63–66.

⁴ Информация почерпнута из биографических данных эмигрантов-россиян первой волны, собранных из различных источников.

нения в мировосприятии как россиян, так и марокканцев, оставляя очевидную симпатию к первым в коллективном сознании вторых.

Воссоздавая историю первой волны российской эмиграции в Марокко, можно утверждать, что в целом её участники смогли адаптироваться в новых, зачастую экзотических для русского человека природных и социальных условиях колониального общества в североафриканской стране, интегрировались в различной степени в европейскую общину протектората. Интерес представляет в этом контексте мнение одного из русских эмигрантов, отражающее тенденции социальной адаптации. *«Национального в нас остается лишь церковь да гастрономия. Еще легче втягивается во французскую жизнь молодежь. Материальное положение ее несравненно лучше в Марокко, проще со службой и натурализацией. Легче устанавливаются знакомства и связи»*.¹ Успех процессов адаптации и интеграции стал возможен благодаря способности эмигрантов к самоорганизации, их стремлению сохранить свою культурную и духовную самобытность, передать богатство русской культуры, носителями которой они являлись, своим детям, противостоять ассимиляции в принимающем обществе.

¹ Парчевский К.К. У рабатского самовара. С. 63–66.

Глава 7

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ В МАРОККО В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

«С точки зрения эмигрантского благополучия Марокко – это африканское Пасси¹. Люди живут здесь спокойно, в удобных квартирах и в нечасто встречаемом довольстве. ...тихая провинциальная жизнь: обычное русское чаепитие, бридж...». Так в 1937 году описывал Константин Парчевский предвоенное эмигрантское бытие в этой стране. Через два года оно закончилось, началась другая эпоха.

С момента объявления Францией войны Германии 3 сентября 1939 года в администрацию протектората от султана, визирей, пашей, лидеров националистических организаций, различных ассоциаций и религиозных деятелей из самых отдаленных уголков страны стали поступать послания с выражением поддержки правительства Франции.² Нельзя сказать, что это свидетельствовало о полной лояльности мусульманского населения Марокко по отношению к администрации французского протектората. Часть народа, включая влиятельных пашей, поддерживало деятельность прогермански настроенных лидеров национально-освободительного движения. Между этими двумя крайностями находилось довольно безразличная к происходящему масса горожан и крестьян, которых в 1940 году поразила масштабная военная катастрофа Франции, и которые питали в какой-то момент надежду на освобождение от колонизаторов со стороны «хаджи» или «муаллема» Гитлера. Эти настроения поддерживались германским радио,

¹ Пасси – район Парижа, где селилась элита русской эмиграции.

² Michel Abitbol. Histoire du Maroc. P. 486.

которое вело специальное вещание на Северную Африку на английском, арабском и берберском языках, постоянно подстрекая население на восстание «против евреев и англичан».¹ В испанской зоне Марокко действовала давно налаженная сеть германских шпионских групп. В Тетуане было создано «Бюро национальной обороны», которое забрасывало своих агентов во французскую зону и провоцировало там выступления племен. Державы «оси» всячески старались внушить арабам и берберам, что фашисты являются якобы их «естественными союзниками» в борьбе против британского и французского империализма. Гитлер, Муссолини, а позднее и Франко объявляли себя «покровителями ислама». Как отмечал известный российский ученый Р.Г. Ланда, «фашистская агентура буквально захлестнула Ближний Восток и Северную Африку».² 14 июня 1940 года, в день, когда войска фашистской Германии вошли в Париж, испанская армия оккупировала международную зону Танжера. Через пять дней Франко направил Гитлеру меморандум, в котором он провозгласил объединение Марокко под испанским протекторатом и аннексию алжирской провинции Оран в качестве вознаграждения участия Испании во 2-й мировой войне. Несмотря на отказ Гитлера удовлетворить притязания Франко на всю территорию Марокко, испанцы не оставляли свои попытки взять под контроль зону французского протектората. Например, в январе 1941 года Абд аль-Халик Торрес³ подготовил

¹ Там же, с. 490.

² Ланда Р.Г. Вторая Мировая война и страны Магриба // *Народы Азии и Африки*. 1985. № 1. С. 63–73.

³ Торрес Абд аль-Халик бен Хадж Ахмед, (1910–1970), политический деятель Марокко. Выходец из крупной национальной буржуазии Тетуана. Политической деятельностью начал заниматься в студенческие годы, активный член Ассоциации марокканских студентов, основанной в 1932 в Тетуане. В 1934 подписал Программу требований марокканского народа. Лидер Партии национальных реформ, основанной в 1936 в испанской зоне Марокко. Занимал ответственные посты в администрации испан-

план всеобщего восстания на территории Французского протектората в Марокко. Эта авантюра сорвалась только потому, что его соперник Мохаммед аль-Макки ан-Насири,¹ известный богослов и националистически настроенный политик того времени, вел анти-испанскую агитационную работу среди шейхов марокканских племен при поддержке британских спецслужб.²

В это же время предпоследний премьер-министр Третьей республики Поль Рейно безуспешно пытался убедить министров французского правительства в необходимости перевести все государственные учреждения республики в Северную Африку.³ Он был сторонником продолжения войны и отвергал саму мысль о мирном соглашении с нацистской Германией. В этом его поддерживали высокопоставленные гражданские и военные чиновники в Марокко, Алжире и Тунисе, которые единодушно считали, что ресурсов Северной Африки вполне достаточно, чтобы организовать сопротивление государствам «оси» и участвовать вместе с союзниками в восстановлении территориальной целостности Франции. Тем не менее, возобладали противоположная точка зрения, которую разделяли самые авторитетные военные

ской зоны Марокко: в 1937 министр хабусов, в 1955 министр социальных дел. После завоевания Марокко независимости инициатор слияния Партии национальных реформ с «Истикляль», с 1956 член исполкома «Истикляль». Был послом Марокко в Испании, Египте, Тунисе. В 1960 министр юстиции. См.: Луцкая Н.С. Энциклопедический справочник «Африка». М.: Советская энциклопедия, 1986–1987.

¹ Мохаммед аль-Макки аль-Насири (1906–1994) был активным религиозным и политическим деятелем Марокко в 1930–1940 гг. Остал членом «Комитета марокканского действия» в 1934 и основателем партии марокканского единства в 1937, при этом состоял членом королевской академии. Автор шести-томного «Ат-тафсир фи ахадис ат-тафсир». // Kédourie Elie. Arabic political memoirs and other studies (retrieved August 22, 2010). P. 57.

² Michel Abitbol. Histoire du Maroc. Perrin. 2009. P. 488.

³ Talbot C. Paul Reynaud and France's Response to Nazi Germany, 1938–1940 // *French Historical Studies*, 26.3 (2003). P. 524–533.

руководители Франции, такие, как маршал Петен и генерал Максим Вейган. 17 июня 1940 года, в день, когда Петен сформировал новое правительство и предложил Германии заключить мирное соглашение, ряд генералов, возглавлявших вооруженные силы Франции в Северной Африке, отказались прекратить борьбу. В течение месяца, несмотря на свои убеждения, они были вынуждены один за другим присоединиться к политике правительства Виши. Не только во Франции, но и в колониях новому режиму не понадобилось проводить серьезных кадровых перестановок для установления «нового порядка»: различные эшелоны колониальной иерархии в Северной Африке остались в целом нетронутыми. В то же время русские служащие административных учреждений и производственных предприятий были уволены властями протектората – несмотря на то, что их подавляющее большинство придерживалось антикоммунистических взглядов.

Следует отметить, что ни коллаборационисты, ни противники нового режима не отказывались выполнять даже самые одиозные приказы центрального правительства, например, антиеврейские законы, принятые Виши в октябре 1940 года. Иностранцы еврейского происхождения были интернированы в нескольких лагерях, устроенных по всей стране: Сиди Айаши около города Аземмур, Уед Зем и Касба Тадла в горах Среднего Атласа, Мисур и Бергент на юге, Джерада, Кенада и Бу Арфа на северо-востоке, на границе с Алжиром.¹

Вернемся к воспоминаниям Филиппа Вейцмана, который описывал Танжер во время войны как «... род очень большого, и относительно комфортабельного, концентрационного лагеря, из которого выезд был почти невозможен».

«Через короткий срок были введены для населения продовольственные карточки. Все не испанские служа-

¹ Michel Abitbol. Histoire du Maroc. P. 491.

щие администрации были заменены испанскими. Большинство французских чиновников, в их числе и Семенов, уехали в Касабланку. Мендуб¹ тоже покинул Танжер, и Мендубия временно оставалась закрытой; но ненадолго. Вскоре в ней поместилось немецкое генеральное консульство, и на мачте над нею поднялся флаг со свастикой. В честь этого «счастливого» события испанцы устроили на площади перед нею еще один военный парад. Теперь по улицам Танжера разъезжал автомобиль с гитлеровским значком. Местное французское генеральное консульство и генеральный резидент в Рабате, подчинились правительству Виши, и все французские газеты в Марокко, стали, на своих страницах, печатать немецкую пропаганду. Единственным органом союзников оставался английский ежедневник «Танжир Газет», издаваемый, с некоторых пор, на трех языках: английском, французском и испанском. Он был последним источником, из которого несчастные беженцы черпали немного бодрости и надежды».

Рассказ очевидца событий о судьбе знакомой еврейской семьи позволяет составить представление о «новом порядке», установленном администрацией протектората при правительстве Виши. «Несколько слов о настоящем концентрационном лагере в Марокко. Когда мы ехали в Танжер, вместе с нами, на борту «Город Флоренция», среди других польских евреев-беженцев, находилась семья Фридман: отец и сын. Весною 1940 года отец тяжело заболел: врачи установили у него рак горла. В то время, в Танжере, не было возможности лечить эту ужасную болезнь, и сыну посоветовали везти отца в Касабланку. Ему удалось выхлопотать, для отца и себя, визу во Французскую зону, и они приехали туда за неделю до прихода к власти маршала Петена. Несмотря на хирургическое вмешательство, месяца через два, больной умер. Похоронив отца, сын хо-

¹ Мендуб – полномочный представитель султана Марокко.

тел вернуться в Танжер, но это, без испанской транзитной визы, оказалось невозможным. Он стал о ней хлопотать, но французские власти, не дожидаясь результата этих хлопот, арестовали молодого человека, и посадили его в специальный концентрационный лагерь для евреев, находившийся в степи, между Касабланкой и Маракешем. Он нам потом рассказывал, что этот лагерь состоял из бараков, огороженных колючей проволокой. В каждом таком бараке жили несколько десятков мужчин, женщин и детей, в условиях близких к жизни домашнего скота. Правда, что их там не били и не мучили, над ними не издевались, и если их положение не было столь бесчеловечным, каким оно было в немецких концентрационных лагерях, то и вполне человеческим оно считаться не могло. В бараках была невыносимая вонь и грязь, да и кормили заключенных весьма неважно. Начальник лагеря говорил заключенным: «Если кому из вас удастся выхлопотать себе визу в другую страну, я такого, с радостью, отпускаю». Фридман продолжал переписываться из лагеря с испанским консулом в Касабланке; наконец, ему оттуда ответили, что виза на его имя, получена, и он может приехать за ней. Начальник лагеря дал ему двадцатичасовой отпуск, и когда Фридман вернулся с визой, тот ему сказал: «Завтра вы сможете покинуть лагерь. Неправда ли, что я к вам хорошо относился, и вы себя здесь прекрасно чувствовали? Расскажите про это всем». Фридман поспешил обещать ему рассказать всю правду, что он и сделал. Нет, конечно, этот лагерь, в марокканской степи, не был ни Аушвицем, ни Трестинкой; но и хвалиться было, все ж таки, нечем».¹

Говоря об экономической ситуации, сложившейся в Марокко в этот период, которая, естественно, затрону-

¹ Вейцман Ф. Без отечества...

ла и русскую общину, уместно было бы обратиться к анализу Р.Г. Ланды, сделанному ещё в 1985 году.

Вступление Франции в войну, а затем её поражение, означали для стран Магриба мобилизацию в армию наиболее трудоспособной части населения, подчинение экономики военным нуждам метрополии, а в политическом плане – прекращение легальной деятельности национальных партий и организаций. Генерал Вейган, ставший в октябре 1940 г. генеральным делегатом правительства Виши в Северной Африке, не мог помешать смешанным германо-итальянским «комиссиям по наблюдению за соблюдением условий перемирия», действовавшим в соответствии с актом о капитуляции от 22 июня 1940 года, вывозить из Марокко, Алжира и Туниса все необходимое для Германии и Италии (железную руду, цветные металлы, фосфаты, топливо, сырье, вино, продовольствие), вследствие чего экономическое положение стран Магриба резко ухудшилось.

* * *

18 июня 1940 года по Лондонскому радио было передано историческое воззвание французского генерала де Голля: *«От имени Франции я твердо заявляю следующее: абсолютным долгом всех французов, которые еще носят оружие, является продолжение сопротивления... В данный момент я говорю, прежде всего, обращаясь к французской Северной Африке, не захваченной врагом... Прямой долг всех честных людей – отказаться выполнять условия противника... Пламя французского сопротивления не должно погаснуть и не погаснет»*.¹ Среди тех, кто откликнулся на призыв генерала, были и русские эмигранты. Одним из первых был Зиновий Пешков. Как известно, 3 сентября 1939 года Франция объявила войну фашистской Германии. Боевые дей-

¹ Шарль де Голль. Воспоминания о войне, речи 1940–1942. Париж, 1954. С. 69–71.

ствия развернулись, в том числе и на территории Северной Африки. Не только капитан Пешков, командир батальона Иностранного легиона, но и многие другие эмигранты из России приняли участие в боевых действиях против фашистов на территории Марокко, которые здесь начались 2 сентября, и продолжались почти два месяца после капитуляции Франции 22 июня 1940 года. В некрологе, опубликованном после смерти генерала Зиновия Пешкова, сообщается: *«После поражения 1940 г. он отказался принять перемирие с фашистами и бежал ночью на пароходе, прибыв в Лондон одним из первых»*. В Лондоне Зиновий Пешков стал ближайшим соратником генерала де Голля.¹

Вторая мировая война относительно мало затронула территорию Марокко. Видимо, по этой причине удалось выявить лишь незначительное число членов эмигрантской общины в этой стране, которые сражались в составе французского Иностранного легиона и в частях Свободной Франции. Среди них – Владимир Иванович Алексинский,² Александр и Борис Ганцелевичи,³ Михаил Владимирович Подгаецкий.⁴

¹ См.: Пархомовский М.А. Сын России, генерал Франции: об удивительной жизни Зиновия Алексеевича Пешкова. М., 1989.

² Алексинский Владимир Иванович (1910,? – 1955, Париж). Сын Алексинского И.П. Работал лаборантом в мукомольном институте в Париже. В 1940 г. бежал из Франции в Марокко. В 1942 г. вступил в Африканский вольный отряд, а затем примкнул к войскам свободной Франции. Участвовал в боях в Северной Африке, Италии и Франции // Вестник Русских Добровольцев, Партизан и Участников Сопротивления во Франции. Париж. 1947. № 2; материалы сайтов: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=10745>; <http://www.hubara-rus.ru/heroes.html>

³ Pauline de Mazières. Histoires de Russes au Maroc. Fr. I. P. 26.

⁴ Подгаецкий Михаил Владимирович (? – 05.07.1977, Рабат (Марокко). Гражданин Франции. С началом войны в 1914 г. вместе с братом Дмитрием записался в армию добровольцем. Служил в Екатеринбургском полку. Воевал в Добровольческой армии. Был трижды ранен. Эвакуировался на последнем корабле из Одессы в Константинополь. В эмиграционном лагере записался в Иностранный легион. Участвовал рядовым

В своих мемуарах, изданных в послевоенном Париже, В.И. Алексинский писал о том, что во французских частях генерала де Голля в Северной Африке воевало много русских, которые отличились в боях против фашистов в Тунисе. Среди 1056 человек, награжденных «Орденом Освобождения»¹ – имена подполковника Д. Амилахвари, Н. Румянцева, командира 1-го марокканского кавалерийского полка, капитана А. Тер-Саркисова и еще семерых русских добровольцев.² Выдающийся представитель российской эмиграции первой волны, князь Дмитрий Георгиевич Амилахвари, который жил с семьей в Марокко с 1931 по 1940 гг., стал легендарной фигурой в войсках «Свободной Франции».³

в Сирийской компании. В 1922 году получил звание сержанта. Стал фототопографом, командиром одного из картографических подразделений. В 1923 году М.В. Подгаецкого вместе с картографической командой отправили в Марокко для составления географических карт страны. В октябре 1925 г. он получает французское гражданство и демобилизуется. Решает остаться в Марокко. В 1939 г. с началом Второй мировой войны французское правительство обратилось к бывшим legionерам призывного возраста встать в ряды армии. Михаил Владимирович вновь надел военную форму, но в июле 1940 г. был демобилизован. До конца жизни оставался в Марокко, никогда не помышлял уехать из этой страны. Работал архитектором при Королевском хаббусе (министерстве по управлению религиозной недвижимостью). Имел двоих детей – Андрея и Владимира. Жили с женой очень скромно в маленькой двухкомнатной квартире. См.: Из списка захоронений христианского кладбища в Рабате (Марокко), не опубликовано; из бесед Н.В. Сухова с Н.А. Кулаковой–Эль-Кинани. Полевые материалы автора, 2005–2011 гг., Рабат (Марокко); по материалам краеведческого сайта .

¹ Орден Освобождения учрежден генералом де Голлем в 1940 г., им награждали за особые отличия.

² Сологубовский Н.А. URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=7633>

³ Амилахвари Дмитрий Георгиевич (1906,? – 1942, Египет). Родители – князь Георгий Амилахвари и Нино Эристави. Окончил Тбилисскую гимназию. В 15-летнем возрасте он вместе с родителями эмигрировал в Париж. В 1926 г. окончил военное училище Сен-Сир в звании младшего лейтенанта и был направлен в город Сиди-Бель-Аббес в Алжире. Там он начал службу в Иностранном легионе. В боях в Южном Марокко против воиск Рифского эмирата Амилахвари проявил отменную храбрость. Он лю-

«Русские марокканцы» были мобилизованы на разных этапах войны. Например, внук Льва Толстого после высадки союзных войск в Марокко в 1942 г. работал сначала в военном госпитале в Рабате, а затем – главным врачом госпиталя в Мекнесе.¹ А Павел Сергеевич Гор-

бил повторять: «У нас, иностранцев, есть только один способ доказать Франции свою благодарность: умереть за нее». За героизм в Рифской войне 20-летнему Амилахвари сразу присвоили звание капитана. В 1927 г. женился на Ирине Дадияни. С 1931 г. вместе с женой жил в Агадире (Марокко). В 1934 г. был назначен начальником школы профессиональной подготовки в Агадире. В 1938 году принял французское гражданство. После начала Второй мировой войны, в апреле 1940 года, легион, в котором служил Амилахвари, был переброшен в Норвегию и вошел в состав англо-французского экспедиционного корпуса. За героизм в Норвегии Дмитрия наградили орденом боевого креста и присвоили звание майора. Летом 1940 г. Амилахвари находился в Англии. После призыва Шарля де Голля Амилахвари вместе со своими соратниками без колебания примкнул к генералу. Позднее профашистское французское правительство в Виши заочно приговорило Амилахвари к смертной казни. В сентябре 1941 г., в порядке исключения, Амилахвари присвоили звание подполковника и доверили командование 13-й бригадой Иностранного легиона в Северной Африке. Вскоре Амилахвари вместе с его частью перебросили в Ливию. За героизм генерал Шарль де Голль лично наградил его орденом Освобождения. В октябре 1942 г. Амилахвари сражался в битве при Эль-Аламейне, вошедшем в историю как «второй Сталинград». Утром 24 октября осколком разорвавшегося снаряда он был тяжело ранен. Ему оказали помощь, но еще две пули попали ему в голову. Амилахвари похоронили с почестями в Эль-Аламейне на французском военном кладбище. У него остались супруга Ирина и двое детей – Отар и Тамара. По инициативе Шарля де Голля Амилахвари посмертно был награжден орденом Почетного легиона. Друг и соратник Амилахвари, министр обороны Франции Пьер Кёниг издал указ, согласно которому офицерский выпуск 1956 года училища Сен-Сир (600 человек) был назван именем Дмитрия Амилахвари. В 2006 году во Франции широко отметили 100-летие со дня рождения Амилахвари, и одной из улиц Парижа присвоили его имя. См.: Российское зарубежье во Франции, 1919–2000; Беляков В.В. Эль-Аламейн...; по материалам сайта <http://www.georgianpress.ru/tbilisi-week/our-past/5732-knyaz-amilahvari-geroy-francuzskogo-soprotivleniya.html>.

¹ Сепрей Михайлович Толстой (1911 г., имение Тарасовка Каширского уезда Тульской губернии – 1996 г., Париж). Родители – Толстой Михаил Львович и Александра Владимировна, урожденная Глебова. В 1937 г же-

сткий, чью автобиографию мне передали его родственники в Москве, был в 1942–1945 годах *«реквизирован на нефтяное производство гор. Petitjean (ныне – Сиди Касем, Н.С.) в распоряжение Sté Cherifienne des Petroles, где занимался распределением продуктов дистилляции, продуктовым балансом и другими работами. Заменял выбывших на войну инженеров общества»*.¹

В целом армия Виши почти не воевала. Одна ее часть сочувствовала де Голлю и переходила на сторону союзников, другая часть колебалась, и лишь меньшинство было готово следовать за главнокомандующим Жюэном. После того, как 8 ноября 1942 года шесть американских и одна английская дивизии высадились в Марокко и Алжире, они уже к концу месяца заняли территорию этих стран и западную часть Туниса. Наиболее серьезные бои при этом развернулись в Марокко: Касабланке, Федале, Порт-Лиотэ, и в Алжире – в г. Оран.

Некоторые из русских эмигрантов оставались в этот период аполитичными и продолжали служить во французской администрации протектората, как при вишистском правительстве, так и при де Голле.² Были среди государственных служащих и принципиальные люди, от-

нился на Ольге Вырубовой. В 1942 г. в Рабате был свидетелем высадки союзников. Как врач, был мобилизован и работал сначала в военном госпитале в Рабате, а затем главным врачом госпиталя в Мекнесе. После войны вернулся во Францию. Президент общества друзей Льва Толстого во Франции. Автор мемуаров и научных трудов по медицине. Издал в 1989 г. в Париже книгу «Дети Толстого», в которой рассказал о жизни отца, его детей и внуков. См.: Сайт семьи Толстых: <http://tolstoys.ru/tree/descendants/42-tolstaya-a-m/>; Луконин Ю.В. Марокканские будни изгнанников. Российская диаспора в Африке 20–50-е годы. С. 62, 63; Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 гг. Т. 6–2. М., 2006; Pauline de Mazières. Histoires de Russes au Maroc. Fragment I. Tangier. 2010. P. 26.

¹ Горсткий Павел Сергеевич. Автобиография. Архив семьи Горстких-Олферьевых. Не опубликовано.

² Об этом крайне неохотно, но упоминала в беседах П.П. Шереметева. Полевые материалы автора, 2009–2010 гг. Рабат.

казался оставаться на службе у марионеточного правительства Виши до победы Свободной Франции. Воспоминания современника сохранили факт существования и сторонников фашизма среди русских жителей Касабланки, хоть и крайне малочисленных. Например, некто Лавров был активистом фашистской организации «Народная французская партия»,¹ которую в народе называли «Легион Петена». Во время высадки войск союзников в Марокко в ноябре 1942 года он испугался расправы и покончил с собой.² Так или иначе, большинство эмигрантов из России оставались патриотами своей Родины. Об их настроениях свидетельствует ветеран французского Сопротивления, участник боевых действий в Северной Африке, Н.В. Вырубов: *«После 1941 г. все изменилось: Родина подверглась нападению, само ее существование было под угрозой. Для тех, кто был воспитан в русском духе, жил в русской среде, главным мотивом участия в войне, безусловно, стала Россия. Они боролись за победу на стороне союзников... Многие из них сочувствовали победам русских войск, гордились ими»*.³ Это высказывание подтверждается и воспоминаниями С.М. Толстого о своем отце, жившем в Марокко с начала 1930-х годов. *«Я никогда не видел своего отца таким энергичным, полным жизни и планов, как в последний год его жизни. Конечно, все его мыс-*

¹ «Народная французская партия» (НФП, «Parti Populaire Francais»), фашистская партия во Франции предвоенного периода и Второй мировой войны. Соединяла в идеологии ультраправые и ультралевые популистские черты. Проводила политику крайнего антикоммунизма. В годы войны и нацистской оккупации стояла на позициях коллаборационизма, активно боролась с движением Сопротивления. См.: Вольфганг Випперман. Европейский фашизм в сравнении. 1922–1982 / Пер. с нем. А.И. Федорова. Новосибирск: Сибирский хронограф 2000. С. 116.

² Из беседы автора с Владимиром Ивановичем Усом. 2015 г. Не опубликовано.

³ Вырубов Н.В. В память павших воинов. (Имена русских, павших в рядах французской армии и Сопротивления 1939–1945 гг.). Париж., 1991. С. 5.

ли занимала война. Каждый вечер в семь часов он слушал новости, это стало ритуалом, и ничто на свете не могло оторвать его от радио. Он раздобыл карту России, смастерил красные и белые флажки и передвигал их, радуясь успехам русских и огорчаясь их неудачам. Он вспоминал Первую мировую войну, в которой сам участвовал, и все войны, которые пережила Россия за свою историю. Коммунизм был забыт! Он снова гордился, что был русским».¹ Приблизительно в таком же духе рассказывала нам Прасковья Петровна Шереметева и о своем отце.

Такая моральная атмосфера преобладала среди русских в Марокко и в послевоенные годы, когда в страну из Европы «пришла» вторая сравнительно массовая волна российской эмиграции.

¹ Толстой С.М. Дети Толстого.

Глава 8

«ВТОРАЯ ВОЛНА»
РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В МАРОККО

Основным, но не единственным побудительным мотивом эмигрантов из России и Советского Союза к переезду после окончания Второй мировой войны из Европы в Марокко было стремление выжить. Причин, почему в Германии, где сконцентрировалась их основная масса, выжить было почти невозможно, было две: голод и репатриация в СССР, за которой следовали неизбежные репрессии. *«...Остаться в Германии никто не хотел – страна была не только разорена, но и разрушена. Голод, холод, разруха, безработица, безнадежность – а за океаном манит благополучие, сытость, чистота и стабильность... Интересно, что во время войны был еще какой-то порядок. Были карточки, их каким-то чудом отоваривали, был хороший шанс выжить – несмотря на бомбежки и обстрелы. А в 1945, 1946, даже 1947 году вполне можно было умереть от голода, не говоря уже о болезни».*¹

Часть из прибывших в Марокко в 1946–1950 гг. (28%, по моим расчетам)² представляли собой перемещённых лиц – освобожденных военнопленных, иностранцев, насильно вывезенных во время войны на работы в Германию и Австрию с оккупированных территорий или добровольно покинувших их вместе с отступав-

¹ Шлиппе, Ирина, фон. 27 стран в 27 лет – поиск стабильности. Выступление в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына 24 сентября 2012 г. Москва. URL: http://www.bfrz.ru/data/images/2012/news09/240912/DIPI/vecher/DP_IIA_fon_Shlippe_red.pdf.

² Расчеты автора основываются на статистической обработке выявленных в процессе исследования биографических данных эмигрантов второй волны.

шими частями вермахта.¹ Среди них было много тех, кто состоял в антисоветских организациях, по разным причинам служил в частях РОА под командованием генерала Власова.

Обработка биографических данных эмигрантов второй волны в Марокко позволила сделать вывод, что 69% из них, т.е. большинство,² были эмигрантами первой волны, осевшие в странах, освобожденных Советским Союзом (Албания, Болгария, Польша, Чехословакия, Югославия, и др.) и Восточной Германии. Они были вынуждены бежать от Красной Армии, и присоединились ко второй волне эмиграции, справедливо опасаясь репрессий.³ *«У Марокко вообще не было дипломатических связей с Советским Союзом, так что русские Ди-Пи там были в безопасности».*⁴

Другой весомый довод «за» переезд в Марокко сформулировала в своем выступлении одна из участниц событий Ирина Шимановская, известная нам сегодня как Ирина фон Шлиппе. *«... в Европе нужны были шахтеры и прислуга, в США и Австралии – сельхозрабочие, и люди уезжали, хотя и зная, что несколько лет они будут фактически крепостными рабами. А маму никто не брал... Только Австралия, Канада и Марокко брали почти всех подряд – им нужны были ЛЮДИ, как таковые. Мама решила так: Австралия слишком далеко, оттуда мы уже не вернемся в Европу, а культура – это Европа. В Канаде холодно, а за войну мы натерпелись холода. Марокко – страна французской культу-*

¹ Перемещенные лица – DP (Displaced Persons, Ди-Пи) – иностранцы, насильно вывезенных на работы в Германию и Австрию. Летом 1945 г. таковых насчитывалось от шести с половиной до семи миллионов. Подавляющее большинство к лету 1946 г. вернулось на родину, но около миллиона отказалось «репатриироваться». См.: Enciclopedia Britannica. 1960. Vol. 19. P. 59.

² Полевые материалы автора. Рабат – Москва. 2010–2012 гг.

³ См.: Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М. 1996.

⁴ Шлиппе, Ирина фон. 27 стран...

ры, дает всем детям стандартное французское образование, оттуда недалеко до Европы – едем в Марокко».¹ В Марокко к тому же «брали быстро, без квоты, даже молодых вдов без профессиональной квалификации», подтверждают мемуары другого эмигранта.²

Обнаруженная в Архиве Центра восточноевропейских исследований Университета Бремена (Германия) информационная справка о Танжере, составленная членами НТС, раскрывает ещё один мотив, двигавший русских эмигрантов в Марокко. Этот документ содержит подробное описание ситуации, которая сложилась в Танжере в первые годы после окончания Второй мировой войны. Наряду с политическими факторами, на которых я остановлюсь позже, Северная Африка привлекала и своими экономическими возможностями, особенно людей энергичных и предприимчивых. *«Не существует абсолютно никаких прямых налогов, никаких прогрессивных налогов, фактически никакого экономического контроля...Свободно продается и покупается золото и драгоценности...Процветает контрабанда и спекуляция. В Испанию везут американские самопишущие ручки и стрептомицин, во Францию – американские папиросы, что дает до 300% заработка. Спекуляция производится обыкновенно совершенно «легальным» путем: вплоть до самой девальвации фунта в Танжер прибывали целые самолеты драгоценностей, совершенно легально, с уплатой пошлины, купленных в Англии. В Танжере они перегружались и шли в США. Благодаря свободе курса доллара и фунта в Танжере заработок на этой легальной операции доходил до 20%»*³. Возможно, тем русским эмигрантам, которые мечтали по-

¹ Там же.

² Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания. М., 2006. С. 131.

³ Там же. Танжер (Информация).

править свои дела в материальном плане, Танжер представлялся экономическим раем.

Местом сбора для тех, кто впоследствии попал в Марокко, стал лагерь Менхегоф, находившийся в ведении Администрации Объединенных Наций по ликвидации последствий войны и восстановлению (ЮНРРА).¹ Менхегоф объединял несколько окрестных лагерей. Начальником всех лагерей был Константин Васильевич Болдырев,² а в Менхегофе и в каждом лагере-филиале

¹ UNRRA – United Nations Relief and Rehabilitation Administration – ЮНРРА – создана в ноябре 1943 г. при финансовом и организационном участии 44 государств. Все страны согласились пожертвовать для этой цели 1% национального дохода, что составило около миллиарда долларов США. После прекращения деятельности этой организации 30 июня 1947 г. её сменила IRO – International Refugee Organization – Международная организация помощи беженцам, предназначенная для опеки и расселения Ди-Пи, отказавшихся возвращаться на родину по политическим причинам, и получивших статус беженцев. Начались проверки – «скрининги» (screening). Надо было доказать, что до 1 сентября 1939 г. Ди-Пи действительно проживали за пределами СССР, что не сотрудничали с немцами, не служили в немецких воинских частях и оказались в Германии против своей воли. Проверки были придирчивыми, так как их целью было сокращение числа опекаемых, и тех, кто не прошёл проверки, отправляли в лагерь для немецких беженцев, которые содержались Германией. Условия жизни в немецких лагерях были несравненно хуже, чем в лагерях Ди-Пи, но немцы старались как можно скорее дать беженцам работу, и это облегчало их судьбу. Подготовительный период продолжался до 1 января 1948 г., когда IRO приступила к своей работе. С тех пор случаев насильственных выдач больше не было, так как все были признаны беженцами, получившими право на политическое убежище. В 1947 г. началось расселение Ди-Пи, сначала в Бельгию на работы в шахтах, а затем в другие страны, в Австралию, Аргентину, Бразилию, Чили, Канаду и США. Переезд русских в Марокко, организованный НТС, был осуществлен не только без помощи, но даже вопреки UNRRA / IRO. // ЗА СВОБОДНУЮ РОССИЮ. Сообщения местной организации НТС на Востоке США. № 29 (58), февраль 2005 г., R. Polchaninov, 6 Baxter Ave., New Hyde Park, NY, USA.

² Болдырев Константин Васильевич, младший сын генерал-лейтенанта В.Г. Болдырева, родился в 1909 г. В 1920 г. К.В. Болдырев вместе с братом Василием был вывезен матерью Любовью Витальевной Болдыревой в Китай, а оттуда – в Сербию, где он окончил Кадетский Корпус, за-

были свои начальники. Одним из них был будущий создатель русского театра в Касабланке Венедикт Александрович Коссовский (Абданк-Коссовский).¹

тем – Белградский университет. Таким образом, хронологически он относится к группе эмигрантов первой волны. Будучи одним из основоположников и руководителей Народно-трудового союза (НТС), организации, созданной в 1930-х годах молодым поколением эмигрантов, которые поставили перед собой цель свержение коммунизма, он увидел возможность испытать эффективность деятельности своей организации на местах, когда германские войска повели наступление на СССР. Именно тогда, в 1942 г., он вместе с другими членами НТС проникает на оккупированную территорию России, где обеспечивает себе легальный статус и право передвижения с помощью организации небольшой строительной фирмы «Эрбауэр». В 1944 г. в Минске он чудом спасается (по версии дочери, Е. Болдыревой-Семлер) от ареста гестаповцев, отвернувшихся во время своего отступления от НТС, и перебирается в Вену, а затем в Тюрингию. С приходом американцев К.В. Болдырев назначается организатором и администратором перемещенных лиц в районе ландкрейса Хохенштейн и вводится в состав Военного Управления американских оккупационных войск. Практическая работа К.В. Болдырева включала в себя организацию быта, работы и досуга подведомственных ему лагерей Ди-Пи: Менхегоф, Фюрстенвальд, Ротвестен и Циренберг. Контингент лагерей состоял из русских эмигрантов 1-й волны, имевших иностранное подданство или апатридов, остовцев из бывших советских граждан, военнотружеников РОА и иных добровольческих формирований и др. Значительное число среди них составляли члены НТС. Советская сторона объявила его военным преступником и потребовала выдачи. В июле 1945 г. К.В. Болдырев был арестован американскими властями и заключен в тюрьму. Причиной ареста послужили многочисленные доносы, обвиняющие его в попытках скрыть от советских репатриационных комиссий предателей Родины и военных преступников. В октябре 1945 г. К.В. Болдырев был освобожден за недоказанностью преступления и продолжил службу в должности администратора лагерей. Спустя два года, преодолев множество бюрократических и экономических препятствий, К.В. Болдырев начинает организацию переезда групп Ди-Пи из Германии в Марокко. См.: Попов А.В. Загадка генерала Болдырева: новые документы по истории белой Сибири // История белой Сибири. Тезисы III научной конференции. Кемерово. 1999. С. 48–54; Елена Болдырева-Семлер, Дань отцу – Константину Болдыреву // Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания. М., 2006. С. 66–71.

¹ Абданк-Коссовский Венедикт Александрович (01.02.1918 г., Москва – 10.12.1994 г., США). Общественный и политический деятель. Отец – потомственный дворянин, офицер императорской армии. В.А. Коссовский

В феврале 1946 г. К.В. Болдырев поставил перед Исполнительным бюро НТС вопрос об отъезде группы членов НТС и бывших служащих РОА в Марокко, страну, где была возможность трудоустроить достаточно большое количество переселенцев.¹ 14 мая 1946 г. К.В. Болдырев оставил пост администратора лагерей и посвятил себя деятельности по устройству русских Ди-Пи на работы в Бельгию, Марокко и другие страны. При его участии была открыта фирма СОМЕП, под которую был получен заем и пожертвования для устройства переехавших в другие страны перемещенных лиц.² В результате К.В. Болдыреву удалось достигнуть предварительных договоренностей с заинтересованными фирмами-работодателями в Марокко и собрать необходимые для переезда и обустройства на новом месте массы людей финансовые средства. *«...На первое время, а главное на обеспечение жилья, необходимы были день-*

лишился отца, когда ему был один год. В 1921 г. вместе с матерью выехал в Литву, где поселился в Ковно. Учился в русской гимназии. Служил в литовской армии. Подвергался преследованиям в периоды советской и фашистской оккупации Литвы. В 1944 году выехал на Запад. Находился в рабочем лагере «Берг» в Австрии, где окончил курсы геодезистов. Возглавлял после окончания войны лагерь Менхегоф. В 1947 году переехал в Марокко вместе с семьей Сазонова Ростислава Дмитриевича. Работал чертежником в техническом бюро в Агадире. Затем жил в Бурназеле, где работал землемером. Основал русский театр в Касабланке. Сотрудничал с журналом «Посев». До 1956 года был членом НТС. В 1956 году порвал с этой организацией. С 1961 года – в городе Сиракузы (США, штат Нью-Йорк). С 1976 года – председатель Сиракузского отдела Конгресса русских американцев. В 1982 году организовал и провёл Всеамериканское совещание русских организаций. В 1993 году первый раз посетил Россию. См.: Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 гг. т. 1. М. 1999; Болдырев К.В. Менхегоф – лагерь перемещённых лиц (Западная Германия) // *Вопросы истории*. Москва. 1998. № 7, С. 123; по материалам сайтов: «Русское зарубежье» – <http://russians.rin.ru>, <http://www.mochola.org/russiaabroad/popov/index.htm>, <http://www.whiterussia1.narod.ru/EMI/LIETUVA.htm>

¹ Болдырев К.В. Менхегоф... С. 124.

² Попов А.В. Загадка генерала Болдырева... С. 48–54.

ги. По моей просьбе фирма получила в заем от князя С.С. Белосельского-Белозерского 1000 долларов, а через Д.Н. Федченко, жившего в Париже, еще 5000 от вдовы и от дочери С.В. Рахманинова, Т.С. Кньюс. Оба эти займа были в срок и сполна возвращены».¹

Данные о численности перемещенных лиц, прибывших в Марокко и составивших «вторую волну» русской эмиграции в этой стране, довольно разноречивы. Поэтому приходится полагаться на оценки участников и свидетелей событий. По информации издания НТС в США «первая группа в 134 человек была не из Менхегофа, но вторая группа, выехавшая в августе 1947 г. была из Менхегофа. В ней было 272 человека, в том числе 26 землемеров, а за ней в конце 1947 г. из Менхегофа отбыло еще примерно 150 человек и с ними о. Митрофан Зноско и регент Е. Евец с семьями».² Согласно другим свидетельствам первая группа Ди-Пи, отправившаяся в Марокко, состояла из 80 человек. Это были «молодые парни, вывезенные немцами из СССР подростками на работы. Они шесть лет провели в различных лагерях, нормальной жизни не знали и не очень по ней тосковали. Образования не имели, но на здоровье жаловаться никак не могли и работали хорошо. Группу возглавил некий Копытов, и парней так и называли «копытовцами». Они начали приводить в порядок ту территорию, которая нам была выделена под лагерь».³ Вторая группа – 320 человек, в основном интеллигенция. В её составе были регент церковного хора Евгений Иванович Евец с женой и четырьмя детьми, сестрами и другими родственниками. В этой партии был и бывший ре-

¹ Там же, с. 138.

² Итого 556 человек. См.: *За свободную Россию*. Сообщения местной организации НТС на Востоке США. № 78, октябрь 2006 г. R. Polchaninov, 6 Baxter Ave., New Hyde Park, NY11040–3909 USA.

³ Шлиппе, Ирина фон. 27 стран...

жиссер Малого Театра, и профессор истории Ульянов.¹ В третьей группе было 230 человек, и после неё группы были уже не столь многочисленны.² Итог этому перечню подводит фраза очевидца: *«И многие другие – люди, ...которые превратили Марокко в ценнейший очаг русской культуры»*.³

Один из российских исследователей приводит несколько иную информацию. *«Первая группа (120 человек), состоявшая из бывших курсантов при 2-й дивизии РОА (власовских кадет) была отправлена под руководством К.В. Болдырева в июне 1947 г. К концу 1947 г. в Марокко переселилось около 600 человек»*.⁴ По данным другого российского историка с мая 1947 по 1952 год из западных зон Германии и Австрии в Марокко попало 355 человек.⁵ Можно предположить, что в данном случае речь не идет об обитателях лагеря Менхегоф.

Деятельность по переселению обитателей лагерей Ди-Пи из Германии и устройству их на работы в Марокко, Бельгию, Францию и другие страны продолжалась практически до начала 1950-х гг.⁶

В силу того, что существенную долю среди людей, получивших статус беженца, составляли «предатели советской Родины», которых структуры НТС обеспечили фальшивыми документами, советская разведка, а затем заграничные учреждения Советского Союза продолжали следить за их перемещениями по миру. Информация о колонии так называемых перемещенных советских граждан в Марокко, собранная сотрудниками

¹ Вскоре он был приглашен в Канаду, где успешно проработал по специальности и на своем уровне – редчайший случай!

² Итого 630 человек. См.: Шлиппе, Ирина фон. 27 стран...

³ Там же.

⁴ Попов А.В. Загадка генерала Болдырева... С. 48–54.

⁵ Земсков В.Н. Рождение «второй эмиграции» 1944–1952 // *Социологические исследования*. 1991. № 4. С. 21.

⁶ Попов А.В. Загадка генерала Болдырева... С. 48–54.

МИД СССР, подтверждает прибытие в 1946 и 1947 гг. двух партий в количестве 400 и 250 человек.¹

Таким образом, численность организованной второй волны русской эмиграции в Марокко можно оценить приблизительно в семьсот-восемьсот человек. Одна из участниц этого переселения, бывшая в то время ещё ребенком, Ирина Короленко в своих воспоминаниях о Марокко говорит, что из Германии в декабре 1947 года их перевозили партиями через Италию и Алжир. Лично она была в группе из 93 человек. Она также отмечает, что *«на первую Пасху... у нас собралось со всего Марокко около пятисот человек»*.²

При этом следует принимать во внимание, что прибывавшие в этот же период «неорганизованные» беженцы из Европы не поддаются учету. Данные, почерпнутые в мемуарах и архивных документах середины 1950-х годов, свидетельствуют о том, что приток русских в Марокко после Второй мировой войны превысил две тысячи человек.³

Результаты статистической обработки имеющихся в нашем распоряжении сведений показывают, что более 75% эмигрантов второй волны переехали в Марокко в 1946 и 1947 годах, и только 17% – в 1948 и 1949, остальные – в период до 1954 года. Информация о том, где и как поселились вновь прибывшие на Северо-Западной оконечности Африки, сохранилась в их собственных воспоминаниях. Один из лидеров Марокканского отдела НТС, многолетний корреспондент парижской газеты «Русская мысль» под псевдонимом Рей-Лохмач, Евгений

¹ Справка о перемещенных советских гражданах, проживающих в Марокко. Посольство СССР в Марокко. г. Рабат. 13 марта 1972 г.

² Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. С. 72, 77, 131.

³ Например, не учтенным остается поток, направлявшийся в международную зону Танжер, а он был относительно многочисленным. См.: Вейцман Ф. Без отечества... Ирина фон Шлиппе говорит о двух с половиной тысячах человек только в Касабланке. См.: Судьбы поколения... С. 131.

Васильевич Каликин так характеризовал первые годы существования этой волны эмиграции. *«Русская публика, как приехала и поселилась в барачном пригороде Бурназель (Bournazel), так там, в большинстве случаев и застряла, ютясь в условиях... со всякими их недостатками, ценя, главным образом, то, что живешь среди своих...»*.¹

К счастью, до сих пор живы люди, которые могут описать виденное своими глазами, то, что представляло их повседневный быт на протяжении многих лет. *«И вот мои первые воспоминания детства о жизни нашей: поместили нас, значит, в бараках. Бараки эти, домики такие, особнячки. И жило в одном таком домике несколько семейств. Отделялись друг от друга просто: вешали жалюзи из бамбука или же просто какую-то материю тяжелую. И абсолютно все было слышно, что происходило у соседа... Не всех поместили в Бурназель. Вот, например, моя тетя, Елизавета Семеновна Евец, им дали в Касабланке дома уже получше»*.² Условия жизни в лагере Бурназель первоначально были очень суровыми. Жили в длинных бараках без элементарных удобств. Вода была в колодце, а деревянный туалет построили на улице между бараками. *«А нам утолить жажду нечем – в лагере Бурназель нет воды. Ее провели только через несколько дней. Копытовцам пришлось еще хуже. Да и вторая группа страдала больше нас, но первое впечатление и для нас было страшное. Крыши покрыли, двери повесили, окна вставили – хотя стекла в них заменяла мельчайшая сетка, опыленная каким-то полупрозрачным раствором, который высыпался при малейшей попытке навести*

¹ Рей-Лохмач. У подножья Атласа. От нашего корреспондента // *Русская Мысль*. 1952. № 415. С. 4.

² Зинаида Митрофановна Колтовская родилась 16.08.1947 в лагере Бурназель, за что получила прозвище «мадемуазель Бурназель» // Из личного архива Н.Л. Крыловой, не опубликовано.

чистоту. Представители ООН выдали хоть и крохотные, но все же реальные деньги на покупку самого необходимого – матрас, кастрюля, примус, ведро. Остальную мебель мастерили сами из деревянных ящиков из-под апельсинов». ¹ Таким запомнила лагерь Бурназель Ирина Шимановская, попавшая туда подростком вместе с матерью.

Позже французская администрация построила в Бурназеле шестиэтажные многоквартирные дома для беженцев. *«Значит, после этих особнячков, где мы жили все вместе, через занавески, мы переехали в эти блоки, и русские, каждый выбирал себе свой блок».*²

Русские эмигранты «второй» волны жили изолированно от окружающего их европейского и арабского общества. *«Еще я помню то, что мы делились на три группы в этом Бурназеле. Французы от всех нас были отдельно. Они были европейской колонией. Они были господами, они заведовали всем, значит, и доступа нам к ним не было. Или если и было, то совсем немножко. Потом была испанская колония, довольно такая красочная и интересная. И были мы, беженцы, эмигранты несчастные, у которых ничего не было».*³

Почти никто из вновь прибывших не знал местного языка – ни французского, ни тем более марокканского диалекта арабского. Но все постепенно научились, потому что, только освоив местные языки, подавляющее большинство эмиграции могло выжить в условиях Марокко. Со временем те, кто смог заработать достаточно денег, а главное – стремился улучшить условия своего существования, переезжали в Касабланку, снимая или приобретая квартиры и дома. Зинаида Колтовская вспоминала, будучи уже в Париже, что *«... в Касабланку мы переехали, когда мне было 12 лет или 13 лет. Пото-*

¹ Шлиппе, Ирина фон. 27 стран...

² Там же.

³ Там же.

му что папа купил виллу, и мы жили в этой трехэтажной вилле. На первом этаже были эти бюро у него, а мы жили на последнем, на третьем. И подвальные были помещения».¹ Других заставил покинуть тесный круг друзей, родственников и единомышленников поиск работы. Большинство мужчин нанимались на геодезические съемки – измеряли земельные угодья, строили плотины и дороги. Они выполняли работу, на которую никто из европейцев не соглашался – ведь никто не хотел жить «на террене», то есть на изучаемом объекте, в пустыне, в армейской палатке без каких-либо удобств. Так русские второй волны, холостые и семейные, постепенно проникали вглубь страны, оседали в удаленных от побережья городах, что составляло известную проблему и для окормлявшего их священника РПЦЗ. *«Две трети каждого месяца приходилось проводить в разъездах по Марокко, чтобы собрать в одну семью в 22-х пунктах, по всей стране разбросанных русских людей».*²

К середине 1950-х годов, когда уже можно говорить о сложившейся схеме расселения по стране русских, прибывших из послевоенной Европы, она имела следующий вид: Агадир – 1,7%, Азру (в горах над Фесом) – 0,6%, Бурназель (пригород Касабланки) – 40,5%, Мазаган (эль-Джадида) – 1,2%, Марракеш – 7,5%, Касабланка – 23,1%, другие пригороды Касабланки – 1,7%, Кенитра (Порт-Лиоте) – 1,7%, Ужда – 2,3%. Остальные проживали там, где была работа – в местечках, которые

Массив данных, почерпнутый из архивных документов, устных и письменных воспоминаний и даже фотографий, сделал возможной попытку анализа социального и профессионального состава русской эмигрантской общины второй волны в Марокко. В дальнейшем

¹ Интервью с З. Колтовской. Личный архив Н.Л. Крыловой, не опубликовано.

² Митрофан (Зноско), епископ. Светлой памяти христоролюбивого иеромонаха. Нью-Йорк, 1965.

это позволит нам с определенной долей объективности исследовать вопросы взаимодействия представителей двух волн эмиграции в Марокко между собой, определить положительные и отрицательные факторы, повлиявшие на взаимоотношения с принимающим обществом, европейским и арабским. Роль этого контингента в российско-марокканских гуманитарных и межкультурных связях также было бы сложно оценить без понимания его места в социальной структуре местного общества.

Напомним, что представители «первой волны» были, прежде всего, интеллигенцией по своему социальному происхождению. Большинство эмигрантского корпуса составляли офицеры Белой армии, лица свободных профессий, известные музыканты, художники, писатели и поэты. Оказавшись за границей, они сохраняли прежние фамилии и, за редким исключением, жили и работали вполне легально.

В отличие от «первой волны», вторая была народной, а не элитарной, эмиграцией, хотя там и были известные представители научно-технической и художественной интеллигенции. Спасаясь от принудительной репатриации в СССР, они были вынуждены менять фамилию, национальность, место проживания и профиль работы.¹ *«Между прочим, очень многие меняли у нас фамилии. У нас, например, был в Марокко такой Гнедич, богач, из «нашей» эмиграции. Так это была не его фамилия. Он ее поменял. Потому что люди так боялись, что их потом будут вылавливать, поймают и переведут, перешлют в Советскую Россию...»*.² Личные доку-

¹ Корнилов А.А. Об историческом значении русской послевоенной эмиграции в США // Актуальные проблемы американистики. Мат-лы семинара «Российско-американские отношения в контексте глобальных изменений». Нижний Новгород, 1998. С. 72–76.

² Из воспоминаний З. Колтовской // Из личного архива Н.Л. Крыловой, не опубликовано.

менты Г.В. Гнедича попались мне в 2010 году среди бумаг, оставленных навсегда их прежними владельцами в Успенском храме в Касабланке. Существует два варианта удостоверений личности Григория Гнедича и его жены Марии Васильевны, где даты рождений совпадают, а места рождения отличаются даже странами: Латвия – Литва – СССР.¹ В Марокко Гнедич работал инженером в строительной фирме СОМЕП, созданной К.В. Болдаревым, затем организовал собственное строительное предприятие в Касабланке. С 1978 до 1985 года, т.е. до отъезда семьи во Францию, офис фирмы на основании разрешения Синода РПЦЗ в США находился в пристройке на территории Успенского храма, обеспечивая его содержание.² Г.В. Гнедич активно занимался благотворительной и церковно-общественной деятельностью, пользовался уважением и авторитетом в обществе. Судя по найденным членским карточкам, он состоял в различных местных привилегированных организациях.³

На самом деле его фамилия была Яропуд. Происходя из крестьян Винницкой губернии, Григорий Яропуд получил инженерно-строительную специальность, служил в РККА. В 1941 году был призван в РККА по мобилизации, получил звание военинженера 2-го ранга. Приказом ГУК МВО № 01006 от 17 апреля 1945 г. объявлен пропавшим без вести в 1941 году. В плену с лета 1941 года он содержался в Офлаге XIII-Д в Хаммельбурне, а уже в 1942 году окончил курсы пропагандистов в Вульгайде. В 1943 г. Яропуд направлен в Дабендорфскую школу РОА, по окончании которой работал пропа-

¹ Латвийское удостоверение личности М.В. Гнедич от 04.09.1945, марокканское удостоверение личности от 28.05.1956 // Архив Успенского храма. Фонд не описан, не опубликовано.

² Письма митрополита Филарета Г.В. Гнедичу от 05.06.1978 г. и 29.09.1978 г. (на французском языке); письмо митрополита Митрофана (Зноско) митрополиту Филарету, главе Синода РПЦЗ, 28.09–11.10.1985 г. Нью-Йорк. Архив Синода РПЦЗ в США. Не опубликовано.

³ Архив Успенского храма в Касабланке, фонд не описан. Не опубликовано.

гандистом в одном из лагерей военнопленных. С 1944 г. был назначен начальником группы пропагандистов РОА и старшим инспектором Южной группы войск в Румынии, активно занимался вербовкой в РОА. В конце 1944 г. решением аттестационной комиссии командного штаба ВС КОНР Яропуд произведен в чин полковника.¹ В апреле 1945 г. вместе со штабом находился в Южной группе ВС КОНР генерал-майора Ф.И. Трухина. 9 мая 1945 г. в составе группы сдался в районе Каплице – Крумау представителям 26-й пехотной дивизии 3-й американской армии. Содержался в американских лагерях: Кладенска-Ровна и Фридберг, где смог избежать репатриации. В 1948 г. уехал в Марокко.²

Загадка личности Гнедичей заключается не только в разных фамилиях, разночтениях биографических данных. По воспоминаниям современников Григорий хорошо знал французский язык и благодаря этому смог сразу по приезду в Марокко устроиться на хорошую работу. Трансформация Яропуд – Гнедич достаточно понятна: воевал на стороне фашистской Германии, боялся расправы, поменял фамилию и постарался скрыться подальше от СССР и Европы. Но французский язык? Официальная биография Яропуда говорит о том, что он был по советским меркам очень образованным человеком: в 1925 г. он окончил строительный техникум, в 1931 г. строительный институт, в 1934 г. гидротехнический институт в Киеве. Образование это – техническое. В те годы учили немецкий язык, который он хорошо знал. Французский у мальчика из крестьянской украинской семьи? Невероятно! В Марокко Гнедич принимал очень активное участие в организации церковной жизни, можно предположить, что был верующим че-

¹ ВС КОНР – Вооруженные силы Комитета освобождения народов России.

² Информация составлена на основании документов из германских и советских архивов, опубликованных на сайтах: http://echo.msk.ru/pda/blog/kosmopletov_aristarhh/898721-echo/, <http://coollib.net/b/148403/read>

ловеком. Это также странно для советского человека той эпохи. Есть еще один факт, который не объясняют факты ни одной из версий его биографии. По данным российского исследователя С.В. Волкова – на могиле Григория Гнедича на кладбище Сан-Женевьев-де-Буа изображен Андреевский флаг, который обычно присутствует на могилах русских моряков. Так кто же вы, господин Гнедич? Возможно, эмигрант первой волны, служивший в армии Власова и взявший документы реально существовавшего человека Григория Яропуда для дальнейшей работы на территории СССР. Наверняка мы это уже никогда не узнаем...

Приведенный пример, а он далеко не единственный, не оставляет нам сомнений, что послевоенная эмиграция была сознательной политической оппозицией советскому режиму. В 1940-х годах положение эмигрантов второй волны объективно осложнялось и такими факторами, как связи с Германией (пусть даже в ряде случаев они возникли против воли самих изгнанников), статус перемещенных лиц или клеймо предателей страны-союзницы.¹ Это во многом объясняет заметные различия гражданских и профессиональных судеб представителей двух встретившихся в Марокко эмиграционных волн.

Значительное влияние, на наш взгляд, на способность адаптироваться на чужбине оказывало внутреннее психологическое состояние части эмигрантов – бывших военнопленных. Проблемы, типичные для такой категории соотечественников, описаны в рассказе о судьбе одного из прихожан Воскресенского храма РПЦЗ в Рабате, которого застала в живых представительница следующей эмигрантской волны, состоявшей из советских женщин, вышедших замуж за марокканских студентов.²

¹ Шлиппе, Ирина фон. Кризис изгнания...

² Аудиозапись рассказа Н.А. Кулаковой-Эль-Кинани // Полевые материалы автора. 2010. Рабат. Марокко. Не опубликовано.

Сдавшись добровольно в плен, Андрей Симонов записался в РОА. Измену Родине объяснял страхом за свою жизнь, отсутствием жизненного опыта, слабостью характера. В Советском Союзе у него остались жена и дочь, с которыми он состоял в переписке. Мечтал вернуться на Родину, но думал: *«не пустят – грех большой за мной»*. В конце концов, преодолев страх и сомнения, оформил себе советское гражданство и получил паспорт, которым не смог воспользоваться, погибнув в автокатастрофе.¹ Чувство вины, пронесенное через всю жизнь, объективно, на наш взгляд, препятствовало подобным людям занять сколько-нибудь заметное место и в русской общине, и в принимающем обществе.

Возможно, в том числе и поэтому русские жили в Бурназеле замкнуто, закрыто от внешнего мира.

Кроме того, после всего пережитого в Советском Союзе, а ведь многие происходили из присоединенных в 1939 и 1940 гг. территорий, люди просто жили. Они старались, в первую очередь, сохранить самое себя. В этом прослеживается сходство с такими отмеченными выше особенностями эмиграции первой волны, как

¹ Симонов Андрей Васильевич (19.03.1903 г., Миллерово – 1979 г., Рабат (Марокко). Апатрид. Гражданин СССР с 1979 г. Родители – Симоновы Василий и Матрена, урожденная Федорова. Власовец. Приехал в Марокко в 1946 году. Занимался пчеловодством. Арендовал пасеку в пригороде Рабата. Основной источник дохода – продажа меда. Был инвалид (без одной ноги). Вместе с братом хотели вернуться в СССР в 1979 г., но не успели, Андрей Васильевич погиб на дороге под колесами военного грузовика. Марокканскую служанку, взятую приюта девочкой, назвал по имени своей дочери, которая осталась в России – Люся. Очень хотел её крестить, водил в церковь. Его и других активистов церковной общины в Рабате вызывали в полицию, где объяснили недопустимость таких вещей, как крещение мусульманок. См.: Копия протокола собрания русских православных, проживающих в Бурназеле от 21.02.1948, Касабланка; список прихожан Воскресенского храма РПЦЗ в Рабате на 1955 г., список «Союза Русских и французского русского происхождения» за 1961 г.; список захороненный христианского кладбища в Рабате; Архив Успенского храма в Касабланке. Не опубликовано. Фонд не описан; из бесед Н.В. Сухова с Н.А. Кулаковой-Эль-Кинани. Полевые материалы автора, 2010 г., Рабат.

стремление воссоздать привычную духовную и бытовую обстановку, напоминающую о покинутой родине. Заново создавалась своя Церковь, свой двор, своя русская школа, все, что помогало сохранить психологическое равновесие. Соприкасаясь с французами и арабами по работе, они не вступали с ними в плотное общение, при первой возможности замыкались в своей среде.

Социальный состав второй волны эмиграции был неоднороден. Здесь было много инженеров, геодезистов, с одной стороны, были представители творческих профессий – музыканты, режиссеры, актрисы, балерины, ученые-гуманитарии – с другой.¹ Им было трудно физически и морально, потому что люди работали, как правило, не по профессии. «Сейчас, в своем возрасте, я понимаю, что человеку, который был инженером в Югославии, быть ему простым чернорабочим в Марокко (то есть в протекторате Франции), наверное, было трудно в 40 лет».² Не менее тяжело в моральном плане было боевому офицеру работать ночным сторожем,³ а одному

¹ Данные, полученные путем статистической обработки биографических сведений эмигрантов второй волны, собранных из архивных документов.

² Из воспоминаний З. Колтовской // Из личного архива Н.Л. Крыловой, не опубликовано.

³ Например, Тихонравов Михаил Иванович (23.01.1891, Москва – 04.05.1970, США). Во время Первой мировой войны офицер 20-го драгунского полка. Кавалер Ордена Св. Георгия 4-й степени. В составе Добровольческой армии и ВСЮР с августа 1918 года. Полковник. Галлиполиец. Эмигрировал в Югославию. Окончил курсы Генерального штаба в Белграде. Во время Второй мировой войны воевал в составе Русского корпуса. Участвовал в боевых действиях против партизан в Югославии. После войны был в лагере для перемещенных лиц в г. Шляйсхайм (Германия), где организовал вокруг себя группу из бывших белых офицеров. В декабре 1948 года вместе с ними покинул лагерь, а в январе 1949 года прибыл в Марокко. В 1949 г. работал ночным сторожем. В списке прихожан Воскресенского храма РПЦЗ в Рабате на 1952 г. С 1955 года начальник Марокканского подотдела РОВС. Внес 35000 франков на строительство храма в Каса-бланке. С 1967 г. – сотрудник журнала «Военная быль». Уехал в США. // Копия отчета о поступлении от прихожан в строительный фонд от 05.11.1957,

из выдающихся певцов русского Зарубежья осваивать профессию чертежника, чтобы содержать семью.¹

В то же время было много людей со средним образованием, без особой квалификации. Им доставался соответствующий труд. *«Моя мама, которая работала за гроши у местной дамы, изготавливала шелковые абажуры...»*.² Кто-то обслуживал американскую военную базу, кому-то удалось поступить служащим в американскую телеграфную компанию, молодежь подрабатывала летом в различных французских и американских компаниях. Об уровне жизни этой категории русских эмигрантов второй волны свидетельствуют слова Ирины Шимановской: *«... в 15 лет я стала зарабатывать – давала уроки русского и французского. Мы с мамой жили настолько скромно, что мои 4 урока в неделю полностью оплачивали нам с мамой питание»*.³

Но, самое главное, что отмечали сами эмигранты, в Марокко им удалось найти ту стабильность, которой они, было, лишились в результате исторических

Касабланка. Личный архив автора, фонд не описан. Не опубликовано; Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 186; Волков С.В., Офицеры армейской кавалерии, М. Русский путь. 2004. С. 521; Волков С.В., Стрелянов П.Н. (Калабухов). Чины Русского Корпуса. М. 2009. С. 428; Архив Успенского храма в Касабланке. Не опубликовано. Фонд не описан.

¹ Бартош Яков Михайлович (23.11.1912, ? – 17.01.1979, Нью-Йорк). Певец, музыкант. Выехал из России в детстве. Учился в Югославии в Крымском кадетском корпусе в 1924 г. По окончании кадетского корпуса поступает в музыкальную школу Станкевича по классу вокала. С 1945 г. играл в Большом оркестре радио Белграда и в оркестре Белградской консерватории. Выступает с серьезным репертуаром в концертах. В 1950 г. с женой выехал в Марокко, где выступал на радио в сопровождении оркестра. Окончил курсы чертежников, чтобы обеспечить жизнь своей семьи. Видя, что в Марокко нет музыкального будущего, в 1956 г. переселился с женой и сыном в США. Считался одним из выдающихся певцов русского Зарубежья. См.: Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 183; Российское зарубежье во Франции, 1919–2000; материалы сайта: http://xxl3.ru/kadeti/kp20_25.htm.

² Шлиппе, Ирина фон. 27 стран...

³ Там же.

катаклизмов, выпавших на их долю. После очень трудных первых месяцев определился быт в лагере Бурназель, в нем была создана определенная инфраструктура. Дети распределились по школам, взрослые, кто смог, нашли себе работу. Бабушки готовили пищу (на мангалах и примусах), присматривали за детьми, шили, стирали. Им за это платили те, кто учился или работал. Женщины, владевшие французским языком, зарабатывали на жизнь, преподавая его всем желающим. Врачи работали по специальности, хотя их диплом не признавали, и они вынуждены были числиться средним медицинским персоналом.

Характерной чертой этих людей было то, что они боролись за свою жизнь, никто не сдавался, хотя многие умирали. *«...Особенно среди копытовцев. У них не было того стержня, который держал семейных наших людей... Парни жили не так, как семьи, они не отгораживались друг от друга. Вдоль барака стояло два ряда коек, около каждой койки стул, на каждой койке копытовец – и арабка-наложница... Мало кто уделял копытовцам внимание, и понятно, что они стояли на земле менее прочно, чем большинство нашей эмиграции».*¹

¹ Там же.

Глава 9

ПУТИ И СПОСОБЫ АДАПТАЦИИ ЭМИГРАНТОВ «ВТОРОЙ ВОЛНЫ»

Следует отметить, что разные категории эмигрантов, оказавшихся в Марокко после Второй мировой войны, находясь в статусе беженцев, перемещенных лиц или апатридов, получали помощь от международных и местных государственных организаций. В первую очередь это была уже упомянутая Международная организация помощи беженцам, директором марокканского отделения которой был член русской общины с 1948 г., некто Арендт.¹

Помощь русским беженцам и лицам без гражданства, каковой статус половина от их общего числа сохранила из чувства патриотизма до конца жизни,² продолжала поступать от международных благотворительных организаций как минимум до начала 1970-х гг. В независимом Марокко такая помощь в виде продуктов питания распределялась через муниципальные комиссии национального сотрудничества, в том числе и «белым русским».³

Содействие в обустройстве повседневной жизни и трудоустройстве основного контингента русских эми-

¹ IRO – International Refugee Organization // *За свободную Россию*. Сообщения местной организации НТС на Востоке США. № 78, октябрь 2006 г.

² Данные, полученные путем статистической обработки биографических сведений эмигрантов второй волны, полученных из архивных документов.

³ Уведомления и накладные на получение продуктов, направленные обществу «белых русских» по адресу Успенского храма в Касабланке за 1966–1969 гг. // Архив Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано.

грантов, осевших в лагере Бурназель, оказывала и администрация протектората.¹

В то же время Мировой еврейский конгресс оказывал на территории Марокко финансовую поддержку эмигрантам-евреям из Советского Союза. В своих мемуарах Ф. Вейцман пишет, что его отец занимал пост представителя Конгресса в Северном Марокко, т. е. в Танжере и зоне испанского протектората. Ему ежемесячно направлялась *«известная сумма денег в долларах для раздачи их, под расписки, всем нуждающимся беженцам»*.²

Определенное содействие в организации жизни и карьеры эмигрантов оказывал и международный Красный крест, который предоставлял, в частности, займы на обучение детей во французских частных школах.³

Вместе с тем, выживание и адаптация второй русской эмиграционной волны в Марокко были бы крайне затруднены, а в некоторых случаях невозможны без содействия со стороны обосновавшихся в стране в предыдущие десятилетия эмигрантов первой волны. Это подтверждают многочисленные слова признательности, прозвучавшие в письменных и устных воспоминаниях, дошедших до современных исследователей.

«Один Бог знает, сколько людей они спасли своими связями и усилиями. Денег у них было мало, но была старая русская школа помощи ближнему. Княгиня Варвара Васильевна Урусова, ее дочь Варвара Владимировна Подчерткова, адмирал Русин... всего, насколько знаю, двадцать семь человек местных русских помог-

¹ Подтверждением тому является копия письма с благодарностью за гостеприимство и помощь, оказанные русским эмигрантам, адресованного Генеральному резиденту Французской Республики в Марокко генералу Жуану от имени русской общины и православной церкви в Марокко от 22 мая 1950 г. за подписью вице-президента ассоциации адмирала А. Русина // Архив Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано.

² Вейцман Ф. Без отчества...

³ Шлиппе, Ирина фон. 27 стран...

ли с трудоустройством, учебой, лечением двум с половиной тысячам человек... Спасибо им и вечная память у Бога и людей!». ¹

«В большинстве своем они относились к нам очень доброжелательно, а были и настоящие друзья...». ²

«Русские марокканцы», то есть, первая волна русских марокканцев Марокко, когда мы туда приехали, они к нам относились хорошо, они даже нами занимались, там был такой комитет, который помогал детям поступать в школу, одеваться и находить докторов, чтобы лечиться...». ³

Вместе с тем, несмотря на стремление помочь просто несчастным людям со стороны «старых русских марокканцев», в отношениях между представителями российской и советской эмиграции проявлялась определенная психологическая и идейная «несовместимость». Причинами этого явления были и разница в происхождении, и в воспитании, и специфика жизненного пути представителей каждой из «волн». Между ними проявлялись идеологические разногласия, в первую очередь по вопросу отношения к Советскому Союзу и итогам Второй мировой войны. Этот конфликт привел в итоге к расколу церковной общины, последствия которого ощущаются до наших дней.

Одновременно существовало и в чем-то идеалистическое восприятие отношений между двумя поколениями эмиграции, встретившимися в пригороде Каса-бланки. *«Но вся русская эмиграция в Бурназеле – это не только вторая волна, среди них была и первая (здесь жила и первая эмиграция с 1933 года), так у нас этого не чувствовалось, мы все слились в одну семью. Это была одна большая семья, и очень дружная. Конечно, так когда-то были и споры, и так далее, но, в общем,*

¹ Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. С. 131.

² Там же, с. 76.

³ Из интервью И.Е. Евец Н.К. Крыловой. 2008 г. Париж. Не опубликовано.

*у меня осталось впечатление, что у нас была очень спаянная семья, и мы все очень дружно жили».*¹

При этом сотрудники советских загранучреждений, следившие за ситуацией в эмигрантской среде в Марокко в 1960-е – начале 1970-х гг., отмечали: *«В кругах русской эмиграции, проживающих в Марокко, перемещенные лица уважением не пользуются, их считают изменниками и антисоветчиками».*²

Действительно, в определенных кругах русской эмиграции, сложившихся в Марокко в 1920-е – 1930-е годы, перемещенные лица не пользовались, как правило, расположением и уважением. Многие из тех, кто симпатизировал борьбе Советского Союза против фашистской Германии, приветствовал победы Красной армии, считали их предателями Родины.³ Следует учитывать и то, что после окончания войны часть эмигрантов первой волны, в том числе представители старой аристократии, приняли советское гражданство.⁴ Очевидно, как уже отмечалось выше, сами эмигранты второй волны – бывшие военнопленные, власовцы – осознавали это отношение к себе и старались не контактировать с недоброжелателями.

Документы и воспоминания свидетельствуют о том, что негативное отношение к коллаборационистам, к тем, кто, так или иначе служил на стороне гитлеровской Германии, не распространялось на бывших офицеров императорской и Белой армий, даже на тех из них, кто зани-

¹ Из интервью с З. Колтовской, из архива Н.Л. Крыловой, фонд не описан, не опубликовано.

² Справка о перемещенных советских гражданах, проживающих в Марокко, от 13 марта 1972 г., Посольство СССР в Марокко, г. Рабат.

³ П.П. Шереметева рассказывала автору о том, как её отец отмечал на географической карте линию фронта красными флажками и радовался победам «русского оружия». См.: Полевые материалы автора. 2008–2010 гг. Рабат, Марокко.

⁴ Например, граф В.Н. Остен-Сакен, И.К. Алексеев (сын К. Станиславского) и др.

мал во время войны командные должности в рядах вермахта.

В конце своей жизни Владимир Николаевич Бутков¹ – командир батальона в корпусе генерал-майора А.В. Туркула² в звании капитана вермахта – опубликовал в США, куда он переехал из Марокко в 1958 г., «исторические записки», в которых отчетливо отразился и затронутый аспект взаимоотношений представителей двух волн эмиграции. Приведенный ниже с сохранением стиля автора отрывок из его мемуаров полон, на наш взгляд, интересной информации по истории вопроса.³

«В 1948 году, в декабре, мы покинули Шляйсхайм, и с большими приключениями, в январе 1949 года, оказались в Касабланке – главном городе Французского протектората султанства Марокко. Там нас дружески приняла группа Белых офицеров во главе с Генерального Штаба полковником Алексеем Александровичем Подчёртковым, который был женат на рожденной княжне Урусовой, а её престарелая мать-княгиня возглавляла в Марокко Русский Красный Крест старой организации. Полковник Подчёртков в Русской Армии генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля, в Крыму, был начальником отдела Генерального Штаба и всем хорошо известен.

В Касабланке проживал на пенсии и бывший начальник Морского Штаба Ставки Главнокомандующего Русской Армии – Государя Императора Николая II,

¹ О В.К. Буткове см.: Терзов А.С. История и идеология русских эмигрантских молодёжных организаций на примере Национальной организации русских разведчиков (НОРР) // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского*. 2009. № 11 (15). С. 151–155.

² О корпусе генерал-майора А.В. Туркула см.: Волков С.В. Трагедия Русского офицерства. М. 2001.

³ Одновременно данная цитата дает возможность на основании архивных документов исправить многолетнюю и неоднократно повторенную в различных публикациях ошибку в имени русского моряка и названии его подводной лодки.

адмирал Александр Иванович Русин. В своё время адмирал Русин был награждён французским правительством лентой Почётного Легиона – самой высокой французской наградой, и это давало ему большие преимущества.

Большую помощь в устройстве Белых эмигрантов на работу в Касабланке оказал замечательный моряк-подводник, капитан II-го ранга Сергей Петрович Копьев,¹ бывший командир подводной лодки «Утка».² Копьев постепенно устроил нас, девять человек из новоприбывших, на огромный филиал завода «Рено». Все мы попали на места счетоводов и заведующих отдела-

¹ Копьев Михаил Владимирович (08.11.1885 г., Гатчина – 27.12.1965 г., Франция). Из дворян Санкт-Петербургской губернии. С 1907 г. входил в состав Морского корпуса. С 1908 – офицер. В 1911 г. окончил штурманский офицерский класс. В 1913 г. окончил офицерский класс подводного плавания. Старший лейтенант, наблюдающий по подводной части за постройкой кораблей Балтийского флота. После революции – в рядах ВСЮР и Русской Армии. С 21.11.1920 – командир подводной лодки «Тюлень», капитан 2-го ранга. Эвакуирован с флотом в Бизерту, где в 1922 г. был назначен начальником 3-го отряда судов Русской эскадры. Командир подводной лодки «Буревестник». В Тунисе работал в компании по добыче фосфатов в Сфакс – Гафза. С 1926 г. – в Алжире. Там женился на Н.А. Гусак-овской. В браке у них было двое детей: дочь Надежда, ставшая певицей, и сын Владимир – профессиональный переводчик. После 1926 г. переехал с женой в Марокко. Жил в Касабланке. Владел электромастерской. Член церковной общины в Касабланке. Член марокканского подотдела РОВС. Оказывал помощь белым офицерам, приехавшим из лагерей Ди-Пи после Второй мировой войны. В 1960-е гг. семья переехала во Францию. Автор воспоминаний «Страницы Русского флота», напечатанных в Морском сборнике, выходившем в Бизерте, в 1922–1923 гг. под псевдонимом Изгнанник. Действительный член общины «Община и православная русская церковь в Марокко». См.: Копия протокола Общего собрания прихожан русской православной Общины в Марокко от 28.11.1948, Бурназель. Архив Успенского храма в Касабланке, фонд не описан, не опубликовано; Русская колония в Тунисе. 1920–2000. М.: Русский путь, 2008. С. 294–295; по материалам сайта: <http://rosgenea.ru/?alf=11&page=2&serchcatal=%CА%EE%EF%FC%E5%E2&radiobutton=4>

² Подводная лодка, на которой был командиром М.В. Копьев, называлась «Тюлень». См.: Русская колония в Тунисе. С. 294–295.

ми. Мне, как с детства говорящему по-французски, особенно повезло: я получил хорошо оплачиваемую работу, на которой проработал десять лет, до самого своего отъезда в США».¹

Итоги взаимоотношений представителей первой и второй волн русской эмиграции в Марокко достаточно, по нашему мнению, полно подвела Ирина Шимановская: «...Подавляющее большинство нашей марокканской эмиграции выжило, довело детей до хотя бы приличного уровня образования, достойно выбралось из той западни, в которую мы попали. Тут огромную роль сыграли те русские эмигранты первой волны, которые уже находились в Марокко к нашему приезду. Они нам показали, насколько действенной может быть русскость, насколько она не дает опуститься, скатиться в безнадежный быт, утонуть в своей нищете. Были среди этих местных русских очень бедные люди, но они отличались от всего окружения высочайшим достоинством, были культурны во всех отношениях – и пользовались в местном французском обществе большим уважением, а некоторые также большим влиянием».²

Даже принимая во внимание поддержку со стороны международных и местных организаций, а также представителей первой волны эмиграции, невозможно было в послевоенном Марокко решить проблему выживания, а затем воспитания и обучения подрастающего поколения в русском патриотическом духе без собственных, вновь образованных или возрожденных старых организаций. Кроме семейного воспитания, четверговых школ и церкви³ для этого существовали в Марокко и мо-

¹ Бутков В.Н. Исторические записки и воспоминания члена РОВСа. URL: <http://vojniki.org/emigration/organisations/3>

² Шлиппе, Ирина фон. 27 стран...

³ «После литургии, на которой хор состоял исключительно из детей, у нас были уроки – Закон Божий, музыка, русский язык, русская литерату-

лодежные русские организации, такие, как скауты, Витязи. Родители поощряли участие своих детей в их деятельности: *«Отец нам говорил: идите в одну или в другую организацию, только не ссорьтесь, чтобы одна организация не вытесняла другую»*.¹

Представители эмигрантской молодежи, выросшей уже на чужбине, входившие в марокканскую группу НТС,² уделяли большое внимание работе с русскими скаутами, состоявшими в Организации российских юных разведчиков (ОРЮР).³ Эта деятельность была обусловлена не столько любовью к детям, сколько сознанием того, что нельзя русской молодежи дать раствориться во французской среде. Л.С. Оболенская-Флам вспоминала, что примером такой опасности *«... были дети наших знакомых старожилов в Рабате. Слушая увертюру Чайковского «1812 год», они вскакивали с мест и становились навтыяжку при звуках «Боже, Царя храни», но по-русски почти не говорили, а паспорта у них были*

ра, русская история, русская география» // Шлиппе, Ирина фон. 27 стран...

¹ Цит. по: Крылова Н.Л. Единение музыкой. Из марокканской истории русского хора // *Восточный архив*. № 2 (22). 2010. С. 65.

² Целая группа членов НТС обосновалась в 1950-е гг. в Марокко, которое стало важным центром деятельности Союза. Среди них – такие яркие фигуры, как Ю.П. Жедилягин (сын врангелевского офицера, создавший в 1941 г. группу НТС в оккупированной немцами Вязьме), Е.Р. Миркович (лидер группы НТС в Днепропетровске в 1942 г.) и др. Центром Марокканского отдела была Касабланка, но группы существовали также в Рабате, Марракеше, Сафи. См.: От Минска до Касабланки: судьба офицера Оровайского полка Е.В. Каликина. URL: <http://kalikins.ru/Persons/persons13.htm>

³ Организация российских юных разведчиков – ОРЮР – не политическая общественная скаутская организация, ставящая своей уставной целью общественное воспитание российских детей и молодежи в национальном и религиозном духе, основывающаяся на христианском миропонимании и приверженности к историческим ценностям русской культуры и государственности. Подробнее см.: Терзов А.С. История и идеология русских эмигрантских молодёжных организаций на примере Национальной организации русских разведчиков (НОРР) // *Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского*. 2009. № 11 (15).

советские».¹ Сборы, походы, а главное – летние лагеря, проводимые на самые скудные средства, создавали для молодежи ту среду, в которой они, поддерживая дружбу друг с другом, сохраняли свой язык и свою национальную принадлежность, несмотря на то, что все они учились во французских школах и лицеях.²

Одновременно в Марокко действовал отдел Национальной Организации Русских Разведчиков (НОРР), которая была молодежным филиалом РОВС в Болгарии и Франции до войны. С 1954 г. НОРР была официально зарегистрирована как «Молодежь Ансьен Комбатант». Марокканский отдел РОВС просуществовал 6 лет, пока русские белоэмигранты, чины РОВС и НОРР, не разъехались в страны Южной и Северной Америки.³

Важно отметить, что в составе этих организаций русская молодежь так или иначе вступала в контакты с местным населением и знакомилась с марокканской глубиной. *«Энтузиазм был невероятный! В Атласских горах мы получили прекрасные места для разбивки лагеря. Начальник французского гарнизона, генерал Бюро, подарил на палатки, много технического оборудования. Он любил посещать наш лагерь и говорил, что у нас существует дисциплина и порядок, каких он давно уже не видел. Нам были выданы десять карабинов для руководителей, ибо часто появлялись пантеры и атласские львы, и нам приходилось дежурить по ночам, чтобы чего не случилось. Инцидентов не было, за исключением мешавших нам работать стай обезьян, которые воровали с кухни хлеб и уносили из палаток одежду разведчиков, но это, скорее, развлекало, чем пугало...»*.⁴

¹ Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции.

² Там же.

³ Терзов А.С. История и идеология... С. 154.

⁴ Бутков В.Н. Исторические записки...

Важную воспитательную роль играли созданные ещё в лагере Менхегоф Е.И. Евцом церковный и светский хоры, которые регулярно гастролировали с концертами русской православной и светской музыки в разных городах Марокко. Хоровая концертная деятельность в Марокко стала весьма заметным, самостоятельным явлением в культурной жизни этой страны.¹ В своих воспоминаниях о жизни в Марокко епископ Митрофан (Зноско-Боровский) отмечал, что хоры – *«большой и детский, струнный оркестр молодежи и детей... украшали жизнь русской колонии и ... несли ее доброе имя... Хор был подлинным украшением не только русской, но и всей европейской колонии в Марокко, о чем во всеуслышание свидетельствовали и сами французы»*.²

¹ Крылова Н.Л. Единение музыкой. С. 67.

² Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 179–180.

Глава 10

НТС, «АНТИСОВЕТЧИКИ», «СОВЕТЧИКИ» И РАСКОЛ ЭМИГРАНТСКОЙ ОБЩИНЫ

Рассказывая о судьбах русских эмигрантов в послевоенном мире, не следует забывать, что они так или иначе существовали в условиях холодной войны. Просто кого-то это обстоятельство нимало не занимало, а кто-то не мыслил своей жизни без противостояния «капиталистической» и «социалистической» систем. В условиях холодной войны, начало которой положила речь Уинстона Черчилля, произнесенная 5 марта 1946 года перед слушателями Вестминстерского колледжа в Фулто-не (США), в которой была предложена идея создания союза англосаксонских стран для борьбы с коммунизмом, регион Северной Африки стал вызывать повышенный интерес со стороны наиболее политически активной части русских эмигрантов.

Народно-трудовой союз неоднократно упоминался на страницах этой книги. Пришло время коротко рассказать об этой организации. НТС возник в 1930 г. в Белграде. Его создатели – преимущественно молодые русские эмигранты, не примыкавшие ни к одному из идейных течений – ни к монархическому, ни к либеральному, ни к социалистическому. Истоки своей идеологии – солидаризма – они возводили к русской религиозной философии начала XX века и наследию сборника «Вехи».¹ Отвергая теорию классовой борьбы, солидаристы провозгласили первичность не борьбы, не конфликтов, а солидарности, сотрудничества. В основу солидаризма по-

¹ Вехи. Сборник статей русских философов начала XX века о русской интеллигенции и её роли в истории России. Издан в марте 1909 года в Москве. Получил широкий общественный резонанс, несколько раз переиздавался.

ложено стремление к «солидарности классов» (иначе говоря, к единству интересов предпринимателей и работников) и к «солидарности нации» (т. е. к признанию всех россиян единой нацией – независимо от этнической принадлежности). Политическая программа НТС подразумевала также наличие твердой надклассовой и надпартийной центральной власти, обеспечение личных свобод и равенства всех перед законом, свободу экономических отношений и неприкосновенность частной собственности, а также «здоровый национальный эгоизм» во внешней политике. По своему составу НТС не был однороден – наряду с амбициозными лидерами в его рядах было немало честных молодых людей, просто желавших добра России. Однако, логика борьбы вела к тому, что многие члены НТС, главным образом, среди руководства, в той или иной форме сближались с силами, враждебными Советской России. Это признавали и сами члены НТС. Поэтому в целом политическим взглядам солидаристов был свойственен антикоммунизм, и своей генеральной задачей НТС считал подготовку в России «национальной революции против большевистского режима». Во время Второй мировой войны одни активисты НТС пытались установить контакты с Российской освободительной армией (РОА) Андрея Власова; другие создавали подпольные организации на оккупированных Германией территориях. Ни те, ни другие особых успехов не достигли, а, напротив, вызвали репрессии против НТС. По окончании войны представители западных держав увидели в НТС надежного союзника в борьбе с коммунизмом и приложили немало сил к возобновлению его деятельности. С 1949 г. НТС начал выпускать на территории Западной Германии журналы «Посев» и «Грани».¹

¹ Подробнее см.: Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окорочков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 63–70.

Как свидетельствуют источники¹, Северо-Западной Африке отводилась заметная роль в разработанной НТС стратегии антисоветской деятельности. Как французы во время Второй мировой войны, активисты русских эмигрантских политических центров в Европе рассматривали Алжир и Марокко в качестве резервной территории на случай эскалации международной напряженности и начала Третьей мировой войны. В 1948 году, например, уже рассматривался вопрос о том, чтобы перенести выпуск журнала «Посев» из Парижа в Алжир. Обосновывая это предложение, один из лидеров Французского отдела НТС Р.П. Рончевский² объяснял: *«Место совпадает со стратегическим планом на случай драки»*³.

Выше уже упоминалась информационная справка о ситуации в Танжере, найденная в архивном фонде издательства «Посев» среди других материалов, посвященных оперативной работе НТС в годы холодной войны. Совершенно очевидно, что русских антикоммунистов привлекало стратегически важное положение этого города и его особый статус международной зоны, восстановленный в 1945 году. Своей целью они ставили создание в непосредственной близости от Европы новой базы

¹ Большинство архивных материалов в этой книге, которые касаются деятельности НТС, ввел в научный оборот российский исследователь А.В. Антошин. В соавторстве с ним написана одна из наших статей. Заслуживает внимания также статья, в которой идет речь об антисоветской пропаганде в другой – восточной – части Арабского мира, а именно в Ливане, где в Бейруте и Триполи в тот же период действовали ячейки НТС. См.: Антошин А.В., Сарабьев А.В. Ливан начала 1950-х гг. Глазами русских эмигрантов-антикоммунистов // *Восток-Oriens*. 2015, № 4. С. 59–71.

² Рончевский Ростислав Петрович – участник Белого движения. В составе частей полковника М.Г. Дроздовского совершил переход из Румынии на Дон. Воевал в рядах Дроздовской артиллерийской бригады. В эмиграции – во Франции, организатор и лидер Лионского отделения НТС. В 1940-е гг. жил в Париже.

³ Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv (FSO UB. HA). F. 98. Папка «Переписка с Французским отделом». Р.П. Рончевский – В.Д. Поремскому. 01.11.1948.

антикоммунистической деятельности. Предполагалось, что в случае необходимости можно будет оперативно перебросить кадры Союза во Францию или Испанию.¹

В этой книге подробно рассказывалось о том, как большая группа русских эмигрантов, многие из которых принадлежали к НТС, перебралась из разоренной послевоенной Германии через Францию в Марокко. Мой коллега из Екатеринбурга, Алексей Валериевич Антошин, считает, что в данном случае речь может идти о специальной операции руководства Союза (прежде всего его Французского отдела) по переброске кадров организации из Европы в Северо-Западную Африку. Для того, чтобы получить возможность уехать в Марокко, русские эмигранты в конце 1940-х гг. приобретали дефицитные в североафриканской стране профессии землемеров, чертежников, топографов и т. д., специально покупали соответствующее оборудование (в частности, теодолиты), которые впоследствии Французский отдел НТС пытался реализовать в Париже.² Об этом вспоминала и Ольга Маеранова, которая в те годы была маленькой девочкой. *«Тогда французам была нужна какая-то рабочая сила, во всяком случае, такая, чем занимался мой папа – топографы. Папа подходил им по профессии, а остальные еще подучались, потому что среди них были всякие – врачи, инженеры и т. д. Но они все, в конце концов, научились этому делу».*³

Прибытие в Марокко заметной группы политически активных людей существенно повлияло на послевоенную судьбу русской общины в этой североафрикан-

¹ Антошин А. В., Сухов Н. В. Русские эмигранты в Марокко после Второй мировой войны // *Восточный архив*. 2017. № 2. С. 61–76.

² См.: Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Historisches Archiv (FSO UB. HA). F. 98. Папка «Переписка с Французским отделом». М. Д. Одинец – Г. С. Околовичу. 21.05.1948.

³ Из интервью Крыловой Н. Л. с Ольгой Маерановой. Октябрь 2008 г. Париж. Не опубликовано.

ской стране. В Касабланке, Рабате, Марракеше, Сафи сложились группы НТС, что привлекло внимание как «старой эмиграции», так и французских властей.

Доступные нам исторические источники позволяют понять идейно-политическую атмосферу внутри этой части русской колонии в конце 1940-х – середине 1950-х годов и охарактеризовать протекавшие там процессы. Интересные документы по этой теме хранятся в американских, европейских и российских архивах. Например, в Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США (Вашингтон), в фонде известного русского монархиста Б.Л. Бразоля хранится несколько писем, полученных от адмирала А.И. Русина¹, одного из наиболее уважаемых членов русской общины в Марокко. Его окружение в основном составляли представители первой волны эмиграции, считавшие себя преемниками традиций Белого движения. Как показывает переписка адмирала, в основном он общался с Ириной Георгиевной Берхман (дочерью генерала Г.Э. Берхмана, командовавшего Кавказским корпусом в годы Первой мировой войны, участника Сарыкамышской операции) и представителем Русской зарубежной церкви протоиереем Митрофаном Зноско-Боровским². Все это были люди, проникнутые духом *«большой религиозности, морали, па-*

¹ Русин Александр Иванович (1861–1956). Окончил Морское училище, гидрографическое отделение Николаевской Морской академии, Артиллерийский офицерский класс. Служил на Балтийском флоте и на Дальнем Востоке. В 1899–1904 гг. – морской агент в Японии. Участник русско-японской войны и переговоров о заключении Портсмутского мира 1905 г. В 1905–1907 гг. – командир эскадренного броненосца «Слава». В 1907–1908 гг. – исполняющий должность начальника Николаевской Морской академии. В 1909–1913 гг. – директор Морского корпуса. В 1914–1917 гг. – начальник Морского Генерального штаба. Адмирал (1916). В эмиграции во Франции, с 1939 г. – в Марокко. Умер в Касабланке.

² См.: Library of Congress. Manuscript Division (Lo C. MD). The papers of Boris Brasol. Box 4. Folder “Political correspondence. 1950–1952”. А. Русин – Б.Л. Бразолю. 12.02.1951.

триотизма, государственности», как отмечал в одном из писем старый русский адмирал¹.

Очевидно, что появление в этой консервативной среде молодых энергичных членов НТС, часть из которых к тому же были в прошлом советскими гражданами, не могло не вызвать конфликтных ситуаций. В коллекции известного меньшевистского историка Б.И. Николаевского, которая хранится в Гуверовском архиве войны, революции и мира (университет Стэнфорд, США), в свое время А.В. Антошину удалось найти письмо лидера Североафриканского отдела НТС Е.И. Гаранина², написанное в 1949 г. Из этого документа следует, что антикоммунистическая агитация членов НТС в Марокко с самого начала привела к конфликтам с представителями сложившейся за предшествующие десятилетия русской колонии и вызвала недовольство французских властей. Летом 1949 года совещание при заместителе директора тайной полиции Марокко приняло решение о высылке с территории протектората группы русских эмигрантов: известных деятелей НТС Е.И. Гаранина и А.С. Парфенова³, а также одного из лидеров

¹ См.: Lo C. MD. Poushkin society in America records. Box 2. Folder "General correspondence. 1951–1952". А. Русин – Б.Л. Бразолю. 29.04.1951.

² Гаранин Евгений Иванович (наст. фамилия Синицын) (1915–1973). Родился под Москвой. Получил высшее юридическое образование, служил в прокуратуре. Во время Второй мировой войны – командир разведки стрелкового полка. В 1942 г. попал в плен, находился в лагерях для военнопленных в Польше. С 1943 г. – член НТС. Главный прокурор армии Власова. После войны – в лагере Менхегоф (Германия), затем – в Марокко. В 1950-е – начале 1970-х гг. – в ФРГ: член Совета НТС, руководитель сектора оперативной пропаганды НТС, сотрудник радио «Свобода». Умер в Мюнхене.

³ Парфенов Александр Семенович (1895–1961). Родился в Оренбурге. Инженер. В 1942 г. под Харьковом попал в плен. Находился в лагерях военнопленных. С 1943 г. – в НТС. Служил в армии Власова. После войны – в лагере Менхегоф (Германия), затем – в Марокко. Работал землемером. С 1953 г. – в ФРГ, работал в секторе пропаганды НТС, в редакции «Посева». Умер во Франкфурте-на-Майне.

местной Казачьей станицы художника Н. Мишаткина.¹ Юридическим основанием для высылки стала информация о том, что указанные выше люди при въезде на территорию Марокко сообщили ложные сведения о своей деятельности в СССР. Фактически же, полагал Е.И. Гаранин, *«нам просто не доверяют и не желают иметь в Марокко людей, занимающихся не только политической, но и общественной деятельностью... В основе этого решения лежат доносы, инспирируемые советской агентурой»*.²

В материалах упомянутого выше бременского архива, в фонде издательства «Посев», хранится составленная деятелями НТС «Памятная записка», где вина за эту акцию французских властей возлагается на известного эмигрантского философа, литературоведа и публициста Н.П. Полторацкого, названного «игрушкой в руках советской агентуры». Эта характеристика в гораздо большей степени описывает авторов записки, в любом враждебном проявлении видевших агентурную работу советских спецслужб. Трудно поверить, что сын белого офицера, родившийся в Стамбуле в 1921 году, получивший классическое образование в русской Софийской гимназии, а затем на славянском факультете Софийского университета, окончивший Высшую школу теологии и фи-

¹ Мишаткин Николай Федорович (1911, ст. Кременецкая Кубанской обл. – 17.06.1973, Сан-Пауло, Бразилия). Художник-график, писатель. Казак Великого войска Донского. Окончил Художественный институт по классу графики. Участник Второй мировой войны. В 1942 г. оказался в немецком плену. В 1948 г. эмигрировал в Марокко. Жил в Бурназеле. Работал чертежником, сотрудничал в местной французской прессе, в газете «Русская мысль», рисовал политические карикатуры. В 1951 г. получил первую премию на конкурсе художников плакатов в Марракеше. Создал выжженные по дереву аналойные иконы Спасителя и Божьей Матери и пожертвовал их храму в Бурназеле. С 1951 г. жил в Бразилии. Сотрудник антисоветского центра в Сан-Пауло.

² Hoover Institution Archive on War, Revolution and Peace (HIA). Boris I. Nicolaevsky collection. Ser. 248. Box 480. Folder 6. Е.И. Гаранин – Б.И. Николаевскому. 05.08.1949.

лософии в Регенсбурге (Германия), и выступавший в Марокко от имени монархических организаций, стал в одностороннее советской марионеткой. Кстати, прибыв в Марокко в 1948 г. в составе большой группы русских Ди-Пи из лагерей в Германии, Н.П. Полторацкий в дальнейшем был резко против приезда в Марокко и Митрофан Зноско-Боровского. Более того, Н.П. Полторацкий был связан с капитаном Фоссом (он же К.А. Александров), который в 1930-х годах возглавлял в Болгарии так называемую «Внутреннюю линию» РОВС – своеобразную эмигрантскую контрразведку, пытавшуюся бороться против советских агентов. В годы Второй мировой войны Фосс занимал активную пронацистскую позицию, даже получил Железный крест 1-й степени. После войны, по некоторым данным, он начал сотрудничество с американской разведкой в Мюнхене¹. Именно в руки этого человека и попали доносы на группу проживавших в Марокко русских эмигрантов. Через Фосса и разведывательные структуры США данные материалы оказались в Марокко, где, естественно, вызвали интерес у французских властей. Тем более что последние были недовольны неблагоприятной обстановкой, сложившейся в местной русской колонии после приезда в Марокко деятелей НТС. В итоге, стремясь нормализовать ситуацию, французы выслали из Марокко активистов этой организации.

Не менее вероятна во всей этой темной истории версия, что Полторацкий здесь был вовсе и не при чём. Достаточно привести воспоминания очевидца о жизни русских Ди-Пи в пригороде Касабланки. *«Я думаю, что моя семья сознательно переехала из Бурназеля, потому что там жили очень кучно, такой, знаете, деревней. Это мое теперешнее впечатление. Я помню, что мама говорила, что там была такая «каша из советских»: и те, и другие, которые бежали. И так как мои*

¹ См.: FSO UB. HA. F. 98. Памятная записка.

*родители никакими сплетнями не занимались никогда, а там писались всякие доносы в полицию: многие там после Советского Союза бежали, и никто никому о себе не говорил, так, кое-что знали...».*¹ Донос, по советской привычке, мог написать любой, пожелавший выслужиться перед французской администрацией.

Как известно, на этом деятельность НТС в Марокко не прекратилась. Об этом свидетельствует переписка многолетнего лидера НТС В.М. Байдалакова² с проживавшими в 1950-е гг. в Марокко русскими солидаристами, которая хранится в Отделе специальных коллекций Библиотеки Джорджтаунского университета (Вашингтон, США). Из неё следует, что структуры НТС существовали в ряде марокканских городов. Более того, по сравнению с группами НТС на других континентах, например, в США или Австралии, организации Союза в Марокко отличались «крепким духом» и «спайкой»³, среди их членов было немало активных антикоммунистов. На это обращали внимание практически все представители союзного «Центра», приезжавшие в Марокко из ФРГ, например, сам Байдалаков и А.Н. Артемов,⁴

¹ Из интервью Крыловой Н.Л. с Ольгой Маерановой. Октябрь 2008 г. Париж. Не опубликовано.

² Байдалаков Виктор Михайлович (1900–1967). Родился в Области Войска Донского. В 1918 г. пошел добровольцем в белые казацкие войска, ранен, за боевые заслуги произведен в офицеры. В 1920 г. с Белой армией эвакуировался в Галлиполи, затем выехал в Сербию. Окончил химический факультет Белградского университета. Один из основателей и многолетний председатель НТС. В 1955 г. с группой своих сторонников вышел из НТС. Умер в США.

³ См.: Georgetown University Library. Special collections (GUL. SC). The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 1. А.Н. Артемов – В.М. Байдалакову. 24.04.1953.

⁴ Артемов Александр Николаевич (наст. фамилия Зайцев) (р. 1909). Родился в Рязанской губ. в семье служащего. Окончил бухгалтерские курсы в Ростове-на-Дону, биологический факультет МГУ. Исключался из ВЛКСМ. Учился в аспирантуре по промышленной микробиологии. Призван в РККА, старший лейтенант. В 1941 г. попал в плен. Содержал-

«инспектировавшие» марокканские группы НТС в 1952–1953 годах.¹ При этом, уже к 1952 году и лидерам Марокканского отдела, и эмиссарам «Центра» стала очевидна специфика тех условий, в которых в вынуждены были действовать местные группы НТС: *«Марокко оказалось глубокой провинцией. Режим оккупации не позволяет выступлений во вне»*.²

Основным центром деятельности НТС в Марокко в 1950-е годы была Касабланка. Здесь постоянно проживало около 30 солидаристов (как старых, вступивших в Союз еще в 1930-е гг., так и молодежи, в годы войны связанной с армией Власова). В праздничные дни, в период летних отпусков в Касабланку стекались работавшие в марокканской провинции другие члены НТС. Именно отсюда руководство отдела пыталось координировать работу групп Союза в Марракеше, где большую роль играла Е.Р. Миркович³, Рабате и Сафи. По данным руководства НТС в Марракеше и Рабате жило по четы-

ся в лагерях военнопленных, вступил в НТС. С 1943 г. – преподаватель школы пропагандистов в Дабендорфе. После войны – в лагере Менхегоф (Германия). Был редактором журнала «Посев», многие годы – член Совета НТС. В 1972–1984 гг. – председатель НТС.

¹ См.: GUL. SC. The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 1. А.Н. Артемов – В.М. Байдалакову. 27.03.1953; Байдалаков В.М. По союзным группам на трех континентах // *За Россию*. Франкфурт-на-Майне, 1952. № 1–2. С. 5; Артемов А.Н. Союзное Марокко // *За Россию*. 1953. № 4. С. 6.

² См.: FSO UB. HA. F. 98. Протоколы съезда Совета НТС в январе 1952 г. Л. 15.

³ Миркович Елизавета Романовна (урожденная баронесса фон Кнорринг) (1918–1994). Родилась в Киеве. В 1920–1930-е гг. в эмиграции в Берлине. Окончила университет. В НТС – с 1938 г. Во время войны приехала с мужем в оккупированный немцами Днепропетровск, создала группу НТС. В 1947 г. уехали в Марокко. Жили сначала в Бурназеле, затем в Марракеше. Преподавала русский язык и русскую историю детям Общины в Марракеше. В 50-е годы жила с семьей в Марракеше. Принимала участие в организации новогодних елок для детей общины Марракеша. В 1956 г. вернулась в Германию на работу в системе НТС. Работала на радиостанции, ориентированной на Группу советских войск в Германии, в Закрытом секторе НТС. Редактор «Посева». Член Совета НТС в 1971–1994 гг.

ре члена НТС; кроме того, 50–60 человек значились как «одиночки», то есть отдельные члены Союза, разбросанные по всей марокканской «глубинке».¹

Марокканскому отделу НТС удалось в 1952 г. даже начать издание своего журнала, получившего название «Африканские записки». Для Марокко, да и для других стран Северной Африки, русский журнал был уникальным явлением. Главная заслуга в этом принадлежала бывшему белому офицеру Е.В. Каликину², ставшему главным редактором и основным публицистом этого издания. В своих статьях он продолжал отстаивать те ценности российской государственности, которые лежали в основе Белой идеи. *«Существовала, существует и будет существовать Россия, которую мы называем вечной»* – писал он в 1956 году. Листая пожелтевшие страницы журнала, получаешь представление о том, как воспринимали события в России и в мире жившие в Марокко русские эмигранты. В начале 1950-х годов в условиях резкого обострения международной напряженности, связанного с Корейской войной, они испытывали эйфорию: *«Что революция в России – реальная возможность, мы можем говорить теперь на основании нашего опыта»*.³ «Африканские записки» явно выдавали за желаемое распространенность антисоветских настроений среди населения СССР.

¹ См.: FSO UB. HA. F. 98. Схема организации НТС. 1952 г.

² Калинин Евгений Васильевич (1896–1958). Родился в Минске. Учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. В 1916 г. призван в армию, окончил школу прапорщиков. В годы Гражданской войны – офицер 7-го Камышловского полка горных стрелков армии А.В. Колчака. Попал в плен к красным, находился в заключении. В 1920 г. призван в Красную Армию для участия в войне с Польшей. Бежал, оказался в эмиграции. В 1920–1930-е гг. – в Чехословакии, работал в Русской юридической комиссии Земгора, публиковался в эмигрантской печати. В 1930-е гг. вступил в НТС. В 1940-е – 1950-е гг. – в Марокко.

³ См.: Африканские записки. Касабланка, 1952. № 1. С. 6.

Некоторые проживавшие в Марокко члены НТС в этот период добивались права поехать в Европу, «в Центр», для ведения активной антисоветской работы. Известно, что в то время в Альпах действовали организованные ЦРУ базы по подготовке диверсантов для заброски в советский тыл. Наибольший наплыв желающих попасть на обучение в эти центры наблюдался в 1953 году, после смерти Сталина, когда многим эмигрантам-антикоммунистам казалось, что необходимо сделать решающее усилие для падения существовавшего в СССР режима. Долго добивался возможности переехать в Европу и лидер Марокканского отдела НТС Георгий (Юрий) Петрович Жедилягин¹. Для этого ему даже пришлось бросить фирму, которой он владел в Марокко. После отъезда Г.П. Жедилягина новым лидером Марокканского отдела был назначен В.З. Сорокин².

Надежды антикоммунистов на крушение коммунистического режима в России после смерти Сталина оказались беспочвенными. К тому же приезжавшие в Европу с других континентов деятели НТС оказывались втянуты в ту борьбу, которая проходила в руководстве

¹ Жедилягин Юрий Петрович (р. 1921). Родился в Югославии в семье врангелевского офицера. Окончил кадетский корпус и Белградский университет. С 1939 г. – в НТС. В годы войны – на оккупированных Германией территориях СССР, создал группу НТС в Вязьме. В июле 1947 г. Жедилягины переехали из лагеря в Германии в Касабланку. Жил с семьей в Бурназеле, затем в Марракеше. Активист церковной общины в Касабланке. Подарил общине столы и стулья для занятий с детьми. Помогал в издании «Приходского листка». В 1953 г. безвозмездно произвел ремонт в квартире настоятеля общины. Внес 10000 франков на строительство Успенского храма в Касабланке. В Марокко Юрий Петрович продолжил участвовать в деятельности НТС, так же, как и все члены его семьи. Писал политические и исторические статьи в журнале «Посев».

² Сорокин Виталий Захарьевич. После войны жил в лагере Менхегоф. Художник-карикатурист. Эмигрировал в Марокко. Жил в Бурназеле. В списке прихожан Успенского храма в Касабланке в 1949 г. Крестный отец Колтовской Марии Митрофановны, род. 14.05.1949 г. В 1954 г. руководитель марокканского отдела НТС.

Союза в начале 1950-х годов. Уже в 1954 году Г.П. Жедилягин вместе с супругой вынуждены были вернуться в Марокко. Они очень тяжело переживали возвращение из бурной Европы в политическое «захолустье», каким было Марокко 1950-х гг. *«Я лично чувствую себя теперь, как в ссылке. Особенно теперь, когда все больше обостряется борьба, и от Союза требуются все новые усилия, сидеть тут – мучение»*, – писал он руководству НТС.¹

В бременском архиве, который исследовал А.В. Антошин, хранятся протоколы съездов Североафриканского (август 1953 г.) и Марокканского (сентябрь 1954 г.) отделов НТС, состоявшихся в Касабланке. Они позволяют понять, какова была атмосфера внутри организаций НТС в Марокко к середине 1950-х годов. Картина складывалась весьма противоречивая. С одной стороны, лидеры русских солидаристов в Марокко убеждали находившееся в ФРГ руководство НТС в том, что «общее настроение в отделе вполне здоровое и единое».² С другой стороны, изучение архивных документов показывает, насколько велика была дистанция между той картиной, которую рисовал знаменитый «Посев», и исторической реальностью. Сами деятели НТС признавали, что им не всегда хватало сплоченности, которая была необходима для эффективной антикоммунистической деятельности. Главное заключалось, по заявлению одного из деятелей НТС Г.А. Ляковского, в *«отсутствии среди союзников спайки и дружбы, в исчезновении у нашей среды союзного духа. Есть отдельные группы союзников, спаянные между собой личной дружбой, но нет дружного союзного коллектива, общесоюзной семьи. Если кто попадет в беду, то он не находит дружной помо-*

¹ GUL. SC. The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 2. В. и Ю. Жедилягины – А. Н. и В.М. Байдалаковым. 23.04.1954.

² GUL. SC. The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 1. Е. Гаранин – В.М. Байдалакову. 19.08.1953.

щи союзников»¹. Старый член Союза, вступивший в него еще в 1930-е годы в Польше, Г.А. Лясковский с огорчением восклицал: «Неужели нельзя создать семейную спайку?». А ведь именно «союзный дух», тесно связанный с идеологией солидаризма, и был тем, о чем всегда с гордостью заявляли деятели НТС. Как мы уже отмечали, приезжавшим из Европы лидерам НТС казалось, что эти черты сохранились в марокканских группах Союза, менее затронутых прагматизмом и коммерциализацией, которые становились все более характерны для деятельности НТС в Европе и Америке. Однако постоянные заявления лидеров Марокканского отдела о необходимости культивирования этого духа свидетельствовали о том, что и в северо-западной Африке далеко не все члены НТС на практике разделяли коллективистские принципы. Многие, как выясняется, пытались «отсидеться», дожидаясь, как заметил один из членов НТС в Марокко, когда их будут «ловить», «нагружать работой, напоминать о нагрузке, проверять выполнение и т. п.»². Как выяснилось из докладов участников съезда 1953 года, процент реально выполненных союзных поручений был весьма невелик. Причем об этой проблеме говорилось практически на всех форумах НТС в Марокко в те годы, но ситуация не менялась.

Как показывают архивные документы, многие проживавшие в Марокко русские эмигранты формально относились к своему членству в НТС. В 1954 году вновь назначенный руководитель Марокканского отдела В.З. Сорокин обнаружил, что: *«Работает действительно человек 10–15 из 39, а остальные платят членские взносы»*³. Однако и проблема уплаты взносов стояла

¹ См.: FSO UB. НА. F. 98. Протокол 4-го съезда Северо-Африканского отдела НТС. Касабланка, 24.08.1953. Л. 2–3.

² См.: Там же. Л. 2.

³ См.: Там же. Протокол Общего съезда членов НТС Марокканского отдела. 05.09.1954. Л. 2.

весьма остро. Как указывал Е.В. Калинин, этот вопрос в условиях эмиграции носил не формальный, а принципиальный характер, т.к. от этого зависело существование организации. *«Самое страшное явление в нашей эмиграции, – подчеркивал старый белый офицер, – то, что иностранцы всегда стараются купить наши организации»*.¹ Для того, чтобы быть реально независимыми, нужны были деньги, а их-то и не было. При этом, как с возмущением отмечалось на съезде 1953 года, в Марокко некоторые члены НТС не платили взносы, одновременно приобретая недвижимость.² В этих условиях уходили на второй план даже моральные аспекты, тот самый «союзный дух», на отсутствие которого сетовали на съездах.

Как выясняется, проживавшие в Марокко солидаристы нередко формально относились и к проводимым НТС кампаниям, например, по сбору средств в помощь товарищам, проживавшим в разоренной войной Германии. Уже упоминавшийся Г.А. Ляковский с возмущением заметил по этому поводу: *«При сборе вещей в Германию надо не забывать, что одежду должны носить люди»*. Он просил *«не давать тряпки, годные только для мойки полов»*.³

В доступных исследователю материалах съездов Североафриканского и Марокканского отделов НТС отмечалась необходимость активизировать работу с эмигрантской молодежью, вовлекать ее в антикоммунистическую деятельность. Совсем молодые ребята, прошедшие школу юношеских эмигрантских организаций⁴ (скауты, «витязи» и т.д.) призваны были заменить тех

¹ См.: Протокол 4-го съезда Северо-Африканского отдела НТС. Касабланка. 24.08.1953. Там же. Л. 4.

² См.: Там же.

³ См.: Там же. Л. 2–3.

⁴ См.: GUL. SC. The Victor M. Baydalakoff collection. Box 10. Folder 1. В.М. Байдалаков – Г. Бердникову. 28.01.1952.

молодых людей, кто в начале 1950-х гг. уехал из Марокко в Европу, на «фронт» холодной войны. Несмотря на существовавшие при этом нюансы в целях,¹ главное, ради чего объединялись эмигранты, покинувшие в разное время, кто послереволюционную Россию, а кто – Советский Союз в ходе войны, заключалось в стремлении воспитать своих детей русскими, причем воинствующими антикоммунистами.² Идеологическая воспитательная работа в ОРЮР велась с детьми, начиная с возраста десяти-двенадцати лет, чтобы, повзрослев, они могли пополнить ряды членов НТС. Из документов НТС следует, что его лидеры продолжали придерживаться линии на свержение существовавшего в России политического режима, и в этом духе старались воспитывать свою молодежь. В то же время, их высказывания, зафиксированные в протоколах съездов, пронизаны пессимизмом, пониманием, что для реализации таких планов у организации нет сил. Так, В.З. Сорокин отмечал на съезде в 1953 году: *«Работа с молодежью важна, но в настоящее время у нас нет возможности заниматься с детьми 10–12 лет. Нет времени и нет подходящих для этой работы союзников. У нас не делается даже более необ-*

¹ Эмигранты первой волны были большими патриотами, они ожидали скорого падения коммунизма и были полны решимости бороться с ним и вернуться в Россию для ее возрождения. У них была уже готовая молодежная организации, основанная в 1909 году, – скауты, официальным главой и покровителем которых являлся цесаревич. В изгнании появилось несколько новых организаций, в различной степени патриотических и военных (например, движение «Витязь» и русское православное студенческое движение, отчасти основанное на модели YMCA). Эмигранты второй волны были лично знакомы с коммунизмом и не питали таких надежд на его скорое падение; они гораздо более критически относились к дореволюционному прошлому, среди них было меньше монархистов; однако, они были еще больше настроены против коммунизма, из личных и патриотических соображений. Они также хотели воспитать своих детей русскими, причем воинствующими русскими // Шлиппе, Ирина фон. Кризис изгнания...

² Там же.

*ходимая и важная работа»*¹. К тому же, серьезные проблемы существовали даже в уже существующих молодежных структурах. Как утверждалось, многие члены таких групп формально относились к своему членству, посещаемость собраний молодежных звеньев НТС в Марокко часто не превышала 30% от общего числа их членов.²

Однако эти свидетельства не могут подвергнуть сомнению тот факт, что детские и молодежные организации сыграли большую роль в жизни русской эмиграции в Марокко. Формированию русского национального самосознания и патриотических настроений среди молодежи способствовали не только встречи в церкви и четверговые занятия. В частности, родители поощряли участие своих детей в их деятельности скаутских союзов или организации «Витязи».

Деятельность руководителей этих структур была обусловлена не только любовью к детям, но и осознанием того, что нельзя допустить растворение русской молодежи во французской среде³. Сборы, походы, а главное — летние лагеря, проводимые на самые скудные средства, создавали для молодежи ту среду, в которой она сохраняла свой язык и национальную идентичность.

Об этом свидетельствуют мемуары членов Организации российских юных разведчиков (ОРЮР) и участников летних скаутских лагерей в Марокко. Людмила Оболенская-Флам, Ирина Короленко и Ирина фон Шлиппе, будучи молодыми девушками и подростками, посещали различные курсы, работали на американской

¹ FSO UB. HA. F. 98. Протокол 4-го съезда Северо-Африканского отдела НТС. Л. 4.

² См.: Там же. Л. 1.

³ «Примером такой опасности были дети наших знакомых старожил в Рабате. Слушая увертюру Чайковского «1812 год», они вскакивали с мест и становились навтыяжку при звуках «Боже, Царя храни», но по-русски почти не говорили, а паспорта у них были советские». См.: Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции.

авиабазе, телеграфной компании, но их «главная энергия уходила на работу с русскими скаутами, состоявшими в ОРЮР».¹ И. фон Шлиппе вспоминает: «В летние каникулы устраивались скаутские лагеря. Для их финансирования, а также для помощи бедным, благоустройства храма, для поездок священника и псаломщика по всей стране – окормляли глухую провинцию – и для многого другого устраивались благотворительные елки, концерты, в 1950-е годы даже балы».² Членство в ОРЮР многое дало «малолетним взрослым», прошедшим основательную жизненную школу войны и беженства. «Скаутские лагеря – прекрасная школа для закалки характера» – с полным основанием сказала Ирина фон Шлиппе, а тогда – Ириша Шимановская, выступая в Москве в 2012 году.³ Эти свидетельства непосредственных участников событий позволяют говорить о том, что алармистские настроения ряда руководителей НТС были не совсем обоснованными. С другой стороны, объективные условия проживания в Марокко – бытовая неустроенность, необходимость напряженно учиться на чужом языке, браться за любую работу, в конце концов, выжить и добиться определенного места в обществе определяли пассивное отношение части русской молодежи к деятельности НТС.

Находившиеся в Марокко члены НТС обсуждали и конкретные планы свержения существовавшего в СССР режима. В августе 1953 г., через полгода после смерти Сталина, «русским марокканцам» представлялось наиболее важным склонить на сторону антикоммунистов войска МВД в Москве, что могло бы способствовать взятию власти в Кремле. Впрочем, они сами понимали, что реальных рычагов влияния на ситуацию в СССР у них практически нет. «Мы сегодня еще слиш-

¹ Там же.

² Шлиппе, Ирина фон. 27 стран...

³ Там же.

ком слабы, чтобы определить час восстания»¹, — прямо заметил представитель Северной Африки в руководстве НТС Е.И. Гаранин.

Естественно, члены Марокканского отдела не могли оставаться в стороне от внутрисююзных противоречий, которые в итоге привели к расколу НТС в 1950-е годы. Поколение старых эмигрантов таких, как Е.В. Каликин, выступали против нового руководства НТС, пришедшего к власти в Союзе после Второй мировой войны. Они заявляли о перерождении НТС, забвении национал-патриотических принципов Белой идеи, лежавших в основе идеологии Союза в 1930-е годы. Свои сомнения в том, что европейское руководство НТС повело Союз по правильному пути, Е.В. Каликин выразил в 1952 году в письме В.М. Байдалакову. *«У меня создалось впечатление, что понятие «национальный» в имени Союза ставится под вопрос... Основоположники Союза глубоко чувствовали эти понятия, и они для них являлись основными и принципиальными... Все это чрезвычайно дорого, реально дорого... Слово «национальный» для основоположников Союза означало также и то, что Россия должна прежде всего устроить, как следует, свой собственный дом, свою собственную жизнь и, таким образом, если угодно, выполнять свою общечеловеческую миссию, давая пример другим»*.²

Оказавшиеся в Марокко русские эмигранты с тревогой читали доходившую до них прессу НТС, выходившую в Европе. На ее страницах разворачивались дискуссии, в ходе которых подвергались сомнению и даже пересмотру принципиальные идеологические установки. Постепенно на второй план уходили морально-нравственные нормы, которые были чрезвычайно важ-

¹ FSO UB. HA. F. 98. Протокол 4-го съезда Северо-Африканского отдела НТС. Л. 5.

² GUL. SC. The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 1. Е. Каликин – В.М. Байдалакову. 28.12.1952.

ны для основателей Союза. Ставка делалась на прагматизм. Тех, кто сохранил верность Белой идее, это не могло устраивать. Работавший в Марокко в бригаде топографов Б.Ю. Брюно¹ писал в январе 1953 года, что опасается за будущее НТС: *«Как бы не вытравилось из него все ценное, не опростился бы он, нисходя до уровня активной политической партии зарубежья»*.² Уже через два года после этого Е.В. Каликин категорически заявит: *«Судя по всему, НТС перестает существовать»*.³ В конечном итоге все это привело к тому, что некоторые солидаристы покинули ряды НТС. Выражая взгляды своих единомышленников в Марокко, Е.В. Каликин в середине 1950-х годов стал публиковаться в нью-йоркском журнале «Трибуна свободных солидаристов», на страницах которого продолжал отстаивать ценности российской государственности: *«Существовала, существует и будет существовать Россия, которую мы называем вечной»*.⁴

Именно редактор «Трибуны свободных солидаристов», известный в прошлом деятель НТС Б.В. Прянишников⁵, проживавший в США, стал одним из тех,

¹ Брюно де ла Форж Борис Степанович (1910–1995). Родился в офицерской семье в г. Петровск-Порт (ныне Махачкала). В 1919 г. поступил во Владикавказский кадетский корпус, с которым эвакуирован в Константинополь. Окончил кадетский корпус в Югославии. С 1930 г. – член НТС. Известный в Югославии эстрадный певец. Во время войны ездил с артистической группой по лагерям «остарбайтеров». После войны заведовал театром в лагере Менхегоф (Германия). С 1946 г. работал топографом в Марокко, с 1963 – в США: работал на заводе, затем в библиотеке Стэнфордского университета. Принимал активное участие в деятельности НТС в США. Похоронен в Ново-Дивеево близ Нью-Йорка.

² Там же. Б. Брюно – В.М. Байдалакову. 31.01.1953.

³ См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10032. Оп. 1. Д. 45. Л. 66.

⁴ Каликин Е. О глубинных причинах, вызвавших к жизни НТС // *Трибуна свободных солидаристов*. Нью-Йорк. 1956. № 2. С. 34.

⁵ Прянишников Борис Витальевич (1902–2002). Родился в станице Новочеркасской в семье казачьего офицера. Из дворян Области Войска Дон-

с кем делился своими сокровенными мыслями Е.В. Каликин в последние годы жизни. Большой массив их переписки хранится в Государственном архиве Российской Федерации. Оба бывших русских офицера отрицательно относились к зависимости послевоенного руководства НТС от американцев, прежде всего, от ЦРУ. Характерная мысль содержится в одном из писем Каликина своему другу: *«Эти деньги для «Посева» ... Кто их дает? Не те ли же круги, что раньше давали Троцкому с Лениным...»*.¹ Отсюда вытекала проблема: допустимо ли по морально-этическим соображениям использовать эти средства в антикоммунистической деятельности? По мнению эмигрантов, послевоенное руководство НТС не было отягощено такими сомнениями, его составляли в тот период «ловкие дельцы без моральных принципов». *«Весьма возможно, – отмечал он, – что эти лица совершенно искренне ненавидят большевиков, но мало ли кто и почему большевиков ненавидит. Личный момент у этих лиц на первом месте...»*.² Е.В. Каликин не питал особых иллюзий в отношении тех принципов, которыми руководствовались США в своей внешней политике. Его мнение формировалось, в том числе, и на основе тех наблюдений, которые он сделал в Марокко в 1950-е годы, когда американские спецслужбы поощряли марокканское национально-освободительное

ского. Учился в Донском Императора Александра III кадетском корпусе в Новочеркасске. Летом 1918 г. вступил добровольцем в партизанский отряд Белой армии. Участник Второго Кубанского похода Белой армии. Награжден георгиевской медалью и георгиевским крестом 4-й степени. Участник обороны Крыма белыми, ранен. В эмиграции – в Болгарии. С 1933 г. – член НТС. В годы Второй мировой войны – на Балканах и в Германии, подписал власовский манифест 1944 г. После войны – в Германии, с 1949 г. – в США. В 1954 г. вышел из НТС.

¹ ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 46. Л. 37.

² GUL. SC. The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 4. Е. Каликин – В.М. Байдалакову. 29.08.1955.

движение, стремясь вытеснить Францию из Северо-Западной Африки.

Наряду с идейными антисоветчиками, прибывшими в Марокко в составе второй волны эмиграции, таковыми себя считали и многие «белые русские» – эмигранты первой волны, сохранявшие свои монархические убеждения. Достаточно вспомнить общепризнанных лидеров общины адмирала А.И. Русина и княгиню В.В. Урусову... Подобно тому, как это происходило на покинутой родине, убеждения вносили раздоры, а иногда и раскол, в отношения между членами одной семьи. В качестве примера можно привести уже упоминавшуюся семью Заушкевичей-Ус. Сергей Андреевич Заушкевич¹ был офицером российского императорского флота, его шурин и тезка Короткевич со своими братьями – тоже. Все вместе, а также их родители, жили и работали в центре добычи фосфатов, в городе Хурибга. Когда в марте 1925 г. к нему приехала жена с младшей дочерью Тамарой, оказалось, что годы детства и юности, проведенные в советской России, не прошли для последней даром. В двенадцатилетнем возрасте Тамара рассталась с отцом, и старшим братом Борисом, оставшись с матерью на охваченном гражданской войной Юге России. Им удалось вернуться в Петроград, где с 1919 по 1924 г. Тамара училась в Советской единой трудовой школе. В сентябре – ноябре 1924 г. она прослушала Метрологические курсы при Главной палате мер и весов, получив

¹ Заушкевич Сергей Андреевич, род. 1881. Морское инженерное училище 1903. Капитан 2-го ранга. В Вооруженных силах Юга России по ведомству морского министерства. Эвакуирован из Одессы. Летом 1920 на о. Антигона. В Русской Армии до эвакуации Крыма. На 25 мар. 1921 в составе русской эскадры в Бизерте, 2 сен. 1921 поступил на миноносец «Цериго», нояб. 1921 – янв. 1922 старший инженер-механик того же миноносца. В январе 1922 г. уехал в Марокко; в 1924–1930 гг. член Общества бывших воспитанников Морского инженерного училища в Париже. В 1933–1935 жил в Марокко. Автор статей в «Морском сборнике». См.: Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства: Опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2004.

специальность поверителя поверочных палат. Но стать советским чиновником Тамаре Заушкевич не довелось не только в силу юного пока возраста, но и по семейным обстоятельствам. Ее мать, Вера Платоновна, искала следы мужа и сына и к концу 1924 г. с помощью Красного креста смогла установить их местонахождение. Оба находились в глубинке Марокко, в городке Хурибга, выросшем на разработках фосфатов. Поскольку в разрешении вернуться на родину С.А. Заушкевичу было отказано, мать и дочь выхлопотали себе годовую визу в Марокко (тогда это еще было возможно!) и остались в этой стране. Так в одной семье встретились носители враждебных идеологий. На момент воссоединения семьи отец был членом парижского Общества бывших воспитанников Морского инженерного училища (1924–1930 гг.), работал инженером на электростанции предприятия по добыче фосфатов в Хурибге, занимал общественную должность председателя строительной комиссии по возведению православного храма в Хурибге. Его публикации в «Морских записках» (Нью-Йорк) позволяют судить о том, что он был убежденным монархистом и ярким антикоммунистом. По словам внука, Владимира Ивановича Уса, Сергей Александрович пытался воспитывать его и других внуков в этом же духе, но его «излишняя одержимость» привела к обратному результату.¹ На другом полюсе оказалась его собственная дочь Тамара. На следующий же год по приезду в Марокко она вступила в брак с простым казаком Иваном Усом, что было расценено родными как мезальянс. Советское идеологическое воспитание дало себя знать позже, когда после смерти мужа от рака в 1940 году Тамара Ус стала работать в администрации железной дороги и познакомилась с Виктором Соколовым. Если в первом браке она «... в 1937 г., не желая оставлять детей бесправными апатридами вместе с мужем приняла французское подданство»,

¹ Из беседы автора с В.И. Усом, Москва. 2013.

то через десять лет, во втором браке, она «... 12 марта 1947 г. была восстановлена в Советском гражданстве и в Алжирском консульстве получила советский паспорт за № 2-М.АЛ-32».¹ Излишне говорить, что советское гражданство было принято втайне от французских властей, да и от родственников, поскольку это грозило потерей работы, возможности обучать детей в школе и поражением в правах. После переезда в Рабат в середине 1940-х годов Виктор Соколов и Тамара, которая взяла на тот момент фамилию второго мужа, приняли участие в организации марокканского «Союза Советских граждан». Тамара была выбрана председателем женотдела. После ареста и высылки из Марокко председателя «Союза Советских граждан» с согласия советского консула в Алжире она стала членом бюро «Союза Советских граждан». После закрытия властями протектората этой организации, а также «Союза уроженцев СССР в Марокко», состояла в тройке, руководившей марокканским коллективом советских граждан (!). 10 декабря 1952 г. была арестована французскими властями протектората и выслана из Марокко во Францию. Из Марокко ее отправили одним самолетом с генеральным секретарем компартии Марокко Али Ятой. Через три дня после этой высылки, из Марокко были высланы в ГДР три советских гражданина, в том числе Виктор Георгиевич Соколов – муж Тамары Сергеевны. Вскоре она переехала к нему в Дрезден, где проработала чуть более года на заводе Саксенверк-Нидерзедлиц. В 1955 г. оба переехали из Германии в СССР, в Ташкент к сыну Владимиру Усу. Одним из высланной троицы был бывший корнет Дмитрий Верба. Из найденных в рабатской церкви бумаг известно, что в Марокко он появился в 1938 г., жил в Рабате и упоминается в списках прихожан ещё и в 1948 г. Примерно в это же время он принял советское граждан-

¹ Автобиография Т.С. Соколовой. Дрезден. 20 августа 1955 // Архив семьи Ус, фонд не описан, не опубликовано.

ство. Впоследствии из ГДР вместе с женой уехал в СССР, где следы его теряются...

Именно о них как о «действительной клике советчиков», пытавшихся «захватить в свои лапы то, что создавалось не ими», то есть храм Воскресения Христова в Рабате, писал Арсений Николаевич Приселков, инспектор полиции и член ассоциации «Православная церковь и русский очаг в Марокко» с 01.08.1937 г.¹ Он крайне негативно отнесся к принятию митрополитом Варсонофием советского гражданства, отчего перешел с семьей в состав прихода РПЦЗ. Иллюстрация 23. О «советчиках» в приходе рабатского храма.

Разделительная линия «советский – антисоветский» проходила и через семьи, и внутри русских общин по всему Марокко, что не могло не отражаться на детях. Они ходили в одну школу, играли вместе во дворе, но *«... когда мы ссорились с советскими», мы, например, говорили: «Ты большевик!»*.² Это детское ощущение, что «большевик» – ругательство, присутствовало даже в тех семьях, где родители говорили: *«Ты не забывай, что они – русские»*, или вообще никогда не упоминали «советских».³

Случай Тамары Заушкевич-Ус-Соколовой можно считать уникальным: она приехала из Советской России уже идейно сформировавшимся человеком. Что послужило причиной появления многочисленных «советчиков» в среде русской эмиграции в Марокко в послевоенный период? Кто были эти люди? Ответы на эти вопросы содержатся в устных воспоминаниях о. Анатолия

¹ Отрывок письма А.Н. Приселкова (последняя страница). Архив Воскресенского храма в Рабате. Не опубликовано. Фонд не описан.

² Из интервью Н.Л. Крыловой с Ольгой Маерановой. Октябрь 2008 г. Париж.

³ Там же.

(Раковича),¹ с которым беседовала мой научный руководитель Н.Л. Крылова в 2006 году. *«Я только одно помню, что родители очень возмущались, были опечалены тем, что среди этой «первой» эмиграции было много людей, которые взяли паспорта советские – «первая волна» ... Это одни так считали, как мои родители, а другие брали паспорта, наш Владыко, отец Варсонофий², тоже взял паспорт... И тысячи людей брали паспорта. Потому что была победа русских над немцами, потом призыв Сталина, что все это прощается. И многие уехали. И вот почему они тогда уехали? Потому что была такая вот пропаганда, и потому что никто их не смог разуверить».*³ Итак, подъем патриотических чувств в связи с победой над Германией, конечно, с примесью ностальгии, так присущей эмигрантам «первой волны», и, возможно, чувства реванша за исход Первой мировой войны для России. Совершенно иными соображениями и чувствами руководствовались Ди-Пи, бежавшие от Красной армии через всю Европу в Африку. Даем слово отцу Анатолию: *«И вот «вторая» эмиграция, когда те уезжали, как раз говорила: «Что вы делаете, куда вы едете?».* К несчастью для первых, доводы, основанные на опыте вторых, не имели силы. «Белые русские» в большинстве своем считали вновь прибывших предателями, коллаборационистами, что было верно, может быть, не более, чем наполовину. Здесь уже говорилось и о разнице менталитета, и культурного ба-

¹ Отец Анатолий (Анатолий Ракович) родился в СССР в 1937 году. После войны и скитаний с родителями по Германии переехал в Марокко. Во Францию его семья эмигрировала в 1958 году. В 1964 году рукоположен во диакона, в 1976 году – в священника. В Александро-Невской церкви служит более 40 лет. В настоящее время – настоятель Свято-Александро-Невского кафедрального собора в Париже.

² Об о. Варсонофии подробно рассказывает П.П. Шереметева. См.: Интервью с П.П. Шереметевой, г. Рабат, Марокко, 2007 год.

³ Из интервью Н.Л. Крыловой с отцом Анатолием Раковичем. Церковь Александра Невского на Рю Дарю. Париж. Апрель 2006 года.

гажа представителей двух волн эмиграции, что никак не способствовало взаимопониманию в таком остром вопросе, как возвращение (хотя бы через принятие советского гражданства) на родину. *«... некоторыми эта информация воспринималась, другие ее отвергали, ну, конечно смотрели, я думаю, смотрели на «вторую» эмиграцию некоторые из «первой» отрицательно и, может, с некоторым таким превосходством. Это не совсем красиво было, потому что из «второй» эмиграции – вот, потому важно точную характеристику давать этому времени – не все были депортированы, а многие покинули. Мой отец терпеть не мог красных, мой отец Сталина защищать не хотел».*¹

Без сомнения, пропаганда сыграла большую роль в относительно массовом появлении «советчиков». В Марокко, как ни странно, можно было купить русские книги. *«Был в Касабланке один магазин, где можно было купить книги из Советского Союза. Не «Посева», а именно из советских издательств».*² Активную работу на территории Марокко развернуло советское генеральное консульство в Алжире, направляя туда своих эмиссаров, идеологическую литературу, формируя сеть агентов и сочувствующих.

Идеологические разногласия внутри русской эмиграции обострились в послевоенный период настолько, что привели к расколу православной общины Марокко. Сами прихожане, как следует из бумаг, найденных на территории храма в Рабате, полагали, что *«смерть митрополита Евлогия»*³ (8 августа 1946 года. – Н.С.) вос-

¹ Из интервью Н.Л. Крыловой с отцом Анатолием Раковичем. Церковь Александра Невского на Рю Дарю. Париж. Апрель 2006 года.

² Из интервью Крыловой Н.Л. с Ольгой Маерановой. Октябрь 2008 г. Париж.

³ Митрополит Евлогий (Василий Семёнович Георгиевский; 10 (22) апреля 1868, село Сомово, Одоевский уезд, Тульская губерния – 8 августа 1946, Париж) – епископ Православной Российской Церкви; митрополит (1922). Управляющий русскими православными приходами Московской Патриархии в Западной Европе (с 1921); с февраля 1931 г. – в юрисдик-

кресила новый раскол». На общем собрании рабатского прихода 9 февраля 1947 г. был зачитан указ Патриарха Московского и всея Руси Алексия: «Временную юрисдикцию Константинопольской патриархии над Западно-Европейскими русскими приходами, установленную в 1931 г., считать фактически и формально прекратившей свое действие. А означенные приходы вновь безраздельно находящимися в юрисдикции Московской Патриархии, о чем почтительнейше известить Его Святейшество Вселенского Патриарха Максима.»¹ Действительно, серьезные разногласия в общине начались тогда, когда стало очевидным стремление настоятеля Воскресенского храма в Рабате архимандрита Варсонофия подчинить приход Московскому Патриархату, в чем он был поддержан многими прихожанами. Тогда же стало широко известно, что священники тайно приняли советское гражданство еще во время войны, что вызвало возмущение у значительной части прихожан. Их мысли и эмоции ясно выразил А.Н. Приселков в письме П.П. Шереметеву. «Эмигрант Толстухин имеет полное моральное право, никого не спрашивая, принимать любое подданство. Архимандрит же Варсонофий, глава православной церкви в Марокко, в которой состоят не только эмигранты, но и люди иных национальностей, морально обязан был до собрания 09.02.1947 г. оповестить паству о своем личном решении. Этого он не сделал, т. к. был уверен в крайне отрицательном отношении к Советской власти большинства прихожан.

ции Константинопольского Патриархата (Западноевропейский экзархат русских приходов); с конца августа 1945 года считал себя в юрисдикции Московского Патриархата (с 7 сентября 1945 г. Западноевропейский Экзархат Русской православной церкви).

¹ Моральный отчет о состоянии общества «Православная церковь и русский очаг в Марокко» за 1946 г., зачитанный на общем собрании 9 февраля 1947 г. Архив Воскресенского храма в Рабате. Не опубликовано. Фонд не описан.

Не уходящие из прихода, а сам он внес политику в церковь, приняв в поддержку «Союз Советских патриотов», составленного в огромном большинстве из людей ни церковью, ни ее делами не интересующихся.

Пока во главе церкви стоит человек с определенной политической окраской – с ним не по пути».¹

Резко выступил по этому поводу церковный староста храма в Касабланке, адмирал А.И. Русин, в своем письме на имя о. Варсонофия от 17.01.1948: *«Никакого контроля или каких-либо указаний ни Вы, ни так называемая Вами администрация осуществлять на церковные дела и на имущество храма в Касабланке не можете после 16-го декабря 1943 года. С этого момента Вы ушли от нас, прихожан в Касабланке».²*

Раскол становится окончательным после того, как многочисленные эмигранты «второй волны» под руководством протоиерея РПЦЗ Митрофана (Зноско-Боровского) установили свои порядки в общине Касабланки. *«... Белые оказались в меньшинстве... В марте 1948 г. Касабланский отдел «Православной Церкви и Русского Очага в Марокко» ... вместо старого устава ... принимает новый устав – «Общество и Православная Церковь в Касабланке» и тем окончательно закрепляет разделение русской колонии в Марокко».³* Четко, со всей идеологической непримиримостью описывается сложившаяся в итоге ситуация в информационном листке новой общины, сохранившемся до наших дней. *«В Марокко существует два прихода: один приход советский с храмом в Рабате, второй приход юрисдикции Зарубежного синода, возглавляемым митрополитом Анастасием. Центр второго прихода в Касабланке, и все не признающие большевизм записываются*

¹ Письмо А.Н. Приселкова П.П. Шереметеву от 28.03.1947. Рабат. Архив Воскресенского храма в Рабате. Не опубликовано, фонд не описан.

² Цит. по: Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 166.

³ Там же. С.168.

в этот приход».¹ Выдавая желаемое за действительное, авторы этого листка игнорировали тот факт, что в «большевистском» приходе оставались, и не собирались покидать его, такие же православные люди, включая членов аристократических семей, которых трудно заподозрить в симпатиях к советской власти как таковой.

Яростный противник архимандрита Варсонофия протоиерей РПЦЗ Митрофан был, на мой взгляд, еще большей причиной церковной смуты в Марокко, чем его оппонент в Рабате, поставив перед собой вполне материальную цель: «... к удалению советских отцов и получению храма, которым они незаконно владеют».² С детской простотой это подтверждает родственница о. Митрофана Ирина Евец: «В Касабланке еще не было церкви. Церковь была только в Рабате. Но рабатскую церковь у нас взяла Московская патриархия. Араб подарил им эту землю».³ И по-

¹ Приходской листок № 3 Православной общины в Марокко. Адрес: Бульвар де Лоран, 29, Касабланка. Март 1949 г. Архив Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано.

² Митрофан (Зноско), епископ. Хроника одной жизни. С. 175.

³ Русская православная церковь, существующая в Марокко с 1927 г., первоначально размещалась в бараке. В начале 30-х годов, на средства русской колонии была выстроена новая церковь, которая действует по настоящее время. С ее появлением связана весьма романтическая историческая версия одного «смешанного» брака. По рассказам старожилов, приводимым в архивных материалах КУ МИД России, земельный участок размером в 1 тыс. кв. м., на котором возведен этот храм, был подарен богатым местным помещиком – офицером Джебли, женатым на русской дворянке. Как-то Джебли серьезно захворал. Никто из врачей не мог вылечить его от болезни. Удалось это сделать, якобы, только о. Варсонофию, одному из первых священников рабатской общины, который горячо молился о его выздоровлении. После этого растроганный Джебли и подарил участок земли под церковь. Поскольку оформить подарок по тогдашним правилам не представлялось возможным, то номинально участок был продан за ... 1 франк, то есть попросту был им подарен. Несколько позже, опять-таки на средства частного лица, А.Ф. Стефановского, к церкви была пристроена колокольня. При этом г-на Стефановский

этому, когда мой дядя, о. Митрофан Зноско-Боровский, приехал и хотел получить эту церковь, они нам просто ее не дали. И, к сожалению, вся эта знать – Шереметьевы и так далее – все они были в Московской патриархии¹. И вот там произошел раскол... А у нас была церковь в гараже. Просто из такого маленького помещения ее сделали. А та церковь была красивая, большая. Я даже в детстве ни разу в ней не была. Потому что нам папа, между прочим, не позволял. Не позволял присутствовать на службе, когда приезжали «московские». Конфликт был мощный! Правда, папа не такой уж был церковный, как все наши со стороны мамы, потому что это там семья священника. Они привыкли к церкви, любили церковь, ну, а папа все-таки вырос в советское время, так что он, вероятно, меньше туда ходил». ² Многие, на мой взгляд, во внутриобщинном конфликте, продолжавшемся в острой фазе более десяти лет, объясняет последняя фраза: «а папа все-таки вырос в советское время». Люди, воспитанные в атмосфере идеологической непримиримости, «одноцветности», не могли вести себя иначе даже в Африке³.

оговорил себе право проживать на этой колокольне, где он служил звонарем, до самой своей смерти. На протяжении почти четверти века с момента открытия храма в Рабате ее священником был отец Николай Шкарин, бывший белый эмигрант, в 1946 году принявший советское гражданство. (См.: Краткая фактическая справка Посольства СССР в Марокко (г. Рабат) от 08.07.1959 г. “О положении русской православной церкви в Марокко”; Митрофан (Зноско), епископ. Хроника... С. 165).

¹ Подробнее см.: интервью П.П. Шереметевой. Из личного архива автора.

² Из интервью Н.Л. Крыдовой с И.Е. Евец, Париж. 2008 г.

³ Эту тему отчасти продолжает научная статья моего коллеги по Институту востоковедения РАН: Сарабьев А.В. Зарисовка церковной жизни русской диаспоры в Марокко // *Восток-Oriens*, 2018, № 5. За время предпечатной подготовки этой книги в издательстве его статья издана.

Глава 11

РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ И МАРОККАНЦЫ: ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Вторая волна эмиграции из России смогла создать себе, как можно заключить из многочисленных примеров, приведенных в этой книге, «доброе имя» в Марокко. С учетом иной, чем в годы формирования русской эмигрантской общины «первой волны», внутриаполитической и общественной ситуации в Марокко следует, по нашему мнению, рассмотреть раздельно взаимоотношения русских с французами и марокканцами на уровне индивидуальных гуманитарных контактов.

Здесь уже отмечались отличия в положении русских беженцев из послевоенной Европы и в массе своей благополучных «русских марокканцев», интегрировавшихся в достаточной мере в колониальном обществе Марокко. Прибывшие в эту страну после Второй мировой войны эмигранты не чувствовали себя равными французам, ощущали их доминирующее положение как «хозяев» этой страны. При том, что французская администрация сделала все возможное, чтобы в сжатые сроки обустроить их жизнь, на уровне межличностного взаимодействия возникла заметная дистанция, в некоторых случаях – взаимное отталкивание. Отчетливые отголоски этого звучат в интервью эмигрантов, бывших детьми и подростками в описываемый период: *«... французы нас немножко – не то, чтобы презирали; нам самим с ними было как-то неуютно, у нас с ними была дистанция ... даже в лице мы объединялись на перемене и все между собой говорили по-русски, чтобы «французня» эта нас не понимала...»*¹

¹ Из интервью З. Колтовской Н.К. Крыловой. 2007 г. Париж. Не опубликовано.

Психологические комплексы «беженцев», «перемещенных лиц», «коллорабационистов», с одной стороны, и стремление сохранить свою культурную самобытность, «русскость», оградить себя и своих детей от влияния французской культуры, с другой, обусловили, на наш взгляд, выбор существенной частью эмигрантов второй волны стратегии пассивной автаркии,¹ что препятствовало её адаптации и, тем более, успешной интеграции в принимающее общество. *«Арабы – с одной стороны, наша русская группа – посередине, а с той стороны начиналась французская колония с розовыми домиками, садиками и французской жандармерией. Так что мы были в тисках таких культурных. Но с арабами мы мало общались, да и с французами...»*.²

В условиях активизации освободительной борьбы марокканского народа во всех её формах – политической и вооруженной – вплоть до достижения независимости в 1956 г. возросла интенсивность взаимодействия «русских» с «арабским» принимающим обществом.³ Марокканцы принимали все большее участие в экономической и общественной жизни своей страны. В частности, администрация протектората разрешила им селиться в районе Бурназель. Марокканцы и русские стали непосредственными соседями:

¹ Стратегия пассивной автаркии реализуется в ситуациях, когда мигранты, оказавшись в новом окружении, стремятся избежать прямых контактов с чужой культурой и тем самым устранить негативные симптомы культурного шока. Следующие данной модели мигранты создают свой особый микромир, в котором присутствует исключительно «родная» этнокультурная среда, живут свои соотечественники. См.: Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу. // <http://2008.isras.ru/files/File/Socis/2007-05/Yuzhanin.pdf>

² Крылова Н.Л. Единение музыкой...

³ Говоря об «интенсивности» взаимодействия, мы имеем в виду основные существующие процессы взаимовлияния от экономической необходимости совместного труда вплоть до личностных конфликтов.

*«... Этих арабов не видно было раньше. Мы приехали в европейскую страну... И потом постепенно-постепенно, как я это в детстве говорила бабушке своей, постепенно эти тараканы стали вылезать, откуда – неизвестно».*¹ Таким образом, весьма заметная часть эмигрантов второй волны вступала в тесный контакт с марокканцами, прежде всего, в силу своего существования в марокканской среде.

*«Ну, конечно, мы соприкасались с арабами. Прежде всего, мы там жили. Мы там учились вместе с ними. Я могла ходить за покупками, обыкновенный такой разговор по-арабски я все-таки понимала. Арабы к нам относились всегда хорошо. У меня никогда никаких проблем с ними не было. Никогда. И друзья арабские были. В школе. Но мало – это не было принято».*² Несмотря на общее утверждение *«арабы к нам относились всегда хорошо»*, в повседневной жизни возникали конфликты, в основе которых лежали социокультурные различия двух сторон. По мере того, как росло благосостояние эмигрантов второй волны, нанималась прислуга, регулярнее стали походы за продуктами на местный рынок. Одновременно у русских накапливался негативный опыт отношений с марокканцами, связанный с бытовым воровством, необъяснимыми проявлениями агрессии и тому подобным.³

В процессе русско-марокканских гуманитарных контактов происходили и трагические события. Сохранились документальные и устные свидетельства о гибели семьи фермеров Жеребко в окрестностях Каса-бланки, чей дом подожгли марокканские соседи, в на-

¹ Из интервью З.М. Колтовской Н.К. Крыловой. 2008 г. Париж. Не опубликовано.

² Из интервью О. Майерановой Н.К. Крыловой. 2008 г. Париж. Не опубликовано.

³ Интервью И.Е. Евец и З. Колтовской Н.К. Крыловой в 2007–2008 гг. Париж. Не опубликовано.

чале 1970-х гг. Жеребко Дмитрий Андреевич, около 80-ти лет, вместе с женой Анной Михайловной и братом, Александром Андреевичем, 85-ти лет, на своей небольшой ферме в районе Касабланки выращивали хлеб. Источником их существования был доход от продажи хлеба и ранее посаженного леса. *«И у них были какие-то враждебные отношения с окружением марокканским, за городом они где-то жили, значит, там были, наверное, какие-то очень простые злонамеренные люди... И в конце концов их дом подожгли, и она сгорела, среди ночи... Это, я думаю, уже просто много лет спустя, когда уже никого не осталось, и были только отдельные какие-то лица европейские – это конец 60-х – начало 70-х годов – то обязательно могли завязаться какие-то неприятности с соседями, которые, может быть, им завидовали».*¹

Также из-за конфликта со своими работниками в 1970 г. был вынужден покинуть пасеку в Азру (горная местность неподалеку от Феса) и переехать в Рабат М.А. Миловидов.² Но это были уже одни из последних представителей «второй волны» русской эмиграции в Марокко, оставшиеся в стране после массового отъезда своих соотечественников и оказавшиеся в иной общественной среде.

Наиболее активным было русско-марокканское взаимодействие в процессе совместной экономической деятельности. Уже упоминалось о том, что русские и марокканцы работали вместе на геодезических съемках, при разработке полезных ископаемых, строительстве и т. п. Русские врачи лечили марокканцев в госпиталях.³ В не-

¹ Учетные карточки захоронений кладбища БЕН М'СИК в Касабланке (Марокко). Из устных воспоминаний Нины Алексеевны Кулаковой-Эль-Кинани. Не опубликовано. Полевые материалы автора.

² Архивы Успенского храма в Касабланке и Воскресенского храма в Рабате. Не опубликовано. Фонд не описан.

³ Например, врач-акушер Микитюк. Работал в арабском госпитале в Касабланке. Внес 10 тыс. франков на строительство храма в Касабланке. См.: Там же.

которых случаях наши соотечественники становились работодателями или непосредственными начальниками марокканского наемного персонала. *«А еще мы сталкивались с арабами, потому что у папы была эта фирма... (эта фирма была организована еще в Бурназеле) ... Они держали ... такие специальные рейки, когда землемерные работы проводились. Затем они смотрели ту же работу теодолитами и потом записывали эти измерения».*¹

На волне «пробуждения Африки» египетские радиостанции вели передачи о поддержке «марокканской освободительной революции» со стороны Советского Союза. В это время русские скауты, дети антикоммунистов, с удивлением отмечали благожелательное отношение к себе, как к русским, со стороны неграмотных горцев, что было следствием такой пропаганды. В городах Марокко быть русским значило в эти годы быть в безопасности. *«Бойцы марокканской подпольной армии на джипах налетали по улицам Касабланки на прохожих и расстреливали их среди бела дня, подкладывали бомбы в автобусы и т. п. В связи с этим у нас было много неприятных случаев, но никто из русских не пострадал. Наши рабочие-марокканцы заблаговременно предупреждали нас, чтобы мы не ходили в определенное время по некоторым улицам или не посещали те или иные места. Так же марокканцы предупреждали и власовцев. Этим они спасли многих из русских».*²

Напряженность между марокканцами и французами существовала даже в рядах полиции. Этим пользовались лидеры русской общины для улаживания проблем, возникавших у не раз уже упоминавшихся «копытовцев». Они хорошо зарабатывали и говорили только по-русски и по-арабски, т.к. рабочими у них были

¹ Из интервью З. Колтовской Н.К. Крыловой. 2008 г. Париж. Не опубликовано.

² Бутков В.Н. Исторические записки...

десятки марокканцев. По выходным дням они обычно напивались и дрались с полицией, никогда не трогая полицейских-марокканцев. Благодаря этому по ходатайству фактического руководителя Русского Красного креста в Марокко Б.К. Кособудского султанский министр внутренних дел всегда давал разрешение освободить арестованных.¹

Мемуары и материалы полевых исследований позволяют утверждать, что доброжелательное отношение марокканцев к русским сформировалось, в первую очередь, из-за отсутствия высокомерия со стороны последних, в результате стремления эмигрантов освоить местные наречия, как реакция на проявления свойственной русскому характеру широты души. По сути, это был отклик (зафиксированный повсеместно) на дружелюбие русских эмигрантов по отношению к марокканцам, при том, что последние всегда подсознательно ставили «русского» выше себя как «белого человека» и очень ценили это. *«Мой отец к ним (марокканцам – Н.С.) относился очень, очень хорошо... Папа платил им больше, чем платили французы. И папа их, когда они приезжали, скажем, в Касабланку, усаживал их за свой стол, и мама подавала им ту же еду, которой она кормила папу. Так что ... они были как бы членами семьи или гостями. Так, по-русски, по-русски все... Он на их праздник эль-Кебир каждому рабочему дарил барана. Каждый рабочий получил барана! Что было немножко сумасшествием, потому что у папы у самого были трудности материальные...»*.²

В то же время обе контактирующие стороны отмечали определенные обычаи и особенности менталитета, сближавшие их. *«И когда лично нас марокканец знал, то считал за своего как бы брата русского. Потому что обычаи во многом одинаковые. Для меня и русские,*

¹ Там же.

² Из интервью З.М. Колтовской Н.К. Крыловой. 2008 г. Париж. Не опубликовано.

*и арабы тоже всегда делят кров, всегда дадут пить и есть, не только в моем понимании, в моем случае, а вообще: марокканцы очень гостеприимны. «Мы сегодня кус-кус делаем. Приходи!» А у французов было нужно приглашение».*¹ Примером такого сходства и одновременно образцом феноменальной способности к налаживанию добрых отношений с хозяевами и соседями была няня Прасковья Ивановна Шевлякова, благодаря которой семья Мирковичей всегда находила себе крышу над головой, и в Касабланке, и после переезда в Марракеш, где наблюдался в то время острый кризис жилья.²

В некоторых, хотя и крайне редких случаях, русские эмигранты погружались в марокканскую среду почти полностью. Например, Ростислав Владимирович Подрузский, сын офицера, выпускник Русского кадетского корпуса, а затем университета в Югославии переехал в 1947 году с группой русских из Германии в Марокко. Владея профессией инженера-геодезиста, он устроился землемером в русской геодезической фирме, которая имела государственный подряд от французской, а затем марокканской администрации. Жил в маленьком поселке Дар-Ульд-Зиду. Языки ему давались с трудом, зато он учил арабских детей с голоса запоминать стихи Пушкина и басни Крылова. После того, как русская колония в основном разъехалась, он остался в Марокко и жил в доме, построенном для себя и своего верного рабочего-марокканца, которого он звал «Иван». В 1986 году он перенес инсульт и умер в окружении семьи «Ивана». По свидетельствам очевидцев был похоронен в присутствии *кайда*³ по мусульманскому обря-

¹ Там же.

² Pauline de Mazières. Histoire de Russes au Maroc. Fr. II. Les Niani. P. 41–42.

³ *Каид* (арабск. – вождь, предводитель) – в странах Северной Африки (Алжир, Тунис, Марокко) в позднем средневековье представитель центральной власти. В Марокко – правитель округа. См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1973–1982.

ду. При этом его имя встречается в списках прихожан Свято-Успенского храма в Касабланке за 1970-е годы.

Братья Симоновы, Андрей и Валентин Васильевичи, во время войны были власовцами, в Марокко перебрались в 1946 году. Сначала они жили вместе со всеми эмигрантами второй волны в Бурназеле, но уже с 1955 года их имена появляются в списках прихожан Воскресенского храма РПЦЗ в Рабате. Напомним, что сторонники РПЦЗ в столице вплоть до 1974 года собирались на литургию не в церкви, построенной в 1932 году, а в арендованном помещении в жилом доме. В 1950-е годы братья были активными членами, Андрей – вице-президентом, а Валентин – казначеем ассоциации «Союз Русских и французов русского происхождения». Оба занимались пчеловодством. При этом они жили с марокканскими служанками (боннами), которых взяли из приюта ещё девочками, как с женами. По словам Нины Алексеевны Кулаковой–Эль-Кинани, которая застала эту историю лично, *«братья очень хотели их крестить, водили в церковь. Их и других активистов церковной общины в Рабате вызывали в полицию, где объяснили недопустимость таких вещей, как крещение мусульманок»*. Когда Андрей Васильевич погиб на дороге под колесами военного грузовика в 1979 году, служанка-жена *«украдала все деньги, так что даже не на что было устроить могилу»*.¹

Наконец, нельзя не упомянуть подвиг Георгия Константиновича Стольникова, который в августе 1948 года спас всех марокканских рабочих из охваченного пожаром производственного помещения. Поскольку сам он выходил последним через стену огня, то получил смертельные ожоги.²

¹ Видео-интервью с Н.А. Кулаковой–Эль-Кинани. Рабат. 2011 г.

² Стольников Георгий Константинович (1918,? – 30.08.1948, Касабланка (Марокко). Могила не найдена. Подпоручик. Вырос в эмиграции. Член НОРР. В Болгарии был инструктором НОРР. Перед Второй мировой вой-

Подобные эпизоды наряду с другими многочисленными фактами повседневного гуманитарного и межкультурного взаимодействия русских и марокканцев на протяжении четырех десятилетий сформировали позитивный образ «русского» в широких слоях населения страны. При этом необходимо иметь в виду, что в Марокко вплоть до наших дней существует единое традиционное информационное поле. Житейские истории, народные предания передавались из уст в уста во время семейных собраний, племенных праздников, ежегодных региональных фестивалей (муссемов).¹ Простые, зачастую примитивные по уровню своего сознания, слушатели приведенных выше и многих подобных историй выносили в итоге основную мысль – *«руси мезьян»* (русский – хороший).

* * *

Одной из характеристик русской эмигрантской общины в Марокко являлась её мобильность. В 1930–1940-е гг. в Марокко из Европы приезжали и уезжали обратно русские ученые, художники и артисты, такие, как Б.М. Арцыбашев, О.М. Бернацкая-Савич, В.Г. Лазарев, З. Серебрякова, Л.А. Шульц, В.И. Шухаев и другие, родственники и друзья «русских марокканцев», но основной вектор миграции русских был направлен внутрь страны. В послевоенный период после короткого (1947–1950 гг.) всплеска «второй волны» русской иммиграции отчетливо наметилось движение в обратную сторону: из Марокко в страны Европы и Америки.

237

ной принимал участие в организации лагерей молодежи. В период войны служил в Русском Охранном корпусе. Обучался в офицерской школе РОА. После войны эмигрировал в Марокко. См.: Незабытые могилы. Т. 6, кн. 2. М., 2006. С. 201.

¹ Подробнее см.: Дьяков Н.Н. Мусульманский Магриб. Шерифы, тарикаты, марабуты в истории Северной Африки. СПб., 2008.

В первую очередь стали уезжать достигшие студенческого возраста дети эмигрантов первой волны для получения высшего образования во Франции. Их родители стали покидать Марокко в пятидесятые годы с переходом борьбы марокканского народа за независимость в вооруженную фазу. Боевики «Армии освобождения» проводили беспрецедентные по своей жестокости нападения на объекты инфраструктуры протектората. В 1953–1955 годах крупные города Марокко и особенно Касабланку захлестнула волна терроризма.¹

В июле 1954 года старый белый офицер Е.В. Каликин писал своему соратнику В.М. Байдалакову в США: *«Мы тут, и в частности, я сам, очутились вроде как бы на фронте. Из окон моей квартиры за последние 2–3 месяца я слышу постоянно выстрелы, вижу бегание туда-сюда разных убегающих и ловящих, пожары, слышу (и даже иногда вижу) взрывы бомб... Постоянно у нас тут торговые забастовки – т.е. закрытие всех лавочек то, частично, по приказу полиции, то целиком по приказу террористов. В общем, чем не фронт?»*². Будучи активным членом НТС, Е.В. Каликин довольно категорично полагал, что начавшийся в стране общественно-политический процесс *«является ничем иным, как началом энергичного наступления коммунизма под маской арабского национализма»*³ на Марокко. Одновременно ему было очевидно, что здесь не обошлось без США, стремившихся вытеснить Францию из региона: *«Американцы из чисто коммерческих интересов стремятся к тому, чтобы северная Африка стала «самостоятельной» и могла открыть свои двери сразу американцам, без посредников»*.⁴

¹ Michel Abitbol. Histoire du Maroc. P. 540–546.

² GUL. SC. The Victor M. Baydalakoff collection. Box 9. Folder 3. Е. Каликин – В.М. Байдалакову. 25.07.1954.

³ Там же.

⁴ ГАРФ. Ф. 10032. Оп. 1. Д. 36. Л. 69.

Русские предприниматели и землевладельцы, государственные служащие и сотрудники частных фирм стали испытывать трудности в делах, связанные с саботажем рабочих и общей нестабильной ситуацией в стране. *«Но вообще они уезжали из-за очень неустойчивого положения в Марокко, потому что тогда арабы добивались своей автономности, и французы знали, что если они уедут, то и нам, европейцам, делать там нечего. Те, которые хотели уехать, сразу же собрались в Америку»*.¹ Часть из них перебралась во Францию, США, Бразилию и другие страны ещё до 1956 года.

Будучи глубоко интегрированы во французское колониальное общество, некоторые представители «старых русских» не смогли психологически принять вместе с так называемыми *пье нуар*² факт перехода власти к марокканцам. *«Просто показалась эта перемена удивительная: местное население вдруг заполонило город. Конечно, людям с глубоко укорененной колониальной психологией это даже казалось отвратительным, и они с горечью на это смотрели»*.³

Имелась и сугубо материальная причина эмиграции русских из Марокко в годы, последовавшие за получением королевством независимости, это – безработица, наступившая как для европейцев, так и для квалифицированных кадров из марокканцев. Вот как это увидел современник событий. *«Протекторат кончился. Белым, как таковым, в Марокко было трудно уже. При фран-*

¹ Комментарий И.Е. Евец к своему интервью, данном Н.К. Крыловой в 2009 г. Не опубликовано.

² Пье нуар – историко-культурный термин для описания группы марокканцев европейского (французского, испанского, а также иногда еврейского) происхождения, составлявших значительную часть населения Марокко в период французского протектората в 1912–1956 годах. После обретения Марокко государственно суверенитета основная масса европейского населения покинула страну.

³ Из беседы автора с П.П. Шереметевой. ПМА. 2010 год. Рабат, Марокко. Не опубликовано.

цузах работы было много и даже очень. Можно, так сказать, дать такую картинку: в то время считалось, что Касабланка, например, росла быстрее, чем Рио-де-Жанейро. Так быстро строилась. И катастрофой была потеря протектората. Фактически остались одни марокканцы, все те, которые на стройках были: рабочие и ремесленники, очень даже искусные. Но потеряли много работы, просто работу свою они потеряли. И просто была несколько месяцев спустя после того, как французы ушли, как все это закрылось, манифестация в Медине. Марокканцы тогда взяли два воза. На первый воз они положили картошку и воткнули французский флаг, второй воз шел за ним с пустыми консервными банками. И марокканский флаг был. Эта такая вот манифестация была. И, конечно, их сразу же разогнали. И показывает этот такой эпизодик, насколько ужасное настало время для работы».¹

Кроме того, в 1950–1960-х гг. наблюдается заметная естественная убыль численности русской общины первой волны, которая ясно прослеживается по церковным журналам регистрации смертей и квитанциям о захоронении, выданным местными бюро ЗАГС.²

Для эмигрантов второй волны Марокко оказалось, по образному выражению Л. Оболенской-Флам, «полустанком».³ Они в большинстве своем не ощущали принадлежности к этой стране, не выучили арабского языка и во время своей жизни там были знакомы лишь с немногими французами и говорившими по-французски марокканцами. Среди причин их отъезда из Марокко также преобладали экономические. Французы-работодатели покинули страну, оставив фа-

¹ Интервью Н.Л. Крыловой с о. Анатолием (Раковичем), настоятелем собора Св. Александра Невского. Париж, апрель 2006 года. Не опубликовано.

² Архивы Воскресенского храма в Рабате и Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан. Не опубликовано.

³ Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции...

брики и мастерские, откуда «белых» сразу стали вытеснять марокканцы. Представители этой категории русских эмигрантов остро ощущали бесперспективность дальнейшей жизни для себя в Марокко и стремились вырваться в Европу или Америку.

Особенно массовым стал отъезд перемещенных лиц русского происхождения из Марокко после 1 сентября 1958 года, когда было объявлено об установлении дипломатических отношений между СССР и этой страной. К перечисленным причинам добавился страх репатриации в Советский Союз и репрессий, память о которых была ещё достаточно свежей.

Исход русских первой и второй волн из Марокко продолжался до конца 1960-х годов. Таким образом, община «старых русских марокканцев» просуществовала около сорока лет, а сообщество Ди-Пи – не более пятнадцати.

Нельзя не упомянуть тех русских эмигрантов, которые остались в Марокко после падения французского протектората. Документы, имеющиеся в моем распоряжении, свидетельствуют, что среди них были представители обеих волн эмиграции с численным преобладанием первой, особенно в первые годы независимости. Некоторые продолжали свой бизнес, как, например, архитектор граф В.А. Игнатъев,¹ другие восполнили собой острый дефицит квалифицированных кадров, возникший после отъезда французских специалистов, третьи не захотели менять страну проживания, будучи вполне обеспеченными на старости лет. Об этом свидетельствуют строки автобиографии уже упоминавшегося П.С. Горсткина: *«В 1954 г. поступил в министерство агрикультуры на должность начальника отдела по испытанию искусственного дождя в Восточном Марок-*

¹ Планы, экспликации и официальные документы, оформленные архитектором В.А. Игнатьевым, хранятся в архиве Российского центра науки и культуры в Рабате, которым я руководил в 2005–2012 гг.

ко. 1957 – одновременно исполнял обязанности начальника с/х округа провинции Ужда, заменяя выбывших из Марокко французских инженеров после уничтожения протектората».

П.П. Шереметева, например, так объясняет, почему её семья не захотела покинуть независимое Марокко. *«Моя семья осталась, потому что в сущности некуда было ехать. Для моего отца, после того, как кончился протекторат, стало лучше в смысле работы. Он стал иностранец, как все остальные европейцы, включая и самих французов».*¹ Именно этих людей встречали, начиная с середины 1960-х гг., жены марокканских выпускников советских вузов, первые граждане Советского Союза, уже добровольно прибывшие в Марокко на постоянное жительство.

¹ Крылова Н.Л. «Африканская» ветвь Шереметевых: «Мы были маргиналы всех обществ» // *Азия и Африка сегодня*. № 1, Январь 2011. С. 42–48.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты научных исследований, которые были начаты в 2008 году и длятся по сей день, можно обобщить, на мой взгляд, в нижеследующих положениях.

Первые русско-марокканские гуманитарные контакты состоялись в последней четверти XVII в. и продолжались с разной степенью интенсивности вплоть до начала XX в. Собственно русская диаспора начала складываться с появлением в Марокко представителей «первой» волны эмигрантов из России. Этот процесс проходил неравномерно в период с 1922 по 1940 годы. Здесь следует выделить два основных этапа: 1922–1923 гг. и 1929–1933 гг. Перед Второй мировой войной в 1938–1939 гг. имел место еще один, правда, не столь многочисленный, всплеск эмиграции русских из Европы в Марокко.

География расселения русских эмигрантов на территории Марокко, особенно на начальном этапе, определялась прежде всего наличием рабочих мест, предоставленных администрацией протектората. Это были, в первую очередь, портовые и промышленные города.

Нам удалось составить определенное представление о половозрастном, социальном и профессиональном составе русской общины «первой» волны в Марокко, подвергнув статистической обработке персональные данные, извлеченные из архивных документов, писем и мемуаров эмигрантов, а также привлекая работы других исследователей. Более половины персонально известных нам сегодня россиян, проживавших в Марокко к 1940 году, были мужского пола. Большинство взрослых мужчин и женщин состояли в браке. Это обстоятельство свидетельствует о том, что семья оставалась одной из главных опор в деле психологического и материального выживания на чужбине. Более половины «русских марокканцев» к концу рассматриваемого пери-

ода (1940 г.) находились в возрастном диапазоне от 30 до 60 лет. Таким образом, они проходили адаптационный период (1922–1935 гг.), будучи в расцвете физических и духовных сил.

Успех адаптации на новом месте и интеграции русских в колониальное европейское общество во многом зависел от стартового образования и профессиональных навыков эмигрантов. Большинство из них соответствовали специальностям, необходимым администрации французского протектората в Марокко для освоения и развития страны. В то же время многим эмигрантам, в первую очередь, бывшим военным пришлось поменять род своей деятельности, чтобы отвечать запросам местного рынка труда.

Несмотря на то, что эмигранты «первой» волны изначально обладали в Марокко сравнительно высоким социальным статусом, не все достигли достатка или даже относительного материального благополучия к концу рассматриваемого периода. При этом следует подчеркнуть, что более состоятельные представители общины брали на себя расходы, связанные с деятельностью прихода, собирали деньги на строительство и оборудование храмов. Для этого при церкви была организована касса взаимопомощи, имевшая отделения в нескольких городах страны.

На основании изученных материалов можно утверждать, что эмигранты из России смогли в большинстве своем адаптироваться к жизни в Марокко и в разной степени интегрироваться в европейское общество протектората первой половины XX века. В то же время при общем стремлении сохранить собственную культурную самобытность, русскость, зафиксированы отдельные случаи культурной ассимиляции в принимающем обществе.

Русские эмигранты объединялись в самостоятельно организованные структуры, отвечавшие потребностям

их духовного и материального существования; в первую очередь, это были приходские общины, а также воинские и гражданские общественные организации.

Зарегистрированная как юридическое лицо, православная община объединила вокруг себя ряд ассоциаций, созданных, в том числе и для ведения внецерковной деятельности. В 1930-х гг. создавались приходы и очаги русской культуры в городах наиболее массового расселения русских, в первую очередь в Касабланке и Танжере. Социальная и идеологическая разнородность русской эмиграции в Марокко, приводила, судя по имеющимся документам, к различным разногласиям и конфликтам внутри существовавших организаций, в том и числе и религиозных. Тем не менее, вплоть до окончательного разделения всех православных христиан Марокко на приверженцев Московской патриархии и РПЦЗ в 1947 г., общемарокканская православная община оставалась организационно единой.

Таким образом, можно сделать вывод, что не только личные качества, образование и профессиональные навыки являлись залогом успеха адаптации русских эмигрантов в новых, достаточно жестких условиях. Во многом этому способствовали их потребность и способность к самоорганизации – первоначально с целью просто выжить, а затем – ради сохранения своей культурной и духовной самобытности, ради предотвращения ассимиляции последующих поколений русских в принимающее колониальное общество. Таким образом, наряду с успешной интеграцией в экономическую и культурную жизнь в Марокко эпохи протектората и обретения независимости, эмигрантам из России одновременно удалось создать русскую диаспору, представлявшую из себя многонациональное сообщество, объединенное идеей сохранения русскости и организационно сплоченное Русской Православной Церковью.

Вторая волна русской эмиграции ознаменовала собой новый этап, как в истории самой общины, так и в развитии русско-марокканских гуманитарных контактов. Архивные документы, а также мемуары участников событий того периода указывают на то, что численность русских, переместившихся из Европы в Марокко после Второй мировой войны, превысила две тысячи человек. Вновь прибывшие количественно преобладали над первыми «русскими марокканцами», оставшимися к 1947 г., но не по всей стране, а только в Касабланке. Тем не менее, это обстоятельство не давало им никаких преимуществ в делах общины, которые крепко держала в руках «первая» эмиграция.

Вторая волна эмиграции в Марокко имела социально смешанный состав, в ней количественно преобладали представители первой волны, осевшие ранее в странах Восточной и Южной Европы, в которые пришла Красная Армия. Опасаясь репрессий, они были вынуждены присоединиться к потоку беженцев, направлявшемуся в Марокко. Отличаясь по своим социально-профессиональным характеристикам от эмигрантов «первой» волны, представители «второй» волны были в основной своей массе людьми со средним образованием, без квалификации, что определяло характер их занятости в экономике протектората. «Вторая» волна была скорее народной, чем элитарной, как «первая», эмиграцией, что, по мнению диссертанта, и обусловило её место в общественной структуре Марокко.

Анализ социального и профессионального состава «второй» волны позволил рассмотреть вопросы взаимодействия представителей двух волн эмиграции в Марокко, определить положительные и отрицательные факторы, повлиявшие на взаимоотношения с принимающим обществом – европейским и арабским. Очевидно, что положение, которое занял этот контингент в социальной структуре принимающего общества, определило

в конечном счете и его роль в российско-марокканских гуманитарных и межкультурных связях. Русские эмигранты, прибывшие в Марокко после Второй мировой войны, оказались в социальном плане дальше от европейской и ближе к марокканской части общества, в котором они были вынуждены адаптироваться. Это обстоятельство стало основой позитивного восприятия «русских» именно марокканцами, что, в свою очередь, создало предпосылки для доброжелательного приема марокканским обществом следующей волны эмиграции, начавшейся в середине 1960-х годов и продолжающейся по сей день.

Одна из основных задач настоящего исследования – выявление фактов гуманитарных связей между представителями русской эмиграции первой и второй волн и марокканским населением – была решена в процессе изучения документальных свидетельств, подтверждающих многочисленные повседневные контакты «русских» с марокканцами, как в процессе военной колонизации страны, так и в мирное время. Установлено, что, если до начала 1950-х гг. русские, успевшие стать в Марокко составной частью европейского общества, могли себе позволить определенным образом игнорировать окружающий их марокканский мир, изолироваться от него, то позже это стало уже невозможным.

Важно отметить использование эмигрантами из России двух стратегий адаптации в Марокко. Наряду со стратегией интеграции, присущей в наибольшей степени представителям «первой» волны, *существенная* часть эмигрантов «второй» волны выбирала стратегию пассивной автаркии, дабы оградить себя и своих детей от влияния доминировавшей французской культуры.

Необходимо подчеркнуть факт взаимного принятия русских и марокканцев в отведенных им социальных ролях. При этом важно отметить черту, присущую большинству россиян: отсутствие надменно-

го отношения к марокканскому населению, столь характерного для французов. Русские люди в большинстве случаев умели создавать на чужбине хорошие отношения с местным населением. Наиболее тесные гуманитарные контакты с местным населением поддерживали в силу специфики своей деятельности специалисты, занятые освоением страны, строительством её инфраструктуры. Ежедневное общение, освоение чужого языка для профессионального и бытового общения неизбежно приводили к определенным изменениям в мировосприятии, как русских, так и марокканцев, формируя очевидную симпатию к первым в коллективном сознании вторых.

Четыре десятилетия гуманитарного и межкультурного взаимодействия русских и марокканцев создали позитивный образ «русского» в широких слоях населения страны. Распространению и сохранению этого имиджа способствовало существование в Марокко, как и в других странах Востока, сохранившихся до наших дней традиционных форм передачи информации.

Жизнь в Марокко также оставила неизгладимый след в душах «русских африканцев», в разные годы покинувших Марокко, о чем говорится в их воспоминаниях.¹ Заметное место образы этой страны, людей, её населяющих, заняли в творчестве русских художников, живших в Марокко в первой половине XX века.

На протяжении 1960–1980-х годов происходили контакты между остававшимися в Марокко представителями русской эмиграции и новым поколением соотечественников, открывавшим для себя эту североафриканскую страну – женами марокканских выпускников

¹ «Как Вам сказать, я не чувствую (Марокко – Н.С.) как Родину. Просто мне это место дорого, понимаете, потому что там все наши хорошие, такие добрые детские воспоминания. И потом кладбище. И маленькая церковь...». См.: Из интервью З. Колтовской Н.К. Крыловой, 2008 г. Париж. Не опубликовано.

советских вузов.¹ Своеобразным мостом между русской эмиграцией первых волн и современным русскоязычным сообществом в Марокко стали те из русских женщин, которые, руководствуясь внутренними побуждениями, начали участвовать в жизни церковного прихода, все эти годы остававшегося одним из основных и надежных прибежищ для соотечественников на чужбине.

К этому историческому периоду в русской диаспоре сложилось, на мой взгляд, три типа соотечественников:

— тех, кто себя уверенно называет *«человеком мира»*, *«поликультурной»* личностью, сформированной на стыке разных цивилизационных зон, с преобладающим *«русским»* элементом в собственной ментальности; люди, открытые к воздействию европейского и североафриканского культурных влияний, комфортно чувствующие себя и в Европе, и в Африке; Марокко для них навсегда осталось *«своим»*;

— сохранившие *«русскость»*, как знамя; для них Марокко — всего лишь эпизод, *«полустанок»* по выражению Л. Оболенской-Флам;

— *«офранцузившиеся»* — те, кто воспринял с детства французскую культуру, связали свою жизнь с Марокко и Францией.

* * *

На всем протяжении рассматриваемого периода взаимное восприятие *«русских»* и марокканцев эволюционировало на фоне кардинальных социально-экономических изменений, произошедших как в Марокко, так и на пространстве бывшего СССР. Комплекс глобальных и локальных факторов влиял и продолжает ока-

¹ «В 1976 я уехала из Марокко. Тогда уже в Марокко были советские женщины, которые замуж вышли за марокканцев, но мы с ними очень мало общались. То есть, те, которые заходили к нам в церковь, вот с теми мы как-то еще разговаривали». См.: Там же.

зывать влияние на развитие российско-марокканских гуманитарных контактов.

Несмотря на то, что русская община всегда составляла незначительную часть населения Марокко, её вклад в создание экономики страны был весьма значительным.

Важным аспектом российско-марокканского межкультурного взаимодействия были и остаются русский язык и культура. Эмигранты первых двух волн стремились сохранить родной язык, в первую очередь, у своих детей. При этом на русском языке начинали говорить марокканцы, находившиеся в постоянном контакте с русскими: слуги, рабочие, солдаты. Благодаря распространению русской культуры в Марокко силами художественной самодеятельности соотечественников и постоянно работающих в стране профессиональных музыкантов, художников, педагогов на протяжении всего исследуемого периода происходило взаимное обогащение двух народов, развивалось межкультурное взаимодействие.

Итак, на страницах этой книги сделана попытка отразить процессы формирования русской общины в Марокко в исторической динамике, её основные составляющие, проблемы адаптации и интеграции эмигрантов из России/СССР, возникновение и деятельность их организационных структур, их роль в развитии гуманитарных связей России и Марокко в соответствии с существующей классификацией. Были исследованы проблемы социальной адаптации членов российской общины в марокканском обществе во всем его многообразии на протяжении столетия, выявлены роль и место эмиграции из России в Марокко в межкультурном взаимодействии двух стран и народов. Убежден, что история русских в Марокко требует дальнейшего изучения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы:

Государственный архив Российской Федерации

ГА РФ. Ф. 5802. Оп. 1, Д. 1419.

ГА РФ, Ф. 5837, Оп. 1, д. 149.

ГА РФ. Ф. 6340, Оп. 1, д. 8.

Российский Государственный военно-исторический архив

РГВИА. Ф. 39, Оп. 2, д. 62, л. 55.

РГВИА. Ф. 15234, Оп. 1, д. 84, л. 122.

Архив Успенского храма в Касабланке. Фонд не описан.

Не опубликовано.

Копия протокола собрания русских православных, проживающих в Бурназеле от 21.02.1948. Касабланка.

Списки общины в Танжере за 1930-е гг.

Список прихожан Свято-Успенского храма в Касабланке в 1970-е гг.

Архив ассоциации «Община и православная русская церковь в Марокко».

Копия отчета о поступлении от прихожан в строительный фонд от 05.11.1957. Касабланка.

Список «Союза Русских и французов русского происхождения» за 1961 г.

Архив Воскресенского храма в Рабате. Фонд не описан.

Не опубликовано.

Архимандрит Митрофан (Ярославцев). История и жизнь марокканской православной церкви.

Доклад на общем собрании Православного русского прихода в Марокко. 25 декабря 1931 г.

Дубликат свидетельства права на земельную собственность № 5409 R. 20 декабря 1930 г. Рабат.

Письмо И. Башкирова о.Иосифу Гринкевичу от 18.11.1949. Рабат.

Квитанции на перевод взносов за 1938 г.

Список прихожан Воскресенского храма в Рабате за 1938 г.

Список прихожан Воскресенского храма в Рабате на 1950 г.

Список прихожан Воскресенского храма РПЦЗ в Рабате на 1955 г.
Список прихожан Воскресенского храма РПЦЗ в Рабате на 1960 г.

Личный архив П.П. Шереметевой – де Мазьер. Фонд не описан. Не опубликовано.

Шереметева-де Мазьер П.П. Мы Петровичи. Рукопись. Рабат, Марокко.

Интервью. © Не опубликовано.

Колтовская Зинаида (эмигрант «второй» волны) – Н.К. Крыловой. Париж. 2008.

Евец Ирина Евгеньевна (эмигрант «второй» волны) – Н.К. Крыловой. Париж. 2008.

Кулакова–Эль-Кинани Нина Алексеевна (из первых эмигрантов «третьей» волны). Рабат. 2010–2012 гг.

Шереметева Прасковья Петровна (потомок эмигрантов «первой» волны). Рабат. 2007–2012 гг.

Шагаль Владимир Эдуардович (1925–2015, российский востоковед, многие десятилетия работал в Институте востоковедения РАН). Москва. 2011 г.

Полевые материалы автора 2005–2011. Не опубликовано.

Материалы полевых исследований Павла Александровича Снитко, вице-консула Генерального консульства России в Касабланке в 2003–2006 годах (учетные карточки захоронений кладбища БЕН М'СИК в Касабланке, Марокко).

Письмо митрополита Митрофана (Зноско) митрополиту Филарету, главе Синода РПЦЗ. 28.09–11.10.1985 г. Нью-Йорк. Копия получена из архива Синода РПЦЗ в США.

Список захоронений христианского кладбища в г. Рабат. Марокко.

Справка о торгово-экономическом сотрудничестве между Россией и Марокко. Торговое представительство России в Марокко. Март 2009 г.

Справка о перемещенных советских гражданах, проживающих в Марокко. Посольство СССР в Марокко. Рабат. 13 марта 1972 г.

Источники

Бизертинский морской сборник. Выпуски: 8 № 1, январь 1922 г.; 12 № 7, декабрь 1921 г.

Бутков В.Н. Исторические записки и воспоминания члена РОВСа. Опубликовано на сайте: <http://vojnuk.org/emigration/organisations/3>

В.Б. Марокко. Русские спектакли // Русская Мысль. 1952. № 471.

Вестник Русских Добровольцев, Партизан и Участников Сопротивления во Франции. Париж. 1947. № 2.

Вейцман Ф. Без отечества. История жизни русского еврея. Тель-Авив. 1981.

Горький и его корреспонденты. М. 2005.

За свободную Россию. Сообщения местной организации НТС на Востоке США. № 29 (58), февраль 2005 г., R. Polchaninov, 6 Baxter Ave., New Hyde Park, NY, USA.

Информационный Листок от объединенного Совета Дона, Кубани и Терека. 1925. № 12.

Казачий путь. 1925. № 76, 78.

Матин Н. Русские в Иностранном легионе // Солдат удачи. 2001. № 10.

Митрофан, игумен. Православный приход в г. Курибга (Марокко) // Журнал Московской Патриархии. № 4. 1948 г.

Митрофан (Зноско), Епископ. Хроника одной жизни. К 60-летию пастырского служения. Нью-Йорк, 1995.

Митрофан (Зноско), Епископ. Светлой памяти христоробиного воина-пастыря. Нью-Йорк. 1965.

На чужбине. Январь 1922 г.

Немирович-Данченко В.И. Край золотого заката: очерки таинственного Магреба. В 3-х частях. Ольга Дьякова и Ко. Берлин. 1923.

Очерки Марокко. Путешествие Эдмондо де-Амичиса. М. 1884.

Парчевский К.К. У рабатского самовара // Журнал «Вокруг Света». № 1 (2664). Январь 1996.

Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М. 1994.

Рей-Лохмач. У подножья Атласа. От нашего корреспондента // Русская Мысль. 1952. № 415.

Россия и Тунис. Из истории отношений 1780–1917 гг. М. 2008.

Русская колония в Тунисе. 1920–2000. Сборник. Составитель К.В. Махров. Русский путь. М. 2008.

Телефонно-адресные справочники Касабланки за 1951, 1953, 1960 годы.

Ширинская А.А. Бизерта. Последняя стоянка. СПб. 2003.

Шлиппе, Ирина фон. 27 стран в 27 лет – поиск стабильности. Выступление в ДРЗ им. А. Солженицына 24 сентября 2012 г. Москва. URL: http://www.bfrz.ru/data/images/2012/news09/240912/DIPI/vecher/DP_IIA_fon_Shlippe_red.pdf.

Источники и литература на европейских языках

Письмо Коларовича П.Н., старосты прихода Успенского храма в Касабланке, от 2 февраля 1969 г. На французском языке. Не опубликовано.

Письма митрополита Филарета Г.В. Гнедичу от 05.06.1978 г. и 29.09.1978 г. На французском языке. Копии получены из архива Синода РПЦЗ в США. Не опубликовано.

Abitbol Michel. Histoire du Maroc. Perrin. 2009.

Bulletin Officiel № 769 du 6 décembre 1927.

Bulletin Officiel № 898 du 10.01.1930.

Bulletin Officiel № 918 du 30.05.1930.

Bulletin Officiel № 950 du 09.01.1931.

Bulletin Officiel № 974 du 26.06.1931.

Bulletin Officiel № 1303 du 15 octobre 1937.

Enciclopedia Britannica. 1960.

Lugan Bernard. Histoire du Maroc. Des origins a nos jours. Paris. 2011.

de Mazières, Pauline. Histoire de Russes au Maroc. Fragment I – III. Edition Khbar Bladna. 2010–2011.

Pechkoff Z. La legion etrangere au Maroc. Avant-propos. Paris. 1927.

Péraldi Michel. Entretien avec Elena Prentice // La pensée de midi 1/2008 (N° 23).

Vermeren P. Histoire du Maroc depuis l'indépendance. Paris. 2006.

Литература на русском языке

Антошин А.В. Российские эмигранты в условиях «холодной войны» (середина 1940-х – середина 1960-х гг.). Екатеринбург: Урал. Унта. 2008.

Африка глазами эмигрантов: Россияне на континенте в первой половине XX века. М. 2002.

Балмасов С. Иностраннный легион. М. 2004.

Беляков В.В. Эль-Аламейн, или Русские солдаты в Северной Африке (1940–1945): Неизвестные страницы войны. М. Русский путь. 2010.

Биографический метод в социологии: история, методология, практика / Под. ред. В.В. Семеновой, Е.Ю. Мещеркиной. М. 1993.

Биография Теймур-бека Новрузова // Исмаилов Э.Э. Георгиевские кавалеры – азербайджанцы. М.: «Герои Отечества». 2005. С. 178–187.

Блок М. Ремесло историка, или Апология истории. М. 1986.

Болдырева-Семлер Е. Дань отцу – Константину Болдыреву // Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции. Очерки и воспоминания. М. 2006.

Бондырева С.К., Колесов Д.В. Миграция: сущность и явление. М. Воронеж. 2004.

Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М. 1973.

Брюнон Ж., Маню Ж. История элитных войск. Иностраннный легион. 1831–1955. М. 2003.

Булгаков С.Н. Христианская социология // Булгаков С.Н. Труды по социологии и теологии. Т. 2. М. 1997.

Вальская Б.А. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М. 1965.

Верин В.П. На марокканской земле. М. 1972.

Виноградов В.Н. Балканская эпопея князя А.М. Горчакова. М. 2005.

Випперман Вольфганг. Европейский фашизм в сравнении. 1922–1982. Новосибирск. Сибирский хронограф. 2000.

Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. М. 2004.

Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М. Русский путь. 2002.

Волков С.В. Офицеры флота и морского ведомства. М. Русский путь. 2004.

Волков С.В., Стрелянов П.Н. (Калабухов). Чины Русского Корпуса. М. 2009.

Вырубов Н.В. В память павших воинов. (Имена русских, павших в рядах французской армии и Сопротивления 1939–1945 гг.). Париж. 1991.

Гаврилов Н.И. Марокко. Серия «У карты мира». Государственное издательство географической литературы. М. 1958.

Гиндшис Н.Л. Просопография в науковедении // Метафизика и идеология в истории естествознания. М. 1994.

Горячкин Г.В. Русская Александрия. Судьбы эмиграции в Египте. М. 2012.

Горячкин Г.В., Гриценко, Т.Г., Фомин, О.И. Русская эмиграция в Египте и Тунисе (1920–1939 гг.). М. 2000.

Громыко А.А., Ковалев А.Г., Севостьянов П.П. Дипломатический словарь. В 3 томах 1984–1986 г. М. Наука.

Данилов Ю.Н. Русские отряды на Французском и Македонском фронтах. 1916–1918 гг. По материалам Архивов Франции и военного министерства. Париж. 1933.

Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М. 1973.

Демографический понятийный словарь. Под ред. Л.Л. Рыбаковского. Центр социального прогнозирования. М. 2003.

Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология. М. 2001.

Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2004.

Дьяков Н.Н. Мусульманский Магриб. Шерифы, тарикаты, марабуты в истории Северной Африки. СПб. 2008.

Забродская М.П. Русские путешественники по Африке. М. 1955.

Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окорков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М. 2001.

Казачий словарь-справочник. Составитель словаря Г.В. Губарев, редактор-издатель А.И. Скрылов. Сан Ансельмо. Калифорния. США. 1966–1970.

Карпов Г.В. Генри Стэнли. М. Географгиз. 1958.

Колупаев В.Е. Русские в Магрибе. М. 2009.

Колупаев В.Е. Русские в Северной Африке. Обнинск. 2004.

Колупаев Ростислав. Русские эмигрантские ученые и наука в Северной Африке. Школа. М. 2001, N2 (41).

Корнилов А.А. Об историческом значении русской послевоенной эмиграции в США // Актуальные проблемы американистики: Материалы международного научного семинара «Российско-американские отношения в контексте глобальных изменений». Нижний Новгород. 1998.

Крылова Н.Л. Русские в Африке. Конфессиональный аспект // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001.

Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М. 1993.

Летнев А.Б. «Алжирская одиссея». Из истории Русского экспедиционного корпуса на Западном фронте // Африка глазами современников и историков. М. 1998.

Летнев А.Б. Колониальный вариант адаптации: российская диаспора в странах Африки. Попытки организации (1920–1940-е гг.). // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX – XX в.). М. 1998.

Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. 2008.

Луконин Ю.В. Марокканские будни изгнанников // Российская диаспора в Африке 20–50-е годы. М., 2001.

Мазур Л.Н. Методы исторического исследования: учеб. пособ. Екатеринбург. 2010.

Мощанская В.Н. Путешествия А.В. Елисеева по белу свету. М. 1956.

Мусатова Т.Л. Россия – Марокко: далекое и близкое прошлое. М. 1990.

Мусатова Т.Л. Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах (1777 – 1916). М. 1999.

Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 гг. т. 1–6. М. 1999.

Оболенская С.В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей: Человек в истории. М. 1990.

Операция «Факел» глазами соотечественницы из Марокко (из рукописи: Ирина Берхман. Воспоминания. 1979) // Африка во второй мировой войне. М. Институт Африки РАН. 2005. С. 202–215.

Пархомовский М.А. Сын России, генерал Франции: об удивительной жизни Зиновия Алексеевича Пешкова. М. 1989.

Попов А.В. Загадка генерала Болдырева: новые документы по истории белой Сибири // История белой Сибири. Тезисы III научной конференции. Кемерово. 1999.

Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.). Краснодар. 1997.

Решетников Л. Русский Лемнос. М., 2010.

Россия – Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. М. Институт Африки РАН. 1999.

Российское зарубежье во Франции 1919–2000. Биографический словарь. В 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. М.: Наука, Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010.

Российская диаспора в Африке в 20–50-е годы. Сборник статей. М., 2001.

Статистический справочник: Население СССР. М. 1988.

Судьбы поколения 1920–1930-х годов в эмиграции: Очерки и воспоминания / Ред.-сост. Л.С. Флам. М. Русский путь. 2006.

Советский энциклопедический словарь. М. 1979.

Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М. 2014. С. 151–152.

Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М. 1996.

Тюремная одиссея Василия Шульгина: Материалы следственного дела и дела заключённого. М. 2010.

Федорченко В.И. Двор российских императоров. М. 2004.

Худобородов А.Л. Вдали от Родины: российские казаки в эмиграции. Челябинск. 1997.

Цыбульский В.В. П.А. Чихачев – исследователь, путешественник. М. 1961.

Чиняков М.К. Русские войска во Франции. 1916–1918 гг. М. 1997.

Шагаль В.Э. Арабский мир: пути познания. М. 2001.

Шибутани Т. Социальная психология. Пер. с англ. Ростов-на-Дону. 1998.

Эренбург И. Лик войны. М.-Л. 1928.

Юнг К.-Г. О психологии восточных религий и философий. М. 1994.

Диссертации и авторефераты

Беляков В.В. Роль гуманитарных связей в межкультурном взаимодействии России и Египта (конец XIX – середина XX века). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М. 2007.

Колупаев В.Е. Русские в Северной Африке (1920–1998 гг.). Автореферат диссертации канд. ист. наук. М. 1998.

Колупаев В.Е. Русские в Северной Африке, 1920–1998. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М. 1999.

Рябова В.И. Российская эмиграция в Африке в 1920–1945 гг. (Институционализация и деятельность). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М. 2005.

Хрусталева Н.С. Психология эмиграции (Соц.-психол. и личност. проблемы). Диссертация на соискание ученой степени доктора психол. наук: 19.00.05. СПб, 1996.

Яковлева Е.В. Колониальный раздел Африки и позиция России (вторая половина XIX в. – 1914 г.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. Иркутск. 2004.

Публикации в периодических изданиях

Алексеева М. Прасковья Шереметева: «Всегда остаюсь русской». Петербургский дневник. 1 февраля 2013 г.

Антошин А.В., Сарабьев А.В. Ливан начала 1950-х гг. Глазами русских эмигрантов-антикоммунистов // Восток-Oriens. 2015, № 4. С. 59–71.

Антошин А.В., Сухов Н.В. Русские эмигранты в Марокко после Второй мировой войны // Восточный архив. 2017. № 2. С. 61–76.

Бовкало А.А. Православные приходы в Африке // Азия и Африка сегодня. 2003. № 1.

Болдырев К.В. Менхегоф – лагерь перемещённых лиц (Западная Германия) // Вопросы истории. Москва. 1998. № 7.

Васильев В.А. Русский Легион Чести // Часовой. 1981. № 629.

Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 2 (42), 2009.

Героев Георгий, протоиерей. Русский очаг в Марокко // Церковный вестник. Официальное издание Русской Православной Церкви. 2002. № 14–15 (243–244).

Еровченков А. Шереметевы живут в Марокко // Московская правда. 12 мая 2001.

Еровченков А. Последний поклон графине // ИТАР-ТАСС.

Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология. М. 1993–4, N3–4.

Зайончковская Ж.А. Эмиграция в дальнее зарубежье. Мир России. 2003. № 2.

Захаров Николай, протоиерей. Воскресенский приход Московского патриархата в Марокко (К 50-летию со времени основания) // Журнал Московской патриархии. 1978, № 4.

Земсков В.Н. Рождение «второй эмиграции» 1944–1952. // Социологические исследования. 1991, № 4.

Каплан В. Сии грозные бури обратятся к славе России // Фома. № 5 (61), май 2008.

Колупаев В.Е. Русские в Магрибе: К 100-летию установлению российско-марокканских отношений // Русская мысль. Париж. 1998, № 4238.

Крылова Н.Л. Единение музыкой. Из марокканской истории русского хора // Восточный архив. № 2 (22), 2010.

Крылова Н.Л. «Африканская» ветвь Шереметевых: «Мы были маргиналы всех обществ» // Азия и Африка сегодня. № 1, Январь 2011.

Ланда Р.Г. Вторая мировая война и страны Магриба. Народы Азии и Африки. 1985. № 1. С. 63–73.

Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М. 1999.

Мамед-заде, П. Успенскому храму Русской православной церкви заграницей в Марокко грозит снос // ИТАР-ТАСС. Рабат. 2 июня 2013.

Пушкарева Н.Л. История повседневности и частной жизни глазами историка // Социальная история – 2003. М. 2003.

Руткевич М.Н. О демографических факторах интеграции. СОЦИСС. 1992, № 1.

Сабенникова И.В. Русская эмиграция как социально-культурный феномен. МИР РОССИИ. 1997, № 3.

Сарабьев А.В. Зарисовка церковной жизни русской диаспоры в Марокко // Восток-Oriens, 2018, № 5. С. 77-87.

Сотников С.А. Русская военная эмиграция во Франции 1920–1930 гг.: проблемы адаптации // Вестник МГУС. № 2 (2). 2007.

Терзов А.С. История и идеология русских эмигрантских молодёжных организаций на примере Национальной организации русских разведчиков (НОРР) // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2009. № 11 (15).

Интернет-ресурсы

Акопян А. Церковь в Касабланке: и Африка не нужна... URL: http://echo.msk.ru/pda/blog/kosmopletov_aristarhh/898721-echo/

Александров К.М. Офицерский корпус Армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945. URL: <http://coollib.net/b/148403/read>

Белая Россия, сайт любителей российской военной истории. URL: www.whiterussia1.narod.ru/EMI/LIETUVA.htm

Библиографический справочник «Религиозные деятели и писатели русского зарубежья», проект А.Л. Гуревича. URL: <http://zarubezhje.narod.ru>

Глобальный еврейский on-line центр. URL: www.jewish.ru

Грезин Иван. Василий Бахерахт: Последний Императорский Посланник, Наша газета. Швейцарские новости каждый день – интернет-версия: <http://www.nashagazeta.ch/news/11275>

Демоскоп Weekly – электронная версия: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0401/print.php>

Европейское общество генеалогии и геральдики в Эстонии. URL: genealogia.baltwillinfo.com/107/02.htm

«Жизнь русской патриаршей общины в Рабате горит негасимым огнем». Беседа с настоятелем храма Воскресения Христова в 2008–2011 гг. в г. Рабате (Марокко) священником Дмитрием Ореховым. Опубликовано на сайте: www.pravoslavie.ru/guest/41745.htm#_ftn2

Интернет-версия журнала «Модный Владикавказ», 2007, № 7. http://www.modvlad.ru/mag/2007/7/vladikavkaz_i_dinastiya_shteyngeley

Интернет-сайт «Искусство и архитектура Русского зарубежья»: www.artrz.ru

Историко-этнографический сайт с. Зубова Поляна. URL: <http://zubova-poliana.narod.ru>

Кадетская переключка, интернет-журнал. URL: http://xxl3.ru/kadeti/kp20_25.htm

Юрий Николаевич Завадовский (1909–1979) // Мероэ. Вып. 2, 1981 г. URL: <http://annales.info/sbo/person/zavadov.htm>

Новая философская энциклопедия, Институт философии РАН. URL: <http://iph.ras.ru/elib/2024.html>

От Минска до Касабланки: судьба офицера Оровайского полка Е.В. Каликина. URL: <http://kalikins.ru/Persons/persons13.htm>

Портал творческого объединения «Жар-птица». Летопись усадьбы Устиново. URL: <http://www.onitam.ru/places-catalogue/letopis-usadby-ustinovo-nekotorye-svedeniya-ob-usadbe-yurino>

Рудницкий А.Ю. Этот грозный Громбчевский..., Столетие, Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/etot_groznyj_grombchevskij_525.htm

Русское зарубежье. URL: <http://russians.rin.ru>

Сайт Культурного центра «Дом-музей Марины Цветаевой». URL: www.dommuseum.ru

Сайт общественно-исторического клуба «Белая Россия». URL: <http://belrussia.ru>.

Сайт Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apatride.shtml.

Сайт семьи Толстых. URL: <http://tolstoys.ru/tree/descendants/42-tolstaya-a-m/>

Сайт Совета ветеранов войны в Египте (СВВЕ). URL: www.hubara-rus.ru/heroes.html.

Сайт Храма Воскресения Христова в Рабате. URL: <http://orthodox-rabat.ru>.

Сайт Сологубовского Н.А. <http://interaffairs.ru/read.php?item=7633>

Столетие. Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы. URL: www.stoletie.ru/territoriya_istorii/etot_groznyj_grombchevskij_525.html

Тбилисская неделя – информационный портал. URL: www.georgianpress.ru.

Шлиппе, Ирина фон. Кризис изгнания: поиски социальных и духовных решений в эмиграции. Доклад. URL: <http://www.religare.ru/article29963.htm>.

Южанин М.А. О социокультурной адаптации в иноэтнической среде: концептуальные подходы к анализу. URL: <http://2008.isras.ru/files/File/Socis/2007-05/Yuzhanin.pdf>.

UN refugee agency. URL: www.unhcr.org/refworld/docid/4f4cc9833f.html.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Перевод мемуаров Полин де Мазьер (Прасковьи Петровны Шереметевой) «История русских в Марокко», фрагмент II – «Няни», с французского языка на русский выполнен автором книги.

* * *

Няня – персонаж, занимающий достойное место в русской литературе, была важнейшей фигурой в жизни русской семьи. Что-то среднее между нянькой младенца (нуну) и гувернанткой, няня была самым близким человеком для ребенка в период, когда родители уделяли мало внимания своим детям, особенно в младенчестве. Няня Татьяны, нечастной героини пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин», классического произведения русской литературы, по которому Чайковский написал оперу в 1879 году, является почти центральным персонажем этого произведения, к тому же наиболее близким к крестьянству, из которого она происходила. Няня – доверенная подруга бессонных ночей, ей можно всё рассказать, она знает всё про тебя.

Я не знаю, кто была няня моего отца. Удивительно, что он никогда не рассказывал об этом человеке, которого не могло не быть. Няня моей матери, Матрёна Ивановна, суровая и строгая, эмигрировала вместе с семьей и осталась жить с моими дедушкой и бабушкой в Париже. Она похоронена в одной могиле с ними на кладбище Сент-Женевьев де Буа. Я знаю её только по фотографиям и рассказам моей матери. Выйдя замуж, моя мать уехала в Марокко, расставшись не только со своими родителями, но с няней, спутницей своего детства, о которой она потом очень часто вспоминала.

Живя в Марокко, мы могли бы знать о нянях только по книгам или по рассказам, но нам выпал шанс быть знакомыми и быть близкими с тремя из них. Все

они были более или менее одинаковой судьбы – сиротство, тяжелый труд, злключения в изгнании – и при этом знали себе цену, обладали выдающимся и властным характером, одинаковой приверженностью к религии. Каждый раз, когда они могли встретиться с друзьями, они делали это с неподдельным удовольствием.

Няня Лиза

Самой пожилой и, конечно, самой деревенской была Елизавета Николаевна Николаева, няня Лиза Толстых. Она родилась в 1861 году в Симбирске в Сибири в год отмены рабства. Она была подкидышем (её фамилия была явно придуманной и дана ей для метрической записи), выросла в сиротском приюте, работала с юного возраста и подвергалась плохому обращению. Она абсолютно сама научилась читать и писать, во всяком случае, в достаточной мере, чтобы читать Евангелие и молитвословы на старославянском языке.

Ещё очень молодой она поступила в качестве помощницы горничной в богатый дом в Санкт-Петербурге. Умная и очень живая, она быстро сделала карьеру, и ей доверили ребенка. Вместе с господами она часто бывала за границей, что позволило ей повстречать в одной из гостиниц Германии Ленина, который симпатизировал ей. Однажды, очень торопясь и будучи без сомнения преследуем полицией, он попросил её помочь уложить чемодан, в котором она запомнила накладную бороду, фальшивые документы и рукописи. После этого он спасся через черный ход, подарив ей в знак признательности трость эбенового дерева с серебряным набалдашником в форме собачьей головы, подчеркнув при этом: «для прогулок по берегу моря». Конечно, он сунул ей в руки революционную брошюру с поручением ввезти её в Россию. Это она и сделала, спрятав брошюру под широкой

пелериной, ниспадающей до пят. Здесь я пересказываю воспоминания Сергея Толстого, чьей няней она стала, а также его сестры Сони. Они были двумя последними (из 7 выживших) детьми Михаила Толстого, сына Льва.

Она была с ними на Кавказе, куда они отправились после февраля 1917. Столкнувшись с десантом красноармейцев, которые ловили офицеров, она выгнала их с отчаянной энергией и спасла всех своих. Она эмигрировала с ними – они были её единственной семьей – через Севастополь. На корабле, на котором свирепствовал тиф, она ухаживала за больными. В Константинополе две женщины оказались одни с детьми, они потеряли Михаила Львовича по дороге. Затем Югославия и Париж, где их ждал на вокзале «Гар дю Нор» в роскошном лимузине дядя Александр (Саша) Глебов, одетый в ливрею шофера. Это была его новая профессия. Графиня ничего не умела делать, и уж тем более граф. Им пришлось всему учиться. Зарабатывать деньги, заниматься домом и детьми. Няня, которой больше не могли платить денег, нанялась поварихой в богатую семью, откуда приносила каждую неделю огромные мешки с продуктами. «У них слишком, а у вас не хватает» – говорила она, чтобы преодолеть их щепетильность.

Поскольку Саша (Александра Михайловна Толстая), которая вышла между тем за Игоря Константиновича Алексеева (сына знаменитого режиссера Станиславского, реформатора современного театра и основателя МХАТ в Москве), родила в 1933 году дочь Ольгу, няня, навестив её, и уступая настойчивой просьбе Саши, решает остаться с ними. Она вырастила Ольгу, приехала с ними в Марокко, жила в местечке Сиди Бетташ, где Игорь К. приобрел землю и создал небольшую ферму. Очевидно, что она была неотъемлемой частью семьи, что подтверждают бесчисленные фотографии. В Сиди Бетташ она применила свое знание растений для лечения окрестных крестьян с помощью трав, которые она

собирала на полях. После банкротства и продажи фермы, а Игорь Константинович не был силен ни в сельском хозяйстве, ни в управлении, она приехала с ними в Рабат, где умерла 10 февраля 1944 года в госпитале им. Мари Фёйе.

Я очень хорошо помню её. Поскольку Ольга была моей лучшей подругой, мы были неразлучны вплоть до того момента, когда её отец решил вернуться в СССР, где ему предложили стать директором музея Станиславского.

Няня была очень маленькой, довольно толстой, настоящая табакерка (в 1942 году в Рабате ей было за 80), довольно угрюмой. Она мало считалась с Игорем К., который был для неё не более чем случайно прибившимся к клану Толстых, частью которого была она сама. У неё были маленькие круглые очки, редкие волосы, стянутые сзади в маленький шиньон, и неизменный огромный фартук. У нее был между тем элемент элегантно-сти: маленькая круглая шляпка, которая делала её похожей на гриб. Она осталась с Ольгой после развода родителей и отъезда матери. В сущности, она посвятила им всю свою жизнь.

В церкви, все службы в которой она посещала, у неё был верный друг — диакон о. Николай Шкарин, для которого она пекла блины. Оба они были сибиряками и проводили нескончаемые часы, вспоминая потерянную Россию и, особенно, Сибирь, её пейзажи, привычки и обычаи, вспоминая смешные считалки, множество которых они знали, и которые надо было бы записать. Няня отличалась неисчерпаемым запасом поговорок на каждый случай жизни, которые она приводила при всякой надобности.

Вместе со своей подругой Марией Григорьевной, няней Мальцевых/Всеволожских, несмотря на свой преклонный возраст, они отстаивали в первом ряду все наши нескончаемые православные службы. Когда на-

ступал момент причастия, к которому они готовились заранее постом и молитвой, я видела их микроскопические силуэты, такие старенькие, идущие вперед, затем поворачивающиеся к присутствующим, которых они просили в земном поклоне прощения за свои прегрешения вольные и невольные, которые они могли бы совершить по отношению к ним. Воспоминание об этой скромности очень сильно запечатлено в моей памяти.

Финка

Мария Григорьевна Шуйская была самой близкой для меня из трех нянь. Она родилась, кажется, в Санкт-Петербурге около 1880 года, выросла в сиротском приюте, затем воспитывалась в Смольном институте, обучение в котором ей оплачивал «неизвестный» (это указывало, что она была внебрачным ребенком или плодом мезальянса – неравной связи). Приехав из Финляндии, благодаря чему она получила прозвище Финка или Финночка, она поступила в семью князя Мальцева в 1903 году с рождением его дочери Марии (Маришки), вслед за которой появились Николай (1906 г.) и Нася (Надежда, 1914 г.).

После февральской революции Мальцевы нашли прибежище у их отца, генерала Ивана Сергеевича Мальцева в Крыму, в усадьбе Симеиз. Другие сестры Барятинские жили у их матери со всеми своими многочисленными детьми. Это был период, когда все, кто мог, старались убежать от хаоса больших городов, распостранявшегося насилия и трудностей со снабжением.

Когда в апреле 1919 года императрица мать уступила давлению своей сестры, королевы Англии, и взошла на борт крейсера «Мальборо», чтобы покинуть Россию, княгиня Барятинская, будучи дамой её свиты, была обязана сопровождать её вместе со своей дочерью

Мальцевой до Мальты. И таковы были её наивность, её непонимание происходящего и убежденность, что с возвращением в Крым Белой армии спокойствие будет продолжаться, что она вернулась в Ялту, где её ожидали остальные члены семьи. В самом деле, жизнь казалась нормальной: дети ходили в школу, издавали маленькую семейную газету, тетушки работали на Красный крест. Новости приходили редко, противоречивые и запутанные, и, хотя циркулировали слухи об убийстве царской семьи, никто в них не верил. Когда Красная армия возобновила свое неумолимое наступление, все, кто мог, погрузились на последние английские корабли, уходящие в Константинополь. Старая и больная бабушка, которая перенесла незадолго перед этим инфаркт, отказалась уезжать. Сергей Иванович Мальцев и его жена Ирина Владимировна не пожелали бросить её и остались в Ялте с Финкой и тремя детьми, в то время как сестры Ирины уехали. В декабре 1920 года они были арестованы, включая старую княгиню Барятинскую и князя Мальцева. Финка осталась одна с детьми. Она носила в тюрьму деньги и еду, но через десять дней ей дали понять, что это больше не требуется. Они были расстреляны в месте под названием Багреевка, под Ялтой, вместе с тысячами других. С 1920 по 1922 Финка пряталась с детьми в домике повара, выдавая их за своих. Сначала она жила за счет продажи украшений, закопанных Сергеем Ивановичем перед арестом. Но однажды кто-то выследил её и опустошил тайник. Никто не знает, как ей удалось прокормить себя и детей в эти годы голода.

Дети росли, окруженные лаской, а она все больше и больше боялась за них. Она решает отправить Николая, которому исполнилось 14 лет, находит одну даму в Одессе, которая сводит её с проводником. Ему она доверяет переправить Николая в Болгарию, не имея даже возможности узнать, удалась ли переправка. Они узнают это только через месяц, когда сами приедут в Софию.

Финка организует их побег. Я вспоминаю этот рассказ, повторенный сотню раз, каждый раз с новыми подробностями. Это было похоже на роман, в котором были и комичные эпизоды. Они вышли пешком из Симеиза, владения дедушки Мальцева, купленного им потому, что однажды, купаясь на пляже, он потерял обручальное кольцо. Сначала он купил пляж, затем земли вокруг. Они прошагали пятнадцать километров до места встречи, где должны были находиться ещё двадцать человек. Там они должны были сесть в лодку и доплыть до рыболовного судна. Но ясная луна помешала их отъезду, и они были вынуждены ждать десять дней, прячась в доме одного дяди. В конце концов, они приплыли к этому судну на лодке, весла которой, я помню эту деталь, были обмотаны, чтобы избежать всплесков, на шум которых стреляли пограничники. Кораблю, в котором они теснились, понадобилась неделя, чтобы привезти их сначала в Румынию, а затем в Варну в Болгарии. Во время этого путешествия произошел трагический случай: умер младенец, и его были вынуждены выбросить в море в саване. Это произвело большое впечатление на детей. В Варне они были помещены в карантин, свирепствовал тиф, где их нашел и отвез в Софию муж Анны, сестры их матери, Павел Щербатов. Николай прибыл несколько позже, его привез проводник, для которого эта поездка стала последней. По возвращении в Крым его арестовали и расстреляли большевики. Чтобы спасти детей, что она считала своим абсолютным долгом, Финка отказала жениху.

С 1922 по 1928 год все они жили в Софии. Потом Маришка вышла замуж за Сергея Сергеевича Всеволожского и отправилась жить в Париж, где родила своего первенца. Финка присоединилась к ней, чтобы помогать с новорожденным, покинув Насю, которая таким образом потеряла свою вторую мать. Она последовала за ними в Марокко, сначала в Кенитру, где в 1934 году

умер младший сын Маришки, Николай, затем – в Рабат, где они жили в более чем скромных условиях совсем рядом с православной церковью. Мои воспоминания о ней относятся к сороковым годам. Я видела её, конечно, в церкви, в которую часто ходили наши семьи, и она сама. Иногда мы ночевали у них после всенощных на большие праздники, спали на полу или на связанных шнуром двух креслах. Это делалось для того, чтобы не идти пешком через весь город на следующее утро и ничего не есть с момента пробуждения – это обязательный пост – перед службой, во время которой мы должны были причащаться.

Она имела привычку заходить к нам, чтобы отдохнуть, со словами: «К графине на дачу». А эта «дача» была обыкновенным одноэтажным домом на проезжей улице, но, без сомнения, более приятной, чем тот, где жила она сама. Она приходила около полудня, такая маленькая и старенькая, проделав долгую дорогу через город. Она очень любила эти маленькие каникулы.

Мы с ней спали в одной комнате, и я помню с почти фотографической точностью сложный ритуал укладывания Финки в постель, который я наблюдала со своей кровати. Предполагалось, что я сплю. Свет был выключен, и только масляная лампада потрескивала на полке с иконами, покрытой белым полотном, вышитым крестиком красными и синими нитками со сложными узорами и стилизованными фантастическими животными. Мерцало пламя, освещаая временами то затененный лик Богородицы, то лик Христа и заставляя блестеть медь окладов. Мне казалось, что она нескончаемо молится перед иконами, крестясь и кладя земные поклоны. Затем начиналось раздевание. С возрастом она стала зябнуть и носила много слоев одежды, которые она снимала медленными движениями своих узловатых и деформированных рук, на которых выступали крупные вены. На голове она носила чепчик, под который засовывала

круг из шелка, вырезанный из старого берета, предназначенный сохранять тепло на голове. На ночном столике стоял стакан со святой водой, в котором она размягчала кусочек освященного хлеба, твердого, как камень, оставшегося с прошлого воскресенья, и которыми она могла благочестиво начать свой день. У неё было не много зубов.

Утром, как и ожидалось, процедура начиналась в обратном порядке, но я никогда не видела её полностью, так как торопилась в школу.

Она никогда не вставала из-за стола, не повернувшись сначала к иконам, благодаря Бога за пропитание этого дня и широко крестясь, потом – к моей матери, с церемонным поклоном. Моя мать, ещё очень молодая, приходила в замешательство от такой почтительности, которая ей казалась, без сомнения, чрезмерной, со стороны пожилого человека, которого она глубоко уважала и требовала называть по имени отчеству. Но это было напрасно. Ничего нельзя было сделать. Она была графиней, её было должно называть графиней!

Я её нежно любила. Я отождествляла её с той далекой и немного сказочной Россией, о которой мне рассказывали, и которая описывалась в прочитанных нами книгах.

Она умерла в 1951 году в Париже у своей подружки, которая жила у графини Пушкиной на улице де ля Гласье в 13 округе, куда моя бабушка приводила меня в 1946 и 47 годах, и которая произвела на меня большое впечатление: она зарабатывала на жизнь ремонтом кресел – она освоила ремесло обойщика – и заменой обивочных предметов.

Катя

(Катерина Антоновна Пилинская)

Третьим членом этого маленького братства была Катерина Антоновна Пилинская, Катя, которая была членом семьи Балашевых (сестры моего отца Натальи), жившей в Танжере.

Она родилась в Санкт-Петербурге в 1877 году в семье одного из служащих дедушки и бабушки моего дяди Саши Балашева. Ей дали возможность учиться в пансионе, и она была намного умнее всех из маленькой компании. У неё были две сестры, одна из которых была замужем за шеф-поваром дедушки, а это была ответственная должность. Мне рассказывали, что она была влюблена в одного лакея, но её сестры, считая это мезальянсом, помешали этому браку. Она осталась старой девой. В качестве первой камеристки Катерины Андреевны Шуваловой, бабушки дяди Саши, она всюду ездила с ней и, конечно же, эмигрировала с семьей. После её смерти она перешла в семью моих дяди и тети и занималась с самого рождения в 1930 году их дочерью Еленой. Она последовала за ними в Марокко в 1931 году, поскольку дядя Саша который работал в Париже туристическим агентом в фирме «Сэр Генри Лан Трэвел», решил переехать под другие небеса, которые уже приютили его сестру Иру (Ирину) Игнатьеву.

Катя действительно была личностью. Среднего роста, очень худая, чтобы не сказать, тощая, очень умная — она много читала — она очень заботилась о своей внешности, т. е. нарядах, что было несвойственно другим. Она была элегантной, часто носила белые платья двадцатых годов до середины икры, штопанные-перештопанные, с воротничками, воланами и тесемками. У неё была коллекция коле, шляпок и туфель на острых каблуках из другой эпохи. Она обладала хорошим чувством юмора. Однажды мой муж спросил её на Авениде в Танже-

ре, куда мы повели её попить какао: «Катя, как вам удастся всегда быть в форме?». Она ответила с акцентом, игриво подмигнув: «Никаких мужчин и время от времени – стаканчик».

Она умерла в Касабланке в 1962 году и похоронена на русском участке кладбища Бен Мсик рядом с моей тетей Натальей.

Няня Шевлякова (Прасковья Ивановна Шевлякова)

Теперь я должна рассказать о той, кого я не знала лично, хотя и встречала, кажется, с момента её приезда в Марокко в мае 1947 года – о Прасковье Ивановне Шевляковой. Долгое время я спрашивала себя, кто похоронен в одинокой могиле, расположенной у ограды европейского кладбища в Марракеше. Она странным образом оказалась очень в стороне от русского участка с характерными могилами: белыми с куполами-луковицами и трилистниковыми крестами. Меня туда провел сторож. Я, конечно, не увидела бы её без его помощи. На табличке красного мрамора было написано кириллицей не только её имя, но и профессия – няня с указанием дат её жизни. Перевода не было, и было понятно, что окружающий мир, по преимуществу французский, ничего здесь не видел. Это было действительно интересно, и мое воображение пустилось в путь. Мне понадобились годы, чтобы найти её следы в Окленде (США) у Федора Петровича Мирковича, у которого она жила и умерла в 1952 году. Сначала она вырастила ту, кто стал его женой, Елизавету (Лилу) Романовну Кнорринг-Бенуа, а затем их сына Мишку, родившегося в 1945 году в Германии. Это он, обнаруженный чудесным образом в 2007 году, дал мне всю информацию, которую я так искала.

Сказка об Устынском ханстве¹ и о китайской напасти

Мандаринова супруга²
Для сердешна-мила друга
Не жалея сил и сна
Записала всё сама

* * *

За горами, за долами
За широкими морями,
Против солнца, на земле,
В Сироканской стороне,
Близ Сахарьевской пустыни
В славном княжестве Устыни
Пять годов княжит уж ныне
Ханша Мазь-Вотру-Хамам.³
Добродетельна и важна,
Белотельна и вальяжна –
Всё на месте, в аккурат,
И перед хорош и зад!

¹ «Устынское ханство», или Устиновка, а изначально Устиново – одно из имений Лихачёвых, около Рязани, в честь и память которого была названа марокканская «Устиновка».

² Борис Владимирович Дезобри (мандарин) родился в Харбине, куда их отец, Владимир Михайлович, был переведен по причине неповиновения. Мать – ур. Ольга Лермонтова. После революции жил в предместье Парижа, разорился и решил приехать к брату с женой и тремя детьми в Марокко.

³ Варвара Львовна Дезобри, ур. Лихачёва – дама очень властная, настоящий диктатор. Страшно любила чистоту. Славилась своим гостеприимством.

* * *

В разлучении супруги...
Всё войну ведет на юге
Хан По-Харе-Бей-Орун¹.
Хоть не слишком он и юн,
Только нравом пылок вышел,
Про смутьянство где слышал –
Тут как тут! И где там сечь!
Саблю вон и выю с плеч.
Всё карает, всё воюет,
С полководцами пирует,
Хоть Коран запрет давал,
С виской пьет уродопал.
Так он властвует отважно,
А к супружнице вальяжной
Едет два-три раза в год, –
Чтобы приструнить народ
И семье доставить радость
И вкусить любви сладость.
Любит Ханшу Бей-Орун,
Любит Хана Мазь-Вотрун

* * *

На сегодня хватит чтенья.
Из Китая шлет почтение
Тот, кто написал стихи,
Сунь-Клистор-Очки-Вотри,²
А по-русски – Дезобри.

275

Устиновка. Январь 1936 г.

Примечания были сделаны в 2003 году Люсей Дезобри в замке Пелтье-Дуази и Николаем Борисовичем Дезобри в 2008 году в Ницце.

¹ Михаил Владимирович Дезобри.

² Он же.

Научно-популярное издание

СУХОВ Николай Вадимович

**ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ
В МАРОККО В XX В.**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Публикуется в авторской редакции

Художественное оформление, верстка – А.В. Сарабьев

Подписано 23.11.2018.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,25. Уч.-изд. л. 11,5.
Тираж 500 экз. Зак. № 373.

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И.В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5